

СЕКЦИЯ 2

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ»

СОДЕРЖАНИЕ

РОЛЬ НАСЛЕДСТВЕННЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ Аптикиева Л.Р. канд. психол. наук, доцент, Майланов А.С.	314
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУЧНЫХ ШКОЛ: ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ Беляев И. А., д-р филос. наук, доцент.....	320
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ В ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ Завьялова Г.И., канд. филос. наук, доцент, Ворников А.Г., Постаренко Е.И..	330
ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ТРЕВОЖНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И ЭФФЕКТИВНЫЕ СПОСОБЫ ЕЁ СНИЖЕНИЯ Задорожная К.С., Аптикиева Л.Р. канд. психол. наук, доцент	334
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДЕЛОВ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ИДЕЙ ЮМА И ПОППЕРА) Закирова Т.В., канд. филос. наук, доцент.....	340
НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЗНАНИЯ Д. ДЕННЕТА И Д. СЁРЛА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ) Закирова Т.В., канд. филос. наук, доцент, Недорезов В.Г., канд. филос. наук, доцент, Писарчик Л.Ю., канд. филос. наук, доцент.....	343
ФЕНОМЕН САМОЗВАНЦА: ПИЛОТАЖНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ Козловская Т.Н., канд. пед. наук, доцент, Медведева О.Н.....	352
ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СУЖДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ МЕТАСИСТЕМЫ ИСКУССТВА, НАУКИ, ТЕХНИКИ И ИНЖЕНЕРИИ Коломиец Г.Г., д-р филос. наук, профессор	359
АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ Лыков А.В., канд. ист. наук, доцент.....	364
ВОЛОНТЕРСТВО КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ Мокрицкая Е. А.	371
УКРУПНЕНИЕ КОЛХОЗОВ В ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1950-1952 гг.): ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ Наточий В.В., канд. полит. наук, доцент	375
ЭПИСТИАРХИЯ КАК ИДЕОЛОГИЯ ПРОГРЕССА И НАУЧНОГО РАЗВИТИЯ Нефедов М.О., Наточий В.В., канд. полит. наук, доцент.....	381
СОВРЕМЕННЫЕ «ЦИФРОВЫЕ КУЛЬТЫ»: АНАЛИЗ ПОСТСЕКУЛЯРНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ Орлова Е.В., канд. филос. наук, Рогов Г.А., Токарев Н.В.....	385
ГЕРОИ ПРОШЛОГО – ОРИЕНТИРЫ НАСТОЯЩЕО: ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННЫМИ СТУДЕНТАМИ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Перминова М.С., канд социол. наук, доцент, Лагулова С.А.....	389

МУЗЕЙ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Петрищева М. В.....	397
КОМСОМОЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОРЕНБУРГСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА Попов В.Б., канд. ист. наук, доцент	401
СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЧЛЕНА СЕЛЬСКОГО СОВЕТА В 1923 Г. Сафонов Д.А., д-р ист. наук, профессор	407
ИММЕРСИВНЫЙ ПОДХОД В УЧЕБНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ: ПРОСТРАНСТВО ПРИСУТСТВИЯ Сысоева М.С.....	412
ИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ: НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ Трофименко К.С.	417
ПРОБЛЕМА БУЛЛИНГА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ Фомиченко А. С., канд. психол. наук, доцент	421
СТРАТЕГИЯ УБЕЖДЕНИЯ: КАК РЕКЛАМА МАНИПУЛИРУЕТ НАШИМ ВЫБОРОМ Хакимова Р.В., Аптикиева Л.Р. канд. психол. наук, доцент.....	426
«Я — ДРУГОЙ»: ВОЗМОЖНА ЛИ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ С ИСКУССТВЕННЫМ АГЕНТОМ? Щеглова М.И., канд. филос. наук.....	429

РОЛЬ НАСЛЕДСТВЕННЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

Аптикиева Л.Р. канд. психол. наук, доцент, Майланов А.С.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Психическое развитие личности представляет собой сложный и многогранный процесс, который формируется на протяжении всей жизни человека. Понимание механизмов этого развития, а также факторов, влияющих на него, имеет фундаментальное значение для психологии, педагогики, медицины и других наук, занимающихся изучением человека. В современном мире, характеризующемся стремительными социальными изменениями, глобализацией и развитием цифровых технологий, вопросы о том, как наследственность и социальная среда взаимодействуют, формируя уникальные личностные качества, становятся особенно актуальными. Изучение этой взаимосвязи позволяет не только глубже понять природу человеческой индивидуальности, но и разработать более эффективные подходы к воспитанию, образованию, коррекции и поддержке личности на различных этапах ее жизненного пути.

Проблема влияния наследственных и социальных факторов на психическое развитие личности является одной из центральных в психологии. На протяжении многих десятилетий ученые разных школ и направлений исследовали этот вопрос, предлагая различные концепции и модели. Классические работы в области генетики поведения, психогенетики, социальной психологии, возрастной психологии заложили основу для понимания роли генов и среды. Были предложены различные подходы к определению соотношения вклада наследственности и среды (например, модели аддитивности, интеракции, корреляции). Однако, несмотря на значительный объем накопленных знаний, многие аспекты взаимодействия этих факторов остаются предметом дискуссий и требуют дальнейшего углубленного изучения. Особый интерес представляют современные исследования, учитывающие новые социальные реалии, такие как цифровизация, изменение семейных структур и культурных парадигм, которые могут оказывать непредсказуемое влияние на траекторию психического развития.

Цель исследования - проанализировать и систематизировать современные представления о роли наследственных и социальных факторов в психическом развитии личности, выявить особенности их взаимодействия на различных этапах онтогенеза и определить практическую значимость данного исследования для понимания индивидуальных траекторий развития.

Психическое развитие личности – это непрерывный, динамический процесс, охватывающий когнитивные, эмоциональные, социальные и

нравственные аспекты. Этот процесс не является predetermined ни генетически, ни исключительно социальными условиями. Он представляет собой результат сложного и зачастую нелинейного взаимодействия биологических предпосылок и внешних воздействий. Наследственность закладывает фундамент, определяя потенциальные возможности и ограничения, в то время как социальная среда наполняет этот фундамент содержанием, формируя уникальные личностные характеристики, ценностные ориентации и модели поведения. Вопрос заключается в том, как именно происходит это взаимодействие, какие механизмы лежат в его основе, и как оно проявляется на разных этапах жизни человека, формируя его уникальную траекторию развития.

Психическое развитие личности представляет собой многогранный, сложный и непрерывный процесс, который формируется на протяжении всей жизни человека. Оно охватывает когнитивные, эмоциональные, социальные и нравственные аспекты психики. Этот процесс включает формирование мыслительных процессов, памяти, внимания, воображения, эмоциональной регуляции, личностных качеств, самосознания и системы ценностных ориентиров. Данный процесс обусловлен взаимодействием наследственных и социальных факторов, которые не действуют изолированно, а проявляются во взаимосвязи и реализуются через активное участие личности. Наследственные факторы создают биологическую основу психического развития, определяя индивидуальные возможности, пределы функционирования нервной системы, уровень нейропластичности, сенсорную чувствительность и врожденные задатки, формирующие потенциал когнитивных, эмоциональных и поведенческих процессов. Социальные факторы, в свою очередь, формируют содержательную сторону психического развития, обеспечивая усвоение норм, ценностей, моделей поведения, социальных ролей и культурных стратегий. Психическое развитие невозможно рассматривать исключительно с позиции биологических или социальных детерминант, поскольку каждый фактор реализуется через взаимодействие с другими, а их синергия формирует уникальные личностные особенности.

С рождения человека наследственные факторы начинают определять основу психической жизни. Генетическая информация формирует строение и функционирование центральной нервной системы, уровень сенсорной чувствительности, скорость передачи нервных импульсов, баланс возбуждения и торможения, эмоциональную реактивность и устойчивость к стрессу. Эти биологические особенности создают диапазон потенциалов, в пределах которых возможно развитие когнитивных, эмоциональных и поведенческих функций. Например, индивидуальные различия в скорости обработки информации, уровне возбудимости и устойчивости нервной системы формируют темперамент, влияя на активность человека, эмоциональные реакции и способы взаимодействия с социальной средой. Уже на ранних этапах развития проявляются индивидуальные различия в поведении, реакции на раздражители, уровне активности и эмоциональной устойчивости, которые являются проявлением наследственных задатков.

Наследственные факторы определяют также предрасположенность к определенным типам когнитивного и эмоционального функционирования. Они формируют склонность к аналитическому или образному мышлению, особенности когнитивной гибкости, уровень внимания, способность к концентрации, память и скорость усвоения новой информации. Эти задатки создают биологические предпосылки для формирования индивидуальных стратегий обучения и поведения. Однако наличие врожденного потенциала не гарантирует его автоматической реализации. Без соответствующих условий среды задатки могут оставаться нереализованными, проявляться в ограниченной форме или трансформироваться под воздействием неблагоприятных факторов. Например, интеллектуальные способности могут быть нивелированы недостатком стимулов, неблагоприятной образовательной средой, стрессовыми воздействиями или ограниченной социальной поддержкой. В то же время благоприятная социальная среда позволяет реализовать потенциал на полную мощность, способствуя формированию уникальных личностных характеристик.

Наследственные особенности оказывают влияние не только на когнитивные способности, но и на эмоциональную сферу, уровень адаптации и стрессоустойчивость. Биологически обусловленные особенности нервной системы определяют эмоциональные реакции, предрасположенность к состояниям тревоги или активности, способности к саморегуляции и формированию адаптивных стратегий. Эти механизмы проявляются в поведении человека с раннего возраста, формируя индивидуальные модели реакции на социальные и физические стимулы. Темперамент, как стабильная биологическая характеристика, влияет на уровень активности, эмоциональные реакции, предпочтения в обучении и взаимодействии с другими людьми. Его проявления определяют стиль поведения, особенности восприятия и обработки информации, склонность к социальной инициативе или сдержанности, что в дальнейшем оказывает влияние на формирование личностных стратегий и моделей адаптации.

Социальные факторы формируют содержательную сторону психического развития. В процессе социализации человек усваивает язык, социальные нормы, ценности, моральные и этические установки, правила поведения и стратегии взаимодействия. Социальная среда является не только источником информации, но и пространством формирования смыслов, установок и личностных ориентаций. Через взаимодействие с другими людьми формируется самосознание, система самооценки, моральные и этические принципы, эмоциональная регуляция и поведенческие стратегии. В детском возрасте психика отличается высокой пластичностью, что делает влияние социальной среды особенно значимым. Семья, как первая и наиболее значимая социальная среда, оказывает влияние на эмоциональное развитие ребенка, формирование привязанностей, базового доверия к миру, эмоциональной устойчивости и навыков межличностного взаимодействия. Эмоциональный климат семьи, стиль воспитания, характер общения между взрослыми и ребенком, а также

культурные традиции оказывают долговременное влияние на формирование личности и ее адаптационных ресурсов.

Социальное влияние продолжает расширяться с включением ребенка в образовательную среду. Школа и другие образовательные учреждения формируют когнитивные способности, социальные навыки, саморегуляцию, ответственность, умение сотрудничать, разрешать конфликты и планировать действия. Качество образовательной среды и ее соответствие индивидуальным особенностям ребенка существенно влияет на успешность обучения и психологическое благополучие. В образовательной среде дети получают стимулы для развития мышления, памяти, внимания, творческих и аналитических способностей, а также навыков социального взаимодействия, что способствует реализации наследственных задатков. Образовательная среда формирует когнитивные стратегии, способы решения проблем, навыки самоконтроля и саморегуляции, которые становятся основой будущих личностных и профессиональных достижений.

Культурный контекст также оказывает значительное влияние на психическое развитие. Каждая культура формирует определенные модели мышления, эмоционального выражения, поведения и системы ценностей, которые становятся частью внутреннего мира личности. Усвоение культурных образцов определяет способы интерпретации жизненного опыта, формирование жизненных целей, личностных ориентиров и эмоциональных стратегий. Психическое развитие в рамках культуры обеспечивает интеграцию индивидуального опыта в социальное пространство, формирует систему смыслов и личностную идентичность. Различия в культурных моделях мышления и поведения влияют на когнитивные стратегии, эмоциональные реакции, способы решения проблем и формирование ценностных ориентиров, что подчеркивает важность социальной среды для реализации наследственных задатков.

Современные изменения, связанные с цифровизацией и расширением виртуальных пространств, создают новые формы социальных воздействий. Онлайн-коммуникации, социальные сети, цифровые платформы и медиа оказывают влияние на когнитивные процессы, эмоциональную сферу, социальную идентичность и навыки саморегуляции. Наследственные особенности, такие как уровень нейропластичности, эмоциональная устойчивость, скорость обработки информации и адаптивные способности, определяют степень успешной адаптации к цифровой среде и способность использовать ее возможности для обучения, коммуникации и творчества. Социальная среда цифрового пространства создает новые стимулы и возможности для формирования навыков самовыражения, критического мышления и социальной коммуникации, демонстрируя взаимодействие биологических и социальных факторов на современном этапе развития личности.

Активная роль личности является неотъемлемым аспектом психического развития. Человек не является пассивным объектом воздействия

наследственных и социальных факторов. Он активно интерпретирует, перерабатывает и преобразует социальный опыт, формируя индивидуальные стратегии поведения, когнитивные и эмоциональные навыки, личностные качества и ценностные ориентиры. Даже при сходных наследственных задатках и социальных условиях люди демонстрируют значительные различия в когнитивных, эмоциональных и социальных проявлениях, что подчеркивает значение личностной активности, мотивации и стратегий саморегуляции в процессе развития.

Психическое развитие человека представляет собой динамическое взаимодействие наследственных и социальных факторов. Биологические предпосылки реализуются через социальный опыт, а социальные воздействия могут изменять функциональное состояние психики, влияя на реализацию наследственных задатков. Благоприятные условия социализации способствуют полноценной реализации потенциала, тогда как неблагоприятные условия могут ограничивать развитие когнитивных, эмоциональных и социальных способностей. Психическое развитие является процессом непрерывной адаптации и самоорганизации, в котором каждый человек формирует индивидуальную траекторию, учитывая наследственные особенности, условия социальной среды и личностные стратегии.

На различных этапах онтогенеза психическое развитие проявляется по-разному. В раннем детстве наследственные задатки определяют темперамент, эмоциональную реактивность, сенсорные способности и начальные когнитивные возможности, в то время как семья формирует базовое доверие, эмоциональную устойчивость и первые навыки общения. В младшем школьном возрасте социальные факторы расширяются за счёт образовательной среды и взаимодействия со сверстниками, что позволяет развивать когнитивные способности, социальные навыки, саморегуляцию и мотивацию к обучению. В подростковом возрасте возрастает влияние сверстников, формируются личностные ценности, стратегии поведения и самосознание. В зрелом возрасте психическое развитие включает закрепление когнитивных и эмоциональных навыков, формирование профессиональной и социальной идентичности, личностных целей и стратегий самореализации. На поздних этапах жизни происходит интеграция опыта, накопленных знаний и навыков, развитие способности к саморефлексии и адаптации к изменяющимся социальным условиям.

Практическое значение изучения взаимодействия наследственных и социальных факторов заключается в возможности прогнозирования психического развития, индивидуализации образовательного процесса, коррекции эмоциональных и когнитивных нарушений, а также формирования психологической устойчивости и адаптивных стратегий поведения. Учитывая наследственные задатки и социальные условия, можно создавать стратегии поддержки, способствующие раскрытию потенциала личности на всех этапах жизни, развитию ее уникальных качеств и успешной адаптации к современным условиям.

В целом, психическое развитие личности является результатом сложного и динамического взаимодействия наследственных и социальных факторов, опосредованного активной деятельностью человека. Наследственные задатки формируют биологическую основу психики, определяя индивидуальные возможности и ограничения, а социальная среда обеспечивает формирование содержания психической жизни, усвоение культурных норм, ценностей и моделей поведения. Взаимодействие этих факторов создаёт условия для формирования уникальной, целостной и адаптивной личности, способной к самореализации и эффективной адаптации в постоянно меняющемся обществе. Наследственные и социальные факторы не противостоят друг другу, а взаимодополняют и усиливают влияние друг друга, создавая динамическую систему, обеспечивающую гибкость психического развития и возможность формирования индивидуальной траектории личности.

Список литературы

1. Асмолов, А. Г. Психология личности: учебник / А. Г. Асмолов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 527 с.
2. Березовская, Р. А. Психогенетика : учебное пособие для вузов / Р. А. Березовская. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 190 с.
3. Волков, Б. С. Детская психология : учебник для вузов / Б. С. Волков. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 361 с.
4. Карандашев, В. Н. Психология : учебник для вузов / В. Н. Карандашев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 441 с.
5. Ялом, И. Теория и практика групповой психотерапии / И. Ялом ; пер. с англ. Н. А. Бернштейн. – Москва : Эксмо, 2022. – 640 с.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУЧНЫХ ШКОЛ: ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ

Беляев И. А., д-р филос. наук, доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

В сфере современного философского и науковедческого знания понятие научной школы обладает двойственным статусом. Во-первых, оно нередко используется в рамках различных дискурсов. Однако, во-вторых, общепринятого, тяготеющего к универсальности определения соответствующего понятия пока не выработано [2; 3; 6; 7; 8; 13; 15; 16; 17 и мн. др.]. Поэтому имеет смысл начать с установления того, в каком значении в настоящем исследовании выступит данное понятие.

Под научной школой здесь будет пониматься исторически сложившаяся «относительно устойчивая форма научного сообщества, характеризующаяся известной самостоятельностью, самодеятельностью и самоорганизованностью; форма трансляции направлений, опыта, традиций и формы научного поиска <...>; неформальное творческое содружество исследователей разных поколений, сплоченных общим стилем исследовательской деятельности и добившихся признанных научных результатов» [8, с. 63]. Выступая как коллективный субъект познания, научная школа обеспечивает межпоколенную преемственность вербализованных и невербализованных эвристически ценных исследовательских регулятивов через принципиально чуждый бюрократической формализации институт ученичества. Роль культурно-семантического ядра школы играет система профессиональных ценностей, методологических установок и имплицитных навыков, передаваемых учителем и усваиваемых учениками посредством личного взаимодействия и «живой коммуникации», что в рамках формализованного образования принципиально недостижимо.

Необходимо подчеркнуть, что научная школа, возникающая на основании диалектического единства харизмы лидера и разработанной им концепции, существует как проявление этого единства. Лидером может стать только тот ученый, который обладает тонким восприятием нового в науке, практике и наделен организаторскими способностями [7]. Объединив ранее разрозненных индивидов в устойчивое сообщество, лидер ведет их за собой (порой едва ли не буквально), прививая им интерес к определенному кругу научных проблем, особый стиль осуществления интеллектуального поиска и склонность к использованию четко очерченной исследовательской методологии. Устойчивость школы, предполагающая надежное воспроизводство и развитие научного направления, обеспечивается преемственностью поколений, передачей присущих науке ценностей от учителя к ученикам, культивированием индивидуального творчества, с одной стороны и

коллективно выработанных традиций – с другой.

Ключевыми для настоящего исследования являются понятия научной школы и институционализации. Соответственно, использовать эти понятия «напрямую», без подобающего осмысления их семантического статуса не стоит. Внимание первому из указанных понятий уделено выше. Положения, выработанные в процессе критического анализа содержания, традиционно мыслимого в понятии институционализации, излагаются ниже. Стоит заметить, что если специфика предшествующего случая диктовала необходимость совершения выбора в пользу одного из множества присутствующих в философско-научно-исследовательской литературе конкурирующих определений, выстроенных с относительно приемлемой корректностью применительно к предмету проводимых изысканий, то здесь, как выяснилось в процессе осуществления философского поиска, надо было внести нечто новое в устоявшееся содержательное наполнение понятия.

Согласно «Новой философской энциклопедии», под институционализацией следует понимать «процесс формализации социальных отношений, переход от неформальных отношений (объединений, соглашений, переговоров) и неорганизованной деятельности к созданию организационных структур с иерархией власти, регламентацией соответствующей деятельности, тех или иных отношений, их юридической легализацией, если это возможно и необходимо» [9, с. 125.].

Анализ содержания приведенной формулировки свидетельствует о том, что уточнение представлений об институционализации может идти по пути их диалектизации. Диалектика же, как известно, усматривает в процессе развития две взаимосвязанные и взаимообусловленные стороны: эволюцию и революцию. В пользу допустимости признания институционализации частными случаем процесса развития можно привести ряд аргументов. Важно, прежде всего, учитывать, что процесс институционализации, вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств, подчиняется диалектическим законам развития, в обязательном порядке проходя этапы возникновения, количественного накопления элементов новой системы (эволюция) и последующего качественного скачка, закрепляющего ее целостность и автономию (революция).

Институционализация, понимаемая как переход реализуемых практик от спонтанности, лабильности и тяготения к эвентуальности к продуктивному сочетанию внутренней и внешней детерминированности, стабильности и адаптивности, представляет собой конкретно-историческую реализацию всеобщего принципа развития, его специфическое социально организованное проявление. Как и всякий процесс развития, институционализация движима внутренними противоречиями, разрешение которых посредством их «снятия» приводит (должно приводить) к утверждению нового, более устойчивого состояния соответствующих практик.

Рискну предположить, что опора на изложенное выше позволяет совершить переход к обсуждению вопроса об институционализации научных

школ с ориентацией на формирование эвристически ценных обобщений.

Возникновение научных школ – результат социального заказа на внедрение научного знания в различные сферы общественной жизни. Это изначально, во многом, правда, подспудно, сделало их атрибутом весомый познавательный – теоретический и прикладной – потенциал. Данный потенциал воплощается через уникальную внутреннюю структуру школ, требующую бережного отношения всех людей, причастных к процессу и результатам научного поиска, причем не только самих исследователей, но и носителей административных функций.

Научная школа функционирует как механизм селекции и легитимации нуждающихся в разработке исследовательских проблем, определяя границы должного и допустимого в постановке вопросов и интерпретации результатов. При этом она призвана действовать за рамками простого воспроизводства уже существующих идей. Получая объективно новое знание, школа обогащает науку, внося тем самым вклад в создание перспектив прогрессивного развития общества. Очевидно и то, что знание, генерируемое в процессе научного поиска, должно обладать, в частности, признаками истинности и проверяемости. Здесь нельзя не вспомнить об этосе научной деятельности, который «предполагает безусловно честное – во всех смыслах этого понятия – исследование» [14, с. 74]. Питательной средой, в которой вызревают новые идеи и где совершается действительная передача исследовательского профессионализма, служит коммуникативное пространство научных школ [2]. В этом пространстве происходит (должна происходить) кристаллизация изначально неформальных практик в устойчивые образцы этически корректного мышления и поведения ученых.

Далее имеет смысл сфокусировать внимание на том, что в современных условиях научная школа приобретает особое значение как социальный институт, непосредственно и опосредованно влияющий на становление различных сторон общественной жизни. Формирование научных школ, создание условий их успешного функционирования в конкурентной среде в наши дни нельзя не признать одним из способов кадрового обеспечения инновационного развития общества [4]. Через подготовку новых поколений ученых школы становятся определяющими факторами технологического и социального прогресса. Однако устойчивость этого процесса тесно связана, в частности, с ресурсным обеспечением научных коллективов, которое, если вести речь о российских реалиях, весьма остро нуждается в совершенствовании [12].

Научная школа – это такое сообщество, функционирование которого немислимо без сохранения и трансляции определенных исследовательских традиций. Данные традиции всегда антропоцентричны, так как школа представляет собой человеческую общность, механизмом жизнеобеспечения которой выступает передача специфических разнохарактерных ценностей «от учителя к ученику» («ученик, будучи независимым от учителя, следует за ним, так как устами учителя-лидера говорит логика науки, ее методология,

принципы, стиль мышления и деятельности» [11, с. 21]). Причем, научная школа существует ровно столько, сколько жива передаваемая «из рук в руки» система ценностей. Институциональное признание вкупе с государственной и внегосударственной поддержкой обретают свой подлинный смысл только при наличии этой хрупкой человекоразмерной основы. Ее выхолащивание оказывается неизбежным тогда, когда в угоду формальным бюрократическим критериям «эффективности» исследовательской деятельности происходит игнорирование роли лидера, задающего своим последователям основополагающие векторы ценностного освоения научной действительности, а также допускаются нарушения естественности процессов формирования и воспроизводства межличностного доверия внутри школы.

Общество в лице государственных органов и негосударственных объединений призвано не только финансировать научные проекты, но и культивировать среду, в которой могут рождаться и воспроизводиться творческие научные сообщества. Насущной необходимостью является создание таких условий, при которых внутренняя логика развития научных школ, основанная на преемственности и глубинном творческом поиске, находила бы адекватное отражение во внешней логике их ресурсного обеспечения. Только при реальной согласованности двух этих логик научная школа способна полноценно выполнять свою историческую миссию по генерации нового знания и подготовке ученых, способных сыграть ключевую роль в решении тех проблем, которые встанут перед обществом в будущем.

Таким образом, в наши дни научная школа должна являть и, большей частью, являет собой социальный институт, обеспечивающий как этически корректную генерацию нового знания, так и воспроизводство самого научного сообщества через подготовку новых конкурентоспособных кадров. Целенаправленное осмысление специфики становления этого института приближает исследователей к пониманию диалектики индивидуального творчества и коллективной традиции в науке, где личный авторитет и идеи лидера трансформируются в устойчивую социокультурную форму организации познания.

Тема настоящего исследования обозначена так: «Институционализация научных школ: диалектическое видение». При этом, как было указано выше, уже сейчас вполне допустимо вести речь о научной школе как о социальном институте. Не порождает ли совмещение одного с другим противоречие, обесмысливающее проводимые изыскания? Думается, что если попытаться усмотреть здесь противоречие, то его придется признать мнимым.

Надо полагать, что идентификация научных школ как обладателей статуса социального института не снимает с повестки дня исследования, предметную сферу которых составят процессуально-результивные характеристики их институционализации. Логико-методологическая корректность данного утверждения определяется рядом обстоятельств. Так, динамика современной науки, характеризующейся междисциплинарностью, цифровизацией и глобальной конкуренцией, ставит под вопрос устойчивость

традиционных моделей школ, требуя анализа новых перспективных форм их самоорганизации. При этом процесс институционализации никогда не завершается окончательно; школы постоянно адаптируются к изменяющимся условиям финансирования, государственной политики и академических стандартов, что нуждается в системном изучении. Вместе с тем, целенаправленное осмысление механизмов институционализации позволяет выявить скрытые дисфункции внутренней жизни школ, такие, например, как бюрократизация содержания деятельности, клановость или же подавление инакомыслия, которые принципиально несовместимы с полноценной реализацией творческого потенциала научных коллективов и их членов. Далее стоит отметить, что понимание конкретных путей и этапов институционализации необходимо для разработки и воплощения в жизнь потенциально эффективной стратегии научного развития общества, которая, применительно к обсуждаемым вопросам, должна быть направлена не столько на констатацию жизнеспособности тех или иных школ, сколько на их культивирование и поддержку. И, наконец, в условиях кризиса воспроизводства научных кадров такие исследования позволяют определить, как на фоне разворачивающейся институционализации школы транслируют содержание своего культурно-семантического ядра, обеспечивая преемственность, которую невозможно сколько-нибудь существенно формализовать посредством опоры на какие-либо стандарты.

Специалистам известны факты институционализации научных школ, случившиеся десятки, и даже сотни лет назад. Так, институционализация школы классической политической экономии в Московском университете состоялась в 1804 г. [1]. Однако в текущем веке порой оказывается, что научные школы имеют место де-факто, однако, де-юре, их как бы и нет. Иначе говоря, сообщества ученых, вполне явственно обладающие признаками научной школы, существуют, тем не менее, акт их формальной институционализации не состоялся [5]. В случаях подобного рода сомнения в необходимости совершения этого акта обычно отсутствуют. Однако полная уверенность в том, что данный акт может принести только искомые плоды, объективно полезные как для науки в целом, так и для занимающихся ею людей, не имеет достаточных оснований. Ведь, в самом деле, признание институционального статуса школы влечет за собой фундаментальные переосмысление и реорганизацию ее существования: из свободного сообщества единомышленников она превращается в элемент социальной структуры, наделенный формальными функциями и ответственностью. Этот переход от «харизмы к рации» очевидно неоднозначен. С одной стороны, формализация деятельности научной школы как социального института может способствовать повышению ее эффективности. С другой стороны, эта деятельность рискует утратить ранее свойственный ей творческий характер. Осознавая наличие данного обстоятельства, следует признать, что институционализация являет собой диалектический процесс, в рамках которого обретение стабильности имеет оборотную сторону, состоящую в постоянной

угрозе омертвления живого духа интеллектуального поиска. Жизненные реалии таковы, что внутренняя логика научного творчества либо сопротивляется внешним контрпродуктивным требованиям социального порядка, либо, по тем или иным причинам, адаптируется к ним, утрачивая, в какой-то степени, свое естество.

Стоит заметить, что школа представляет собой уникальное сообщество, которое одновременно и генерирует научное знание, и, в сущности, является продуктом этого процесса, что позволяет констатировать наличие антиномии, нуждающейся в разрешении. Здесь требуется раскрытие особенностей процессов, в рамках которых научная школа как совокупный (коллективный) субъект познания конституирует себя через смыслы и практики, разделяемые составляющими его индивидами.

Историческая ретроспектива демонстрирует, что научные школы, выступавшие, поначалу (Древний мир: Индия, Китай, Греция), чем-то вроде существующих доныне самодеятельных клубных формирований, постепенно преобразовались в сообщества исследователей, интегрированные в систему государственного управления наукой и обладающие, подчас, сложной структурой. Процесс этот, будучи нелинейным и рискогенным, продолжается, причем общий характер его осуществления следует, надо полагать, признать экспоненциальным.

На сегодняшний день существует два альтернативных подхода к пониманию сути институционализации научных школ [10]. Особенности этих подходов отражают наличие фундаментальных антитетических расхождений в трактовке науки. Эти расхождения простираются от ее восприятия как самодостаточной сферы чистой рефлексии научного разума с имманентно порождаемыми институтами до ее трактовки в качестве социального конструкта, всецело определяемого внешними императивами. Первый из подходов предполагает признание основным содержанием обсуждаемого процесса развитие внутренней, собственно научной стороны деятельности соответствующего исследовательского сообщества, второй – формальное, юридически детерминированное закрепление за ним определенного статуса. Очевидно, что сторонникам первого подхода свойственно фокусирование внимания на эволюционной составляющей целостного процесса институционализации, сторонникам второго – на революционной.

Думается, что оба подхода в их рафинированном виде следует отвергнуть. Первый из подходов, эволюционистский, будучи воплощенным в жизнь в отрыве от второго, чреват впадением школы в дурную бесконечность, когда движение происходит исключительно внутри нее самой, когда принадлежащие к ней ученые в практически неизменном виде воспроизводят прежние достижения и пути к ним, игнорируя недостатки в своей работе и преувеличивая присущие ей достоинства, рискуя де-факто оторваться от своего внешнего окружения, как от коллег, занимающихся аналогичными изысканиями, так и от потенциальных потребителей получаемых результатов. Второй, революционистский, подход предполагает официальное признание

(рейтинги, награды и др.), которое, выступая изолированно, «само по себе», не только не гарантирует создание предпосылок дальнейшего профессионального роста коллектива школы и ее отдельных членов, но и может стимулировать переход от реальных изысканий к их имитации, порождающей симулятивные объекты, чья внешняя форма, лишенная должного внутреннего содержания, оказывается вполне приемлемой для «отчета» (и только для него). Стоит ли сомневаться в том, что институционализация научных школ, происходящая исключительно в соответствии с особенностями одного из рассмотренных подходов, наверняка окажется, как минимум, фактором подавления творческих интенций входящих в них ученых? Как максимум, такая институционализация лишит научную школу шансов на дальнейшее полноценное развитие. Более того, теоретическое моделирование и скрупулезное сопоставление возможных последствий отделения друг от друга эволюционных и революционных процессов свидетельствует о том, что оба гипотетических варианта сценария развития принесут в деятельность научных школ и входящих в их состав ученых сходные, порой, в конечном итоге, внешне малоотличимые друг от друга негативные реалии.

Полагаю, что эти подходы неприемлемы только как члены строгой альтернативы. Но если при их практической реализации уйти от логического «или», заменив его логическим «и», то возникнет возможность избежать описанных рисков в их явном виде и добиться того, чтобы институционализация научных школ с высокой вероятностью обеспечивала продуктивность их функционирования и развития в должном направлении. Синтез процессов, акцентируемых обсуждаемыми подходами, позволит не подавлять, а стимулировать прогресс научных школ как точек роста научного знания и творческого начала в деятельности исследователей, которые к ним принадлежат.

Справедливости ради нельзя умолчать о и том, что исследователи обычно не проявляют склонности к обозначению себя как сторонников одного и только одного из рассмотренных подходов. В опубликованных ими работах акцент на один из подходов скрадывается за счет использования информации, более, казалось бы, приемлемой для апологии другого подхода. Да это и не мудрено, ибо процесс институционализации каких-либо социальных практик континуален и, соответственно, задача четкого определения границы между его эволюционной и революционной составляющими является трудноразрешимой, по причине чего обычно оказывается вне сферы интересов специалистов.

Завершая изложение результатов проведенного исследования, полагаю необходимым отметить то, что статус школы как социального института выступает для ее членов и внешним ограничителем, и концентрированным выражением имманентных, исторически подвижных условий возможности научного творчества. При этом социальное становление научной школы может рассматриваться как непрерывный процесс ее изменений в ответ на вызовы с двух сторон, одна из которых – развивающийся корпус знания, другая –

трансформирующееся общество.

Философское осмысление институциональной стороны становления современной научной школы позволяет усмотреть в ней уникальный гибридный феномен, в чьих пределах логика истины и логика социальной жизни находятся в состоянии динамического и, зачастую, конфликтного взаимопроникновения. Свойственное школе коммуникативное пространство является носителем функций мембраны и, одновременно, катализатора; сопряженная реализация этих функций создает возможность встречи указанных логик, институциональные же аспекты исследовательской деятельности фиксируют временно достигаемые компромиссы между ними. Исследование институционализации научных школ, таким образом, следует признать, по сути, раскрытием особенностей границ и условий самой возможности науки как социально укорененного поиска истины в эпоху ее тотальной административной рационализации.

Несмотря на значительный объем накопленного знания, вопрос об институционализации научных школ остается открытым, требуя дальнейшего осуществления философской и науковедческой проработки. Некоторые из приоритетных направлений таких исследований упоминались выше в горизонте излагаемых мыслей. К числу этих направлений стоит добавить анализ влияния цифровых коммуникационных технологий на трансформацию традиционного коммуникативного пространства школы и возникновение новых, сетевых форм научной коллаборации. Актуальным является также сравнительное изучение институциональных траекторий школ в различных национальных и дисциплинарных контекстах, направленное на выявление как имеющихся здесь универсальных закономерностей, так и свойственной конкретным случаям культурной специфики. Особого внимания заслуживает разработка критериев оценки эффективности институционализации, которые бы учитывали не только формальные показатели продуктивности, но и способность школы сохранять свое творческое ядро и воспроизводить уникальные исследовательские традиции. Наконец, перспективным стоит признать исследование этических проблем институционализации школ, связанных с достижением оптимального баланса между академической солидарностью, необходимостью конструктивной критики и рисками формирования замкнутых, остановившихся в развитии коллективов, научность характера интеллектуальной деятельности которых вызывает сомнение.

Список литературы

1. Аузан, А. А. Институциональный аспект эволюции научных школ / А. А. Аузан, А. А. Курдин // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 5(194). – С. 91-99. – DOI 10.47711/0868-6351-194-91-99. – EDN UACHYE.
2. Гушул, Ю. В. Инструменты фиксации коммуникативного пространства научных школ / Ю. В. Гушул // Обсерватория культуры. – 2021. – Т. 18, № 5. – С. 520-530. – DOI 10.25281/2072-3156-2021-18-5-520-530. – EDN XRGLRM.

3. Демченко, З. А. Парадигмальный подход к формированию понятия «научная школа» как инновационный подход к развитию молодежной науки / З. А. Демченко // *Философия образования*. – 2012. – № 5(44). – С. 12-20. – EDN NTNFQR.
4. Журавлева, Г. П. Научная школа как современный институт подготовки кадров и инновационного развития общества / Г. П. Журавлева // *Экономика и управление*. – 2010. – № 10(60). – С. 71-75. – EDN MVUECZ.
5. Иванова, С. В. Научная школа: цели, преимущества и риски институционализации / С. В. Иванова // *Ценности и смыслы*. – 2022. – № 1(77). – С. 6-27. – DOI 10.24412/2071-6427-2022-1-6-27. – EDN ITQAKN.
6. Капранова, В. А. Научная школа как социальный феномен: сущность, типология, закономерности развития / В. А. Капранова // *Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология*. – 2015. – № 1(83). – С. 11-14. – EDN QGMKNT.
7. Кванина, В. В. Понятие и признаки научной школы / В. В. Кванина // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2016. – № 11(27). – С. 37-42. – DOI 10.17803/2311-5998.2016.27.11.037-042. – EDN YJGXAN.
8. Мамонтов, С. А. Научная школа как форма научного сообщества / С. А. Мамонтов // *Инновационное образование и экономика*. – 2008. – № 2. – С. 62-64. – EDN NHSUJR.
9. Новая философская энциклопедия : в 4 томах. Том 2. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Издательский дом «Мысль», 2010. – 634 с. – ISBN 978-5-244-01117-3. – EDN QWVQIV.
10. Передельский, А. А. К вопросу об институционализации научно-педагогических школ в сфере физической культуры и спорта / А. А. Передельский // *Теория и практика физической культуры*. – 2016. – № 8. – С. 94-96. – EDN WDJOMT.
11. Смирнов, В. В. Эволюция взглядов на возникновение и институциональную роль научных школ / В. В. Смирнов // *Terra Economicus*. – 2009. – Т. 7, № 2-2. – С. 18-23. – EDN PLCRXV.
12. Розов, Н. Х. Понятие «научная школа» и проблема финансирования науки в России / Н. Х. Розов // *Педагогика*. – 2007. – № 8. – С. 102-106. – EDN NBYDLR.
13. Федорова, Г. В. К истории вопроса о научных школах / Г. В. Федорова, Д. В. Щербаков // *Бюллетень сибирской медицины*. – 2009. – Т. 8, № 4. – С. 86-91. – EDN KXTEWB.
14. Честное философствование / Г. Л. Тульчинский, В. В. Миронов, Б. В. Марков [и др.] // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. – 2017. – № 12. – С. 68-76. – EDN XOCWDB.
15. Шапка, В. В. Научная школа как социальный институт в РФ / В. В. Шапка, Ф. А. Бобров // *Наука. Мысль: электронный периодический журнал*. – 2015. – Т. 5, № 5. – С. 58-71. – EDN UZGDSH.

16. Якупов, Р. И. О науковедении, гуманитарном знании и дефиниции понятия «научная школа» Часть первая / Р. И. Якупов // Вестник ВЭГУ. – 2012. – № 4(60). – С. 186-189. – EDN PVBVXF.

17. Якупов, Р. И. О науковедении, гуманитарном знании и дефиниции понятия «научная школа» Часть вторая / Р. И. Якупов // Вестник ВЭГУ. – 2012. – № 5(61). – С. 166-170. – EDN PEMELD.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ В ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

**Завьялова Г.И., канд. филос. наук, доцент,
Ворников А.Г., Постаренко Е.И.**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Человек по своей сути – существо биосоциальное. Социум имеет огромное влияние на людей, ибо в процессе социализации человек становится личностью. Исходя из того, что социальные условия определяют наши культурные, образовательные, демографические аспекты, они в свою очередь влияют на деловую коммуникацию. Данное влияние проявляется через культурные особенности организации, структурную иерархию организации, личностные общения между сотрудниками, а также сотрудниками и клиентами.

Коммуникация один из главных факторов успеха в деловых, предпринимательских деятельности. Коммуникация изучается многими гуманитарными науками, в данной статье коммуникация будет рассматриваться с психологической точки зрения [1].

Деловое общение как предмет психологического исследования в научную сферу ввёл Борис Герасимович Ананьев. Он определяет деловое общение как социально-психологический процесс взаимного влияния членов коллектива друг на друга в целях согласованного и эффективного выполнения ими определённых действий, в которых реализуется потенциал личности на основе установленных служебных отношений. Говоря простыми словами, деловая коммуникация есть процесс обмена информацией, который направлен на достижение конкретных целей [2].

С психологической точки зрения деловое общение рассматривали: В. И. Андреев; О. А. Баева; Г. В. Бороздина; Л. В. Власов; Ю. Н. Емельянов; Ю. М. Жуков; А. П. Журавлёв; А. Ю. Панасюк; А. Л. Свенцицкий; В.Г. Успенский и др.

Деловое общение – это специфический вид деятельности, где главным выступают отношения, которые строит человек с другими людьми. В деловом общении между переговорщиками могут возникнуть различные специфические барьеры в виде первого впечатления, установок, отрицательных эмоций, характера, темперамента и т.д. Перечисленные преграды относятся к психологическим барьерам. Психологический барьер можно охарактеризовать как внутреннее препятствие, связанное с личностными характеристиками, с эмоциями и др.

Барьер первого впечатления или его ещё можно назвать как навешивание «ярлыков», при чем это может происходить как осознанно, так и не осознанно. В первую очередь человека судят по его одежде, не даром в народе говорят, что «встречают по одежке, а провожают по уму». Поэтому внешний вид на деловых встречах выполняют несколько функций:

- выступает как самопрезентация;
- показывает о второстепенных смыслах, то есть даёт понять о статусе человека, выражает его уверенность, настрой и т.д.;
- выступает презентацией всей компании, что в себе несет ценности, которые придерживается компания.

Одним из решающих факторов, влияющих на барьер первого впечатления, является мимика, движения, речь, занимаемые позы. В совокупности все эти признаки могут многое сказать о человеке при первом разговоре или знакомстве. Язык телодвижения учит нас читать намерения других по их позам, движениям, мимике, дает нам понять, когда от нас что-то скрывают, помогает влиять на другого человека, позволяет убедить человека в своей правоте и как успешно провести переговоры. При этом нужно помнить одно, что первое впечатление не всегда истинное, прежде чем делать вывод, нужно больше узнать о собеседнике. Для успешного преодоления барьера первого впечатления нужно создать подходящий внешний вид по случаю делового общения, то есть рекомендуется придерживаться классического стиля, правильно подобрать причёску. При этом не забывать следить за своими манерами, соблюдать нормы и правила, принятые в данном обществе. Грамотно, чётко, лаконично излагать свои мысли, проявлять уважение к собеседнику [3].

Барьер установки или барьер отношения, в чем его суть. Предубеждения или негативная установка по отношению к собеседнику мешают выстраивать конструктивный диалог. В этом плане большую роль играет прожитый опыт человека, а также стереотипы, которые основаны на принадлежности человека к той или иной группе несмотря на индивидуальные особенности человека, при этом взяты они из вне. Для преодоления данного барьера нужно узнать, что за человек, а не руководствоваться информацией из не проверенных источников, так как в деловых кругах много конкуренции. Возможна вероятность того, что человек заранее негативно относится по отношению к организации или определенному человеку. Если такое случилось, то тут нужно отнестись к такому, как к проявлению невежества, тогда такое отношение не будет так сильно задевать. Если человек вам неприятен, здесь имеется большая вероятность, что вы не будете адекватно воспринимать его слова, поэтому такие переговоры обречены на провал. В таком случае лучше отменить переговоры или отправить на них другого компетентного в этом вопросе человека [4,5].

Барьер отрицательных эмоций является ситуативным барьером. Проблема возникает в том, что эмоциональное состояние человека выводят из его привычного равновесия человека. Продуктивному диалогу может помешать ухудшение состояние здоровья как духовного, так и физического. Поэтому при общении с таким человеком нужно подобрать правильный тон голоса, слова, если требует того ситуация уменьшить время переговоров или перенести на другой день, и в случае чего быть готовым оказать помощь человеку.

Барьер темперамента проявляется там, где сталкиваются люди с разными типами нервной системы. Вспомним о том, что выделяют четыре типа темперамента [6]:

- сангвиник – адаптивный, активный, жизнерадостный, легко находят общий язык с людьми, оптимистичные;
- флегматик – стабильный, спокойный, уравновешенный тип, склонны к долгим рассуждениям, являются хорошими переговорщиками;
- холерик – прирождённые лидеры, энергичные и целеустремленные, резкий, эмоциональный тип, что иногда приводит к конфликтам;
- меланхолик – чувствительный и самый восприимчивый тип, замкнутый и осторожный.

Яркое проявление темперамента происходит в критические моменты и всё это можно понять без слов, посмотрев на невербальные признаки. Тип темперамента хорошо проявляется в ситуациях, где нужно принять сложное управленческое решение. Понимая какой тип темперамента у собеседника, можно предугадать его дальнейшие действия, способ ведения общения в деловом контексте.

Также барьером в деловом общении могут стать национальные, религиозные, культурные, профессиональные аспекты.

Психологическая подготовка к деловому общению является одним из ключевых моментов для достижения результата, но не является решающим. По большей части всё будет зависеть от того, как вы выстроите разговор и как вы будете к нему подготовленными. Хочется сказать, что психологические барьеры могут возникнуть с каждым человеком, не стоит этого бояться, так как их можно преодолеть. Ключевым является совершенствование навыков общения; в результате большинство ваших переговоров будет успешным

Список литературы

1. Муллина А. М. Понятие «бизнес-коммуникация» и его соотношение с понятиями «деловая коммуникация» и «деловое общение» // Языки. Культуры. Перевод : материалы IX Международного научно-образовательного форума, Москва, 10–13 ноября 2022 года. – Москва : Издательский Дом МГУ, 2023. – С. 181–193.
2. Климченко М. С. Деловое общение как психолого-педагогическая проблема / М. С. Климченко // Молодой ученый. – 2016. – № 15 (119). – С. 461–464. – URL: <https://moluch.ru/archive/119/33140> (дата обращения: 23.11.2025).
3. Башарова О. Г. Способы преодоления коммуникативных барьеров в деловом общении / О. Г. Башарова, А. В. Тимохина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 7. – С. 24–28. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-preodoleniya-kommunikativnyh-barierov-v-delovom-obschenii> (дата обращения: 23.11.2025).
4. Петросян С. Э. Преодоление коммуникационных барьеров, как способ повышения эффективности управления // Экономика и социум. – 2016. – № 10 (29). – С. 496–500. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preodolenie->

kommunikatsionnyh-barierov-kak-sposob-povysheniya-effektivnosti-upravleniya (дата обращения: 19.10.2025).

5. Гордеева Е. В. Барьеры общения и приемы их преодоления // Экономика и социум. – 2016. – № 3 (22). – С. 294–296. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bariery-obscheniya-i-priemy-ih-preodoleniya> (дата обращения: 19.10.2025).

6. Мурик С. Э. Свойства нервной системы и темперамент : учебное пособие / С. Э. Мурик. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. – 188 с.

7. Григорьева А. В. Коммуникативные эффекты и барьеры профессионального общения: социальный и психологический аспекты / А. В. Григорьева, Ю. П. Дмитриева // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2016. – № 9. – С. 37–42.

8. Петрова Ю. А. Психология делового общения и культура речи : учебное пособие / Ю. А. Петрова. – 2-е изд. – Саратов : Вузовское образование, 2019. – 183 с. – URL: <https://profspro.ru/books/79821> (дата обращения: 23.11.2025).

9. Фахретдинова Р. Д. Коммуникативные барьеры в деловом общении / Р. Д. Фахретдинова, А. Ф. Сагитова // Концепция «общества знаний» в современной науке : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 11 дек. 2018 г. : в 4 ч. Ч. 4. – Челябинск : Омега Сайнс, 2018. – С. 109–112.

10. Черников Г. Ю. Психологические барьеры в деловом общении: как их преодолеть? / Г. Ю. Черников, Б. В. Ламанов // Флагман науки. – 2025. – Т. 1, № 5 (28). – С. 243–246.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ТРЕВОЖНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И ЭФФЕКТИВНЫЕ СПОСОБЫ ЕЁ СНИЖЕНИЯ

**Задорожная К.С., Аптикиева Л.Р. канд. психол. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Тревожность в условиях современного общества становится одной из наиболее распространённых психологических проблем, затрагивающих людей разных возрастных и социальных групп. Ускорение темпа жизни, рост объёма информации, постоянная необходимость адаптации к меняющимся условиям и высокий уровень социальной ответственности формируют устойчивый фон психологического напряжения. В таких условиях тревожные состояния перестают быть кратковременной реакцией на стресс и всё чаще приобретают хронический характер, оказывая негативное влияние на эмоциональное состояние и качество жизни человека.

Актуальность исследования тревожности в современных условиях обусловлена тем, что она становится неотъемлемой частью повседневного опыта человека. Современная среда предъявляет повышенные требования к когнитивным, эмоциональным и социальным ресурсам личности, что делает тревожность одной из наиболее частых реакций на перегрузку и неопределённость. Понимание механизмов формирования тревожности и особенностей её проявления приобретает важное значение как для теоретической психологии, так и для практической деятельности специалистов.

В психологической науке тревожность рассматривается как сложное эмоциональное состояние, связанное с ожиданием потенциальной угрозы и переживанием неопределённости. В отличие от страха, который имеет конкретный объект, тревожность отличается размытостью источника и может сохраняться в течение длительного времени. Ч. Спилбергер выделял два основных вида тревожности: личностную и ситуативную. Личностная тревожность представляет собой устойчивую характеристику личности, определяющую склонность человека воспринимать широкий круг ситуаций как потенциально опасные. Ситуативная тревожность возникает как реакция на конкретные обстоятельства и, как правило, носит временный характер. Разграничение этих форм тревожности позволяет рассматривать её не только как негативное явление, но и как адаптивный механизм, выполняющий сигнальную функцию. Умеренный уровень тревожности способствует мобилизации ресурсов организма и повышению внимательности, однако при превышении оптимального уровня тревожность начинает оказывать дезадаптивное воздействие, снижая эффективность деятельности и ухудшая эмоциональное состояние.

В рамках психоаналитического подхода тревожность рассматривалась как результат внутренних конфликтов личности. З. Фрейд связывал возникновение

тревожности с противоречиями между бессознательными влечениями и социальными запретами, а также с механизмами психологической защиты. Тревожность в данном контексте выступает как сигнал о наличии внутреннего конфликта, требующего разрешения. К. Хорни, развивая идеи психоанализа, подчёркивала социальную природу тревожности, связывая её с чувством небезопасности, возникающим в процессе межличностных отношений и социализации.

Современные когнитивные теории рассматривают тревожность как результат специфических способов мышления и интерпретации событий. Склонность к катастрофизации, негативному прогнозированию и фиксации внимания на возможных ошибках усиливает тревожные реакции и способствует их закреплению. В этом контексте тревожность формируется не столько под влиянием объективных обстоятельств, сколько в результате субъективного восприятия ситуации. Таким образом, тревожность представляет собой многоуровневый феномен, формирующийся под воздействием биологических, психологических и социальных факторов. Такое комплексное понимание тревожности позволяет более глубоко анализировать её проявления в условиях современной реальности.

Особое значение в формировании тревожности приобретают современные социальные условия, характеризующиеся высокой степенью неопределённости и нестабильности. Постоянные изменения в профессиональной сфере, трансформация социальных ролей и ожиданий, а также необходимость непрерывного саморазвития создают у человека ощущение отсутствия устойчивых ориентиров. В подобных условиях тревожность становится естественной реакцией на невозможность полного контроля над будущим.

Существенное влияние на уровень тревожности оказывает информационная перегрузка. Современный человек ежедневно сталкивается с огромным объёмом новостей, уведомлений и цифрового контента, что приводит к перегрузке когнитивных ресурсов. Постоянное пребывание в состоянии информационной готовности способствует повышению уровня напряжения и снижению способности к эмоциональной регуляции. В результате тревожность становится фоновым состоянием, сопровождающим повседневную деятельность. Значительное влияние на формирование тревожности оказывают социальные сети и цифровая среда в целом. Современные онлайн-платформы становятся пространством постоянного социального сравнения, где пользователи сталкиваются с демонстрацией идеализированных образов жизни, успеха и благополучия. Такая информация часто воспринимается как норма, что может вызывать ощущение несоответствия собственных достижений ожиданиям общества. В результате формируется внутреннее напряжение, усиливается чувство неуверенности и повышается уровень тревожности.

Социальные сети также способствуют формированию зависимости от внешней оценки. Количество лайков, комментариев и подписчиков начинает

восприниматься как показатель социальной значимости, что усиливает страх негативной оценки и отвержения. Постоянное ожидание реакции со стороны окружающих формирует состояние эмоционального напряжения, которое может сохраняться даже вне цифрового пространства. В таких условиях тревожность становится устойчивым компонентом эмоционального фона личности.

Ещё одним значимым фактором является высокая скорость жизни и распространение многозадачности. Необходимость одновременно выполнять несколько задач, быстро переключаться между различными видами деятельности и соответствовать высоким требованиям приводит к истощению психологических ресурсов. Недостаток времени для отдыха и восстановления усиливает утомляемость и снижает способность к эмоциональной саморегуляции, что способствует росту тревожных состояний. Современные условия также усиливают давление культуры успеха, в рамках которой ценится постоянная продуктивность, эффективность и конкурентоспособность. Человек всё чаще сталкивается с необходимостью соответствовать завышенным стандартам, что формирует страх неудачи и ошибки. В условиях постоянного сравнения и оценки тревожность становится реакцией на возможное несоответствие ожиданиям, как внешним, так и внутренним. Проявления тревожности отличаются многообразием и затрагивают различные уровни психического функционирования. На эмоциональном уровне тревожность проявляется в виде постоянного беспокойства, чувства напряжения, раздражительности и внутреннего дискомфорта. Человек может испытывать ощущение неопределённой угрозы, не связывая его с конкретной ситуацией, что усиливает субъективное переживание тревоги.

На когнитивном уровне тревожность выражается в навязчивых мыслях, склонности к негативному прогнозированию и избыточному анализу возможных последствий. Тревожный человек часто сосредоточен на потенциальных ошибках и неудачах, что затрудняет концентрацию внимания и принятие решений. Мыслительная деятельность приобретает циклический характер, усиливая эмоциональное напряжение. Поведенческие проявления тревожности включают избегание сложных или значимых ситуаций, прокрастинацию, снижение инициативности и ограничение социальной активности. Человек может откладывать выполнение важных задач, опасаясь неудачи или негативной оценки. Такое поведение, в свою очередь, усиливает чувство неудовлетворённости и закрепляет тревожные реакции. Физиологический уровень проявлений тревожности включает учащённое сердцебиение, мышечное напряжение, головные боли, нарушения сна и быструю утомляемость. Эти симптомы нередко воспринимаются как соматические проблемы, что затрудняет осознание их психологической природы. Длительное сохранение физиологического напряжения негативно сказывается на общем состоянии здоровья и снижает адаптационные возможности организма.

В зависимости от интенсивности и продолжительности проявлений тревожность может носить адаптивный или дезадаптивный характер. Умеренная тревожность способствует мобилизации ресурсов и повышению внимательности, однако чрезмерная тревожность нарушает эффективность деятельности и снижает качество жизни. В современных условиях риск перехода тревожности в дезадаптивную форму значительно возрастает, что обуславливает необходимость поиска эффективных способов её снижения.

Одним из наиболее распространённых и научно обоснованных методов работы с тревожностью является когнитивно-поведенческий подход. Он направлен на выявление автоматических негативных мыслей и убеждений, которые лежат в основе тревожных реакций. Осознание и переоценка иррациональных установок позволяют изменить эмоциональное восприятие ситуации и снизить уровень тревожности. Важным элементом данного подхода является развитие навыков самонаблюдения и осознанности. Поведенческие стратегии также играют значительную роль в снижении тревожности. Формирование структурированного режима дня, рациональное распределение нагрузки и соблюдение баланса между работой и отдыхом способствуют восстановлению психологических ресурсов. Ограничение времени, проводимого в социальных сетях, и осознанное потребление информации помогают снизить уровень информационного стресса и эмоционального перенапряжения. Телесно-ориентированные практики, такие как физическая активность, дыхательные упражнения и техники релаксации, оказывают положительное влияние на состояние нервной системы. Регулярные физические нагрузки способствуют снижению уровня гормонов стресса и повышению общего уровня эмоциональной устойчивости. Улучшение качества сна также является важным фактором в профилактике тревожных состояний.

Не менее значимым аспектом снижения тревожности является социальная поддержка. Поддерживающие отношения с близкими, возможность обсуждать свои переживания и получать эмоциональную помощь способствуют снижению чувства одиночества и внутреннего напряжения. В случаях выраженной тревожности обращение за профессиональной психологической помощью позволяет глубже проработать причины тревожных состояний и сформировать эффективные стратегии совладания. В психологической литературе также выделяются различные виды тревожности в зависимости от её происхождения, длительности и степени выраженности. Помимо разграничения личностной и ситуативной тревожности, исследователи обращают внимание на адаптивную и дезадаптивную формы тревожности. Адаптивная тревожность способствует мобилизации психических ресурсов и повышению готовности к преодолению сложных ситуаций. В отличие от неё, дезадаптивная тревожность носит устойчивый характер, не соответствует реальной степени угрозы и приводит к снижению эффективности деятельности и ухудшению эмоционального состояния. Также в научных исследованиях выделяют социальную тревожность, связанную со страхом негативной оценки со стороны окружающих, и экзистенциальную тревожность, возникающую в

условиях неопределённости жизненных перспектив и утраты смысловых ориентиров. В современных условиях данные формы тревожности приобретают особую актуальность, поскольку человек всё чаще сталкивается с необходимостью самореализации, социальной конкуренции и принятием ответственности за собственный жизненный путь.

Следует отметить, что уровень тревожности во многом определяется индивидуально-психологическими особенностями личности. К числу факторов, повышающих уязвимость к тревожным состояниям, относятся особенности темперамента, уровень эмоциональной устойчивости, характер самооценки и сформированность навыков саморегуляции. Люди с заниженной самооценкой и высокой чувствительностью к внешней оценке чаще испытывают тревожные переживания в ситуациях неопределённости и социальной значимости. Кроме того, важную роль играют условия воспитания и ранний опыт межличностных отношений. Недостаток эмоциональной поддержки, высокая критичность со стороны значимых взрослых и отсутствие чувства психологической безопасности могут способствовать формированию повышенного уровня тревожности. В дальнейшем такие особенности закрепляются и проявляются в различных сферах жизнедеятельности, особенно в условиях стресса и повышенных требований.

Таким образом, тревожность в современных условиях представляет собой сложное и многогранное психологическое явление, формирующееся под влиянием множества факторов. Социальная неопределённость, информационная перегрузка, давление культуры успеха и особенности цифровой среды значительно усиливают тревожные реакции. Понимание механизмов формирования тревожности и использование комплексного подхода к её снижению позволяют повысить адаптационные возможности личности и улучшить качество жизни.

Изучение тревожности остаётся актуальным направлением современной психологии, поскольку оно позволяет не только глубже понять особенности эмоциональной сферы человека, но и разработать эффективные методы профилактики и коррекции тревожных состояний в условиях быстро меняющегося мира.

Список литературы

1. Спилбергер Ч. Д. Тревога и тревожность / Ч. Д. Спилбергер. – Москва : Смысл, 2001. – 384 с.
2. Хорни К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни. – Москва : Академический проект, 2019. – 352 с.
3. Фрейд З. Тревога и механизмы психологической защиты / З. Фрейд. – Москва : АСТ, 2018. – 288 с.
4. Котенёв В. Ю. Психология тревожных состояний / В. Ю. Котенёв. – Москва : Институт психологии РАН, 2017. – 312 с.
5. Лазарус Р. Психологический стресс и процесс совладания / Р. Лазарус. – Санкт-Петербург : Питер, 2016. – 448 с.

6. Нестик Т. А. Психология глобальных рисков / Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев. – Москва : Институт психологии РАН, 2018. – 402 с. – ISBN 978-5-9270-0385-3.

7. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности / А. В. Карпов. – Москва : Институт психологии РАН, 2004. – 421 с. – ISBN 5-9270-0052-5.

8. Гулевич О. А. Социальная психология : учебник и практикум для вузов / О. А. Гулевич, И. Р. Сариева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2020. – 424 с.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДЕЛОВ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ИДЕЙ ЮМА И ПОППЕРА)

Закирова Т.В., канд. филос. наук, доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Современная информационная среда характеризуется экспансией фейковых новостей, где постправда – эмоции и убеждения – превалируют над объективными фактами. Этот феномен ставит фундаментальные вопросы о пределах рациональности, корни которых уходят в историю философии XVIII–XX веков. Дэвид Юм (1711-1776), эмпирический скептик, и Карл Поппер (1902-1994), критик индукционизма и апологет открытого общества, предлагают ключевые концептуальные инструменты для анализа. Юм подчеркивает субъективно-психологические пределы причинного познания, а Поппер развивает методологию фальсификации как рациональный ответ на неопределенность знания.

Цель исследования – реконструировать историко-философскую преемственность идей Юма и Поппера для объяснения уязвимости рациональности перед фейковыми нарративами. Дэвид Юм в фундаментальном труде "Исследование о человеческом разумении" (1748) радикально ограничивает сферу рациональности, сводя ее к ассоциациям идей, порождаемым опытом [3]. Принцип причинности, по Юму, не имеет объективного основания: мы наблюдаем только постоянную конъюнкцию событий (А за В), но не саму необходимую связь. «Все выводы из опыта суть эффекты обыкновения и привычки», – пишет он, подчеркивая психологический, а не логический характер рационального ожидания [3]. Этот тезис разрушает рационалистические претензии Декарта и Локка на достоверность знания.

Юмовский дуализм впечатлений (яркие чувственные данные) и идей (их ослабленные копии) усугубляет пределы: рациональность оперирует лишь идеями, лишены силы убеждения. В знаменитой формуле «Разум есть и должен быть рабом страстей» Юм утверждает примат аффектов: разум лишь направляет страсти к цели, но не порождает мотивацию [4]. Такой скептицизм объясняет устойчивость фейковых новостей: повторяющиеся эмоциональные нарративы (конспирология, страх) формируют «привычку» веры, игнорируя отсутствие эмпирических доказательств. В контексте эпохи фейковых новостей юмовские пределы проявляются в проблеме индукции: один вирусный пост, повторенный алгоритмами соцсетей, создает иллюзию закономерности, подобно юмовскому аргументу «солнце взойдет завтра». Постправда эксплуатирует эту уязвимость, подменяя рациональный анализ эмоциональным воздействием.

Карл Поппер напрямую опирается на Юма, развивая его критику индукции в методологию науки. В «Логике научного открытия» (1934) Поппер отвергает верификационизм: научные теории не подтверждаются, а фальсифицируются – подвергаются риску опровержения [6]. «Научное познание – это дело балансирования на канате», – метафорически описывает он процесс, где рациональность проявляется в смелости критического тестирования гипотез [6]. Фаллибилизм Поппера – все наши знания ошибочны и provisionalны – устанавливает пределы рациональности как имманентные: нет абсолютной истины, только приближения через опровержения [7].

В «Открытом обществе и его врагах» (1945) эта эпистемология экстраполируется на социум: тоталитарные идеологии (платонизм, гегельянство, марксизм) претендуют на holistic истину, игнорируя критику, в то время как демократия – «piecemeal engineering» – эволюционирует через рациональный дебат. Фейковые новости, по Попперу, аналогичны псевдонауке: они не фальсифицируемы, маскируясь под «альтернативные факты» и избегая эмпирической проверки. Поппер вводит «третий мир» объективных содержаний мысли – аргументов, теорий, – независимых от субъективной психики. Рациональность здесь – диалог в этом мире, где фейки разрушают дискуссию, заменяя ее пропагандой. В эпоху алгоритмов соцсетей попперовские пределы актуальны: эхо-камеры усиливают confirmation bias, подрывая фальсификацию.

Юм и Поппер комплементарны в критике индукции: Юм демонстрирует ее психологическую иллюзорность, Поппер – методологическую несостоятельность. Оба мыслителя отвергают рациональность как гарантию истины, подчеркивая роль привычки (Юм) и ошибки (Поппер). В постправде это проявляется как доминирование страстей над фактами: фейковые новости эксплуатируют юмовскую ассоциацию, избегая попперовской фальсификации.

Таблица 1 – Сравнение концепций пределов рациональности

Аспект	Д. Юм	К. Поппер	Связь с фейковыми новостями
Основание рациональности	Привычка, ассоциация	Фальсифицируемость	Эмоциональные "привычки" без теста
Пределы знания	Страсти > разум	Фаллибилизм (все теории ложны)	Неопровержимые нарративы
Социальное измерение	Индивидуальный скептицизм	Открытое общество	Эхо-камеры как "закрытое общество"
Метод критики	Эмпирический анализ	Опровержение гипотез	Отсутствие дебатов в соцсетях

Эта преемственность исторически обусловлена: Поппер позиционирует себя как «дисципл Юма», трансформируя скептицизм в конструктивную рациональность [9]. В современной России постправда усиливает эти пределы: медиавойны опираются на эмоциональные клише, игнорируя рациональную проверку. Феномен фейковых новостей не уникален: Платон в «Государстве» осуждал демагогию софистов. Однако цифровизация радикализирует юмовско-попперовские пределы: алгоритмы Facebook усиливают bias, размывая грань между впечатлением и идеей. Примеры – конспирология о вакцинах COVID-19: отсутствие причинных данных компенсируется эмоциональной привычкой.

Поппер предлагает решение – институционализацию критики (независимые СМИ, наука), но соцсети ее маргинализируют. Юм напоминает о страстях: просвещение эмоций через образование. Перспективы – развитие цифровой этики ИИ, интегрирующей фаллибилизм. Историко-философский анализ выявляет пределы рациональности как фундаментальные: юмовский скептицизм и попперовский фаллибилизм объясняют триумф фейковых новостей в постправде. Эти идеи требуют возрождения критического рационализма в цифровую эпоху – через образование, институциональную критику и этику информации. Дальнейшие исследования могут фокусироваться на русской философской традиции (Соловьев, Бердяев) в контексте медиакризиса.

Список литературы

1. Макинтайр Л. Постправда / Л. Макинтайр. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – 240 с.
2. Постправда как риторический феномен в современном дискурсе // Zaimka.ru. – 2024. – Режим доступа: <https://zaimka.ru/shatin-post-truth/> (дата обращения: 22.12.2025).
3. Юм Д. Исследование о человеческом разумении / Д. Юм; пер. с англ. – М.: Республика, 1995. – 352 с.
4. Юм Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм; пер. с англ. – СПб.: Азбука, 2004. – 720 с.
5. Фейковые новости как феномен современной культуры // Nomothetika-journal.ru. – 2025. – Режим доступа: <https://nomothetika-journal.ru/index.php/journal/article/view/506> (дата обращения: 22.12.2025).
6. Поппер К. Логика научного открытия / К. Поппер; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1983. – 544 с.
7. Поппер К. Объективное познание / К. Поппер; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1983. – 319 с.
8. Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер; пер. с англ. – М.: Феникс, 1992. – Т. 1–2.
9. Поппер К. Предположения и опровержения / К. Поппер; пер. с англ. – М.: Крига, 2009. – 296 с.
10. Платон. Государство / Платон; пер. с греч. – М.: Мысль, 2000. – 527 с.

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЗНАНИЯ Д. ДЕННЕТА И Д. СЁРЛА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

**Закирова Т.В., канд. филос. наук, доцент,
Недорезов В.Г., канд. филос. наук, доцент,
Писарчик Л.Ю., канд. филос. наук, доцент**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Джон Сёрл (1932–2025) и Дэниел Деннет (1942–2024) – два видных американских философа, разработавших натуралистические концепции сознания, которые стали весьма популярны. Д. Деннет обучался философии в Гарвардском университете, где проблемы аналитической философии сознания осваивал под руководством Уилларда Куайна, а докторскую диссертацию защитил под руководством Гилберта Райла в Оксфордском университете. С тех пор он придерживался натуралистической концепции сознания, которую в основе своей воспринял от Райла, изложившего свои идеи в книге «Понятие сознания» (1949). В.В. Васильев по этому поводу пишет: «Размышляя о собственной теории сознания, Деннет говорил, что она являет собой продукт скрещивания идей Куайна и Райла» [1, с. 106].

Руководствуясь идеями Райла, Деннет выступил против дуалистической картины мира Р. Декарта и понимания им мышления, как отдельной субстанции. Американский философ рассматривал ментальные состояния человека как некую кажимость, заблуждение и решил показать зависимость сознания от физических законов, переформулировав квалиа (метальные состояния, чувства и мысли) в терминах когнитивных наук, изучающих работу мозга. Деннет полагает, что наряду с изучением функциональных характеристик мозга при помощи когнитивных наук, необходимо изучать и сознание, обращаясь к данным интроспекции, которая присуща каждому субъекту. Таким путем удастся объяснить данные интроспекции определенными параметрами работы мозга. Анализ проблемы сознания американский философ предпринял в своей докторской диссертации, на основе которой он издал раннюю книгу «Содержание и сознание» (1969), в которой изложил свою версию функционализма. Деннет решил любой ценой уйти от установки на объяснение сознания из самого себя, которая была присуща Т. Нагелю, не принял он и установку Д. Сёрла, который хоть и признавал непосредственную каузальную связь мозга и возникающего на основе его деятельности сознания, но объявлял сознание самостоятельным феноменом. Не приемлет Деннет и позицию Д. Чалмерса, который по сравнению с Сёрлом является открытым дуалистом. Но Чалмерс осознанно защищает такую позицию, поставив себе задачей примирить позиции Деннета и Сёрла.

Прежде всего Деннету пришлось затронуть проблему интенциональности, так как она часто использовалась для обоснования полного отличия сознания от

физических феноменов, как, например, у Сёрла. Это ставило вопросы перед сторонниками физикалистских теорий сознания, в частности, и перед Деннетом, поскольку невозможно свести психический феномен к физическому. Возникла задача натурализации интенциональности и объяснения ее в физикалистском духе, чем и занялся Деннет, который расширил понимание интенциональности таким образом, что у него интенциональность стала присуща всей природе, а не только сознанию человека. В работе «Интенциональная установка» (1987) он дал первый вариант своей концепции интенциональности, а затем в работах «Опасная идея Дарвина: Эволюция и смысл жизни» (1995) и «Виды психики» (1996) доработал ее.

После работы «Содержание и сознание» Деннет продолжил разрабатывать концепцию сознания уже в таком труде, как «Объясненное сознание» (1992»), в котором решил соединить воедино эволюционную теорию и идею «Машины Тьюринга», воспринятую им от Х. Патнэма, применявшего ее в своей функционалистской концепции сознания. Концепция сознания Деннета является физикалистской и представляет собой «Модель множественных набросков», в основе которой лежат элиминативный материализм, бихевиоризм и функционализм. Деннет развил свою версию функционализма. Элиминативный материализм и бихевиоризм он воспринял от Райла. Деннету была чужда идея Д. Сёрла о реальном существовании сознания, а также идея «квалиа» Д. Чалмерса. Понятие «квалиа» в переводе с латинского языка означает «качества», «свойства», но больше используется в значении «чувственный опыт», «ощущения», «качественное содержание психических состояний». По этому вопросу между ними постоянно проходили напряженные дискуссии. Деннет называет свою концепцию сознания «функционалистским физикализмом» или «натурализмом». Таким образом, в аналитической философии развернулась дискуссия по проблеме «разум-тело», которая была названа «Mind-body problem».

Райл направлял интересы Деннета в сторону изучения биологии, преимущественно теории эволюции. Важным было и обращение к когнитивным наукам. Деннет решил, что теперь исследование необходимо вести не на уровне ментальных состояний отдельных людей с позиций «от первого лица», а на уровне имперсональном, обращенном к моделированию работы мозга в общем плане и выяснению его состояний и функций. Только это направление он считал перспективным, но многие философы с ним были не согласны. Деннет утверждает, что термины ментального словаря «нереференциальны», то есть они не отсылают нас к действительно существующим состояниям сознания. Попросту говоря, они, согласно американскому философу, придуманы людьми, это «народная психология», представляющая собой заблуждение. Например, слово «голос» не имеет, по Деннету, реального определенного референта, это размытое понятие. Поэтому свою задачу Деннет видит в том, чтобы переопределить ментальные термины в контексте физической науки. Чтобы это сделать он обращается к идее интенциональности, предложенной Ф. Brentano и Э. Гуссерлем, у которых

интенциональность – сущность ментальных процессов. Но Деннет обращается к проблеме интенциональности, чтобы показать, что данный феномен не является специфически человеческим, а, наоборот, присущ всей природе. Поэтому интенциональность у Деннета не является сущностью сознания и не является аргументом в пользу его существования.

При этом мы должны отметить то, что Деннет не следует тому смыслу, который вкладывали Brentano и Husserl в понятие «интенциональность», у которых оно означает «направленность сознания на что-либо» (именно *сознания!*). У американского философа «интенциональность» – просто некая нацеленность (чего угодно на что угодно, стрела, например, летит в мишень), обращенность, соответствие. Или просто взаимодействие объектов. Например, ключ соответствует определенному («своему») замку. У Деннета ментальные состояния существуют как бы сами по себе, без человека. Желание «желает» чего-то, надежда «надеется» на что-то, восприятие «воспринимает» что-то. Он отбрасывает саму мысль о том, что желает, надеется и воспринимает человек в единстве его психической жизни. Такое его рассуждение полностью укладывается в русло бихевиоризма. Само ментальное состояние не имеет значения для Деннета, оно – фантом. Важно то, на что оно направлено. Таким образом, у Деннета получается, что функциональное состояние мозга (а не сознание) направлено на достижение необходимого результата. Здесь слышатся и неопрагматистские установки Куайна, и отрицание существования ментальных состояний Райлом, и функционализм самого Деннета. Но при этом необходимо заметить, что Деннет в этом случае так и не может опровергнуть того, о чем люди говорят «от первого лица»: например, «Я хочу яблоко». Вот это «я хочу» так и не получается опровергнуть, даже если перенести («направить») центр тяжести на «яблоко», а вместо «я хочу» подставить состояние мозга. Д. Сёрл так и говорит по этому поводу: мои чувства – это мои чувства, а не чувства китайского императора. А Деннет игнорирует ментальные состояния, отрицает их. Но отрицание не является аргументом против их существования. То есть подорвать позицию Сёрла, который считает, что исследовать сознание надо «от первого лица», у Деннета, на наш взгляд, не получается.

Но тем не менее Деннет считает, что исследование сознания «от первого лица» незаконно, так как существование желаний, надежд и восприятий недоказуемо, потому что нет метода их верификации. Носитель этих ментальных состояний ничего не может доказать «Другому». Это интуитивный процесс, который дан его носителю только интроспективно. Но здесь необходимо возразить Деннету: «Другой» тоже является носителем подобных состояний и тоже их усматривает интуитивно и интроспективно, поэтому необходимость в доказательстве «Другому» вообще отпадает. То есть существование ментальных состояний вполне осознается всеми людьми субъективно. Но главная проблема заключается в том, чтобы доказать их объективное существование, показать их интерсубъективность. Этим и заняты

Сёрл, Чалмерс, Нагель, Левин, МакГинн, Джексон и другие представители аналитической философии.

Для Деннета сознания, «квалиа» или «Я», как такового, не существует, а существуют лишь материальные мозговые процессы. Он предлагает «сознание», «самость» или «Я» заменить на «центр нарративной гравитации». Тот, кто использует термин «квалиа» (чувственные данные, восприятия) должен достоверно показать, что такой феномен существует, считает Деннет, но это сделать невозможно, полагает он, так как «подлинное сознание – это эпифеномен в нелепом смысле этого слова» [10, р. 405]. Поэтому он пишет: «Мы все зомби. Никто не обладает сознанием...» [Ibid., р. 406]. Наше сознание – это материальный процесс, считает Деннет, наш «визуальный опыт состоит из активности нейронных сетей» [Ibid., р. 409]. Деннет не согласен с тем, что люди обладают сознанием, которое руководит их поведением. Такое представление он называет «картезианским театром». Вместо этого он отстраивает точку зрения, согласно которой множество информационных потоков («драфтов», набросков) в мозге человека управляет его поведением, а не некое «Я». Деннет пишет: «Не нужен никакой разумный надзиратель для того, чтобы поддерживать процесс обмена веществ, не нужен никакой *elan vital*, чтобы запустить механизм самовосстановления, и неутомимые нано-фабрики размножения штампуют свои дубликаты безо всякой помощи душевных томлений или каких-то особых жизненных сил» [3, с. 28]. Если вспомнить критику Райлом «мифа Декарта», то становится понятно, почему Деннет называет сознание именно картезианским театром. Американский философ утверждает, что разделение Декартом мира на две субстанции – *res extensa* и *res cogitans* – было незаконным, так как мир един и поэтому дуализм несостоятелен. Мир материален и в нем действуют материальные каузальные связи, а сознание (в смысле нематериальной субстанции) в эту систему связей не вписывается. То, что называется «сознанием» тоже должно быть объяснено, как и любой материальный объект, в рамках объективистского подхода, то есть с «позиции третьего лица». Свою критику дуализма, «картезианского театра» Деннет направляет не только против Декарта, но еще больше против современных ему философов, поддерживающих идею существования ментальной реальности.

Деннет полагает, что объяснять существование сознания, продвигаясь на все более глубокие уровни существования материи бесполезно, как, например, сделали Р. Пенроуз и его сторонники, обратившиеся к квантовой механике и признавшие существование квантового сознания в виде «квантовых флуктуаций в микротрубочках отдельно взятой клетки» [там же, с. 40]. Американский философ предлагает мысленный эксперимент: представим, что на Землю прилетели марсиане, которые тоже мыслят, но по-своему. Они познают мир и людей, фиксируют особенности человеческого познания. В том числе они установили, что люди верят в существование сознания и пытаются «создать научную теорию сознания». Но Деннет убежденно отмечает: «...я не предполагаю, что эти марсиане сами мыслят каким-либо из тех тенденциозных способов, о которых в последнее время спорят философы. Поэтому аргумента

ради считайте, что эти марсиане могут быть *зомби*, у которых сбор данных и научное теоретизирование происходит без какого-либо следа «феноменальности», или «*квалиа*», или чего бы то ни было, что вы примете в качестве признака подлинного сознания» [там же, с. 61]. При этом, наблюдая за людьми и изучая их теории, марсиане хорошо усвоили бы, что проблема сознания не поддается научным исследованиям, а о сознании можно говорить только как о внутреннем ментальном эффекте. Марсиане искренне стали бы удивляться тому, что люди считают сознание реальностью. При этом они действительно не смогли бы изучать человеческое сознание, потому что у них нет методов такого изучения, методов «от первого лица», которые используют люди. Деннет ставит вопрос: марсиане действительно не смогли бы изучать наше сознание? И отвечает: даже если марсиане не используют метод «от первого лица», то в нашем сознании нет ничего такого, что не смогли бы изучить марсиане, пользуясь методом «от третьего лица» [там же, с. 64]. Но нам придется возразить Деннету: марсиане, пользуясь методом «от третьего лица», могли бы исследовать, как нам представляется, только работу мозга, но не сознание людей. Марсиане ничего бы не знали о мыслях и чувствах людей, об их духовном мире.

Такой вывод мы делаем на основе знакомства с концепцией сознания и интенциональности Д. Сёрла, который вел полемику с Деннетом. Сёрл признает в исследовании сознания только онтологию «от первого лица», и критикует объективистский подход «от третьего лица». Объективистская модель направлена на исследование таких феноменов, которые можно описать эмпирически и результаты исследований записать в «протокольных предложениях»: «результаты измерений такие-то», «в процессе наблюдений установлено то-то, выявлено то-то». Сознание же, согласно Сёрлу, мы исследуем с помощью интуиции о самих себе и интроспективно: «я мыслю», «я чувствую» и т. д., то есть пользуемся онтологией «от первого лица», что ни в коем случае не является незаконным. Наоборот, другого метода исследования своего сознания нет, так как оно обладает субъективным характером.

Сёрл показывает отличие своего подхода от физикализма и редукционизма Деннета. Человек, который желает съесть яблоко, говорит: «Я хочу яблоко», а формулировка физикалистов иная: «Индивид *X* хочет яблоко». Для физикалистов суждения о сознании могут быть только эмпирическими в форме «Мистер *X* хочет яблоко». Сёрл же придерживается следующей позиции: когда я говорю «Я хочу яблоко», то это мое чувство, и оно относится только ко мне. «Это высказывание “*мое обо мне*”, а не высказывание мое обо мне, как если бы я был другим» [5, с. 299]. Поэтому сознание, согласно Сёрлу, субъективно, «...онтология ментального является нередуцируемой онтологией от первого лица» [6, с. 103]. Сёрл обращает внимание на то, что исследование сознания имеет специфику, указывая на то, что «...модель наблюдения не работает по отношению к сознательной субъективности» [там же, с. 105].

А что же такое индивидуальность и субъективность, согласно Сёрлу? Каким специфическим свойством они обладают? Сёрл отвечает:

интенциональностью, а именно направленностью нашей субъективности, наших суждений, нашего сознания как на внешний мир, так и на самих себя. Сёрл разработал свое, несколько специфическое понимание интенциональности по сравнению с гуссерлевским. Гуссерль понимает интенциональность как направленность сознания на объект, это «сознание о чем-либо». Сёрлу же пришлось приблизить учение об интенциональности к требованиям аналитической философии [см.: 7, с. 96-126], поэтому он трактует интенциональность как направленность ментальных состояний на решение практических задач. Интенциональность, в его понимании, это регулятивное понятие, показывающее процесс решения человеком разнообразных задач.

Деннет во многом пришел к выводу о несуществовании сознания под влиянием процессов компьютеризации науки и общества. Компьютеры его восхитили, и он перенес характеристики компьютерных программ на сознание человека и, наоборот. Но Сёрл много сделал для опровержения тезиса, согласно которому машины могут мыслить. Для объяснения разницы между программой компьютера и человеческим сознанием Сёрл использовал «Аргумент китайской комнаты» и опроверг мнение разработчиков программ о том, что машина «понимает» рассказ, введенный в нее. Тем самым он разрушил аргументы, призванные обосновать идею «сильного» искусственного интеллекта (AI). Но, по его мнению, «слабый ИИ» или, проще говоря, компьютер, необходим человеку, так как с его помощью можно производить много рутинной работы – вычислять, хранить информацию в памяти компьютера, моделировать. Однако говорить о «понимании», «мышлении» компьютера, то есть о когнитивных состояниях «сильного ИИ» невозможно, считает Сёрл [11]. «Сёрл ставит мысленный эксперимент. Допустим, пишет он, меня заперли в комнате и поочередно дали три рукописи на китайском языке: “рукопись”, “рассказ” и “вопросы”. Китайского языка, пишет Сёрл, я не знаю. Поэтому ему также поочередно дали три инструкции на английском языке, как сопоставить эти китайские рукописи. По правилам, написанным на английском языке, я сопоставляю символы первой рукописи с другими рукописями на китайском языке. Появилось ли у меня в результате знание китайского языка? Нет, отвечает Сёрл. Исходя из этого мысленного эксперимента, Сёрл делает вывод: 1) машина не понимает, какие символы через нее проходят, она их только сопоставляет; 2) мы не получаем из этого знания о том, как работает понимание человека» [4, с. 107-108].

Однако Деннет выдвигает и другие аргументы против существования *квалиа*. Упомянув Локка, который писал о *вторичных качествах* (цвете, запахе, звуке, вкусе и т.д.) Деннет пишет, что все это «квалиа», которые не поддаются философскому пониманию и определению. Деннет прекрасно знает позицию Д. Сёрла и Т. Нагеля, согласно которой даже самая революционная наука еще долго не сможет объяснить такое явление, как сознание. Деннет использует данные когнитивных наук для объяснения того, что называют «квалиа», но что на самом деле таковым, по его мнению, не является. Если говорить о восприятии цвета, то он считает, что вместо субъективных состояний (квалиа)

нужно говорить о появившемся в ходе эволюции животных цветовом зрении как результате определенного способа приспособления – цветового кодирования объектов. В природе определенные цвета воспринимаются животными с помощью внутреннего мозгового механизма различения цветов и объектов. В процессе эволюции человека этот процесс сопровождался и языковым оформлением тоже порожденным мозгом. Во всем этом Деннет не видит никаких самостоятельных квалиа. Исходя из этого, Деннет показывает *несубъективную* природу сознания, а точнее, вместо анализа сознания выдвигает гипотезу о работе головного мозга в своей «Модели множественных набросков», сравнивая мозг с «Виртуальной машиной». Используя методологию функционализма, он говорит о логических структурах мышления, которые находятся в каузальной зависимости и не имеют ментальной природы. Логические структуры имеют нейтральный характер, они и не ментальные, и не нейрофизиологические, то есть не материальные. Деннет пишет: «Согласно модели множественных набросков, все виды восприятия – и, по сути, все виды мышления или умственной деятельности – осуществляются в мозге посредством параллельных, многоканальных процессов интерпретации и обработки сенсорных входных данных. Информация, поступающая в нервную систему, находится под непрерывным “редакционным контролем”» [10, р. 111]. При этом Деннет полагает, что множественные потоки информации конкурируют в мозге, одни могут выбраковываться, а другие получают приоритетное значение с тем, чтобы потом получить языковое оформление. Все это не имеет определенного центра, «Я», самости, а имеет сетевую структуру. На деятельность мозга влияют как биологические факторы, определяющие отношение человека к природным объектам, сложившееся в ходе эволюции, так и сложившиеся в социальной жизни предпочтения в поведении под влиянием культурных норм. Причем в этом процессе решающую роль играет язык. «Язык выступает доминантным фактором. Слова служат катализаторами, ускоряющими коммуникацию одной части мозга с другой» [9, с. 385]. Использует Деннет и концепцию «мемов» как культурных форм, предложенную Р. Докинзом в работе «Эгоистичный ген» (1976). Деннет принял идеи социобиологии, считая, что они хорошо объясняют эволюцию человека не только под влиянием биологических факторов, но и социально-культурных.

Таким образом, в своей концепции сознания особое внимание Деннет уделяет именно критике учения о существовании квалиа. Он пишет: «Я отрицаю, что такие свойства существуют» [10, р. 372]. И далее: «я утверждаю, что у нас... нет квалиа» [Ibid., р. 375]. На этой же странице Деннет отмечает – «квалиа есть», но только как привычка, выдумка. Поэтому, чтобы подорвать веру философов в существование квалиа, Деннет ставит перед собой задачу найти альтернативные подходы для объяснения этих явлений. В сущности, этот подход заключается в том, чтобы элиминировать квалиа. В своей работе «Объясненное сознание» в главе «Квалиа дисквалифицирован» он пишет о том, что тему квалиа, этот «мучительный клубок» заблуждений следует просто устранить [Ibid., р. 369].

В виде вывода необходимо сказать, что авторы статьи при сравнении концепций Сёрла и Деннета отдают предпочтение первой, так как в ней обосновывается существование сознания и его решающего свойства интенциональности. Изучение сознания традиционными методами («от первого лица») должно продолжаться наряду с развитием объективистской онтологии, направленной на изучение мозговых процессов. Деннет же пытается доказать неочевидное, то есть то, что сознания нет, а интенциональность не является характерным свойством сознания. При этом его понимание интенциональности, как первичной интенциональности Матери-природы [см.: 2], страдает спекулятивным характером. Однако к достижениям Деннета следует отнести его концепцию языка. Он предпринял глубокое изучение языка и его формирования в процессе эволюции человека. В то же время нам импонирует в концепции Деннета и его устремленность на развитие исследований в области когнитивных наук, которые в будущем могут глубже проникнуть в тайну сознания, что, безусловно, необходимо. Согласны мы и с мнением Н.С. Юлиной, которая досконально изучила творчество Д. Деннета, и сделала вывод о его вкладе в изучение проблемы «Mind-body»: «Его аргументы против дуализма и феноменализма дали богатую пищу дискуссиям и стимулировали новые поиски объяснения когнитивных и чувственных сторон опыта человека» [8, с. 379].

Список литературы

1. Васильев, В. В. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.
2. Деннет, Д. С. Виды психики: На пути к пониманию сознания / Д. С. Деннет. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
3. Деннет, Д. Сладкие грёзы: Чем философия мешает науке о сознании / Д. Деннет. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. – 304 с.
4. Завьялова, Г. И. Проблема интенциональности в философии сознания Дж. Сёрла / Г. И. Завьялова, В. Г. Недорезов, Л. Ю. Писарчик // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24. – № 3. – С. 100-110. – DOI 10.37482/2687-1505-V352.
5. Никоненко, С. В. Аналитическая философия: основные концепции / С. В. Никоненко. – СПб.: Издательство С.-Пб. университета, 2007. – 546 с.
6. Сёрл, Д. Открывая сознание заново / Д. Сёрл. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
7. Сёрль, Дж. Р. Природа интенциональных состояний / Дж. Р. Сёрль // Философия. Логика. Язык. – М.: Мысль, 1987. – С. 96-126.
8. Юлина, Н. С. Головоломки проблемы сознания: Концепция Дэниела Деннета / Н. С. Юлина. – М.: Канон+, 2004. – 544 с. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/0RVer_8_QWM3Wy7ucqykOq7PB7N-tkomhVcTn5SARQYYwYxEMtelcwmdSpS57V_oGBKIRa545SdOsS8djTp7qQB22

ФЕНОМЕН САМОЗВАНЦА: ПИЛОТАЖНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Козловская Т.Н., канд. пед. наук, доцент, Медведева О.Н.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Синдром самозванца, или феномен самозванца (комплекс самозванца, переживание самозванца), – парадоксальное психологическое явление, актуальность изучения которого на настоящий момент определяется условиями современного общества, где высокие социальные и профессиональные стандарты оказывают значительное давление на личность, социальные, психологические и культурные факторы современности способствуют формированию данного синдрома, оказывающего негативное влияние на психологическое здоровье человека. В связи с чем возникает необходимость изучения данного феномена, и последствий, проявляющихся в личной и профессиональной сферах в результате его возникновения.

В исследованиях установлено, что данное явление затрагивает более 80 % людей, которые могут испытывать влияние данного феномена в определенные моменты жизни [3]. Так же есть данные, что около 70% людей хотя бы раз в жизни испытывали признаки данного феномена, а среди предпринимателей этот показатель может быть еще выше» [2]. Также по результатам проведенных исследований был выявлен факт наличия такой личностной диспозиции у женщин с высоким должностным статусом или значительными академическими достижениями. В последствии данный феномен был обнаружен у лиц, получивших статус эксперта или специалиста благодаря возрасту и опыту. Также синдром самозванца обнаруживается и среди тех, кто не смог достичь значительных карьерных высот или определенных достижений в социальной или личностной сферах жизнедеятельности.

Ряд исследователей (Росс, Вонт, Клейтман, Крисман, Томпсон и др.) предложили изучать феномен самозванца в его взаимосвязи с такими личностными характеристиками, как самосаботаж, депрессивные состояния, повышенный уровень тревожности, перфекционизм, которые значительно снижают уровень жизни.

М. Лири и др. предприняли попытку выделить типы «самозванцев», разделив их на истинных и стратегических, А. Тейлор выделяет 90 характерных черт личности, свойственных человеку с синдромом самозванца, на основании чего разбивает все их на три категории: самозванец – ребенок, самозванец – подросток, самозванец – взрослый, Т. Юрак и М. МкЭлви впервые предположили, что синдром самозванца может являться аффективным состоянием, с которым может столкнуться любой человек, а не постоянной характеристикой личности.

Дж. Хибберт изучала причины возникновения феномена самозванца, факторы, способствующие его развитию, и способы преодоления данного синдрома.

Наиболее значимые исследования проводились и проводятся по изучению феномена самозванца в профессиональной среде в связи с тем, что данный феномен оказывает значительное влияние на то, как работники, выполняющие свои служебные обязанности, проявляют себя в профессиональной среде, например, установлено, что феномен самозванца часто проявляется при вхождении в новую должность или в начале успешной карьеры, в условиях адаптации к новой рабочей ситуации или завоевания авторитета в новой группе, в связи с изменениями социального положения, профессиональных факторов.

В ходе проведенных исследований в Бельгии в 2015 году, в Австрии в 2016-2017 гг. были изучены субъективно (удовлетворённость работой, субъективное ощущение своей ценности как работника) и объективно (величина заработной платы и количество повышений по службе на протяжении всей работы в организации) значимые результаты деятельности. Была выявлена отрицательная корреляционная связь. Данное исследование описано в статье М.С. Шевелевой «Феномен самозванца: обзор зарубежных исследований» [5], Н.А. Рудновой, М.С. Шевелевой «Особенности организационного поведения сотрудников с феноменом самозванца» [3].

В 2018 году Х. Хатчингс изучала связь феномена самозванца с эмоциональным истощением и удовлетворенностью работой. Были изучены «стратегии уменьшения стресса, которые используют сотрудники с выраженным синдромом самозванца. Была выявлена связь феномена самозванца с эмоциональным истощением, но не подтвердила связь с удовлетворенностью работой, а также медиативный механизм: копинг-стратегия избегания выступает связующим звеном между феноменом самозванца и эмоциональным истощением. Механизм выглядит следующим образом: сотрудники с феноменом самозванца прибегают к избеганию как способу минимизации стресса; это приводит к нарастанию эмоционального истощения; в результате растёт неудовлетворённость профессиональной деятельностью.

В проведенных исследованиях были изучены и связи феномена самозванца с перфекционизмом. Основанием для такого анализа послужило наличие ряда общих характеристик у лиц с данными психологическими особенностями: установка недостижимых целей, страх неудачи, отсутствие удовлетворённости от качественно выполненной работы, склонность к прокрастинации и повышенной самокритике.

В исследовании 2018 года, проведенном учеными из США, была выявлена связь между низкой самооценки и феноменом самозванца.

В исследовании 2020 года, проведенном в Германии, было показано, что только дезадаптивный (в противоположность адаптивному) перфекционизм является предиктором феномена самозванца. «...поведение лиц с выраженным

феноменом самозванца основано на убеждении, что окружающие имеют крайне высокие ожидания по поводу их результатов в учебе или на работе, а не на установлении высоких ожиданий от результатов собственной деятельности» [5].

Проведённые исследования демонстрируют высокую значимость анализа феномена самозванца в профессиональной сфере для эффективного управления человеческими ресурсами. Особую актуальность это приобретает ввиду того, что указанный синдром выступает существенным психологическим барьером, препятствующим карьерному росту и полноценной реализации профессионального потенциала у сотрудников с высоким уровнем компетенций.

Российскими учеными М.С. Шевелевой, Д.С. Корниенко, Т.М. Пермяковой, которыми в 2021 году была произведена апробация Шкалы феномена самозванца П. Кланс, установлено, что шкала обладает однофакторной структурой, получены данные о ее достаточно высокой надежности, подтверждена ее валидность, а также то, что шкала может применяться для широкого круга исследовательских и прикладных задач для измерения характеристик феномена самозванца в неклинических популяциях.

Авторами (М.С. Шевелева, Булгакова Л.И., К.Е. Стародубец, А.С. Самарина, С.И. Капаева, А.А. Золотарева, Н.А. Руднова, М.Ю. Островская, Н.В. Ларина, Гвоздева О.Е., и др.) в дальнейшем были продолжены исследования феномена самозванца и изучены влияние синдрома самозванца на личность и карьеру, взаимосвязь эмоционального выгорания личности и проявлений синдрома самозванца при повторной профессионализации, особенности организационного поведения сотрудников с феноменом самозванца, роль мотивации и перфекционизма в формировании синдрома самозванца в профессиональной среде. Учеными были рассмотрены и такие вопросы, как история возникновения данного термина, основные его концепции, их трансформация, предприняты попытки выявить причины возникновения синдрома самозванца и его влияние на личную и профессиональную жизнь индивида.

Обобщив исследования по данной проблеме, можно выделить такие крупные направления, как:

1) исследование феномена самозванца в профессиональной среде и студенческой среде;

2) связь его с другими явлениями психики (нейротизм, дезадаптивный перфекционизм, внешний локус контроля и др.);

3) психометрические свойства шкал для измерения данного феномена – исследование российских ученых М.С. Шевелевой, Д.С. Корниенко, Т.М. Пермяковой по апробации Шкалы феномена самозванца П. Кланс.

Несмотря на значительное количество зарубежных и российских исследований открытым остается и вопрос терминологии такого понятия, как синдром самозванца.

П. Кланс и вслед за ней другие исследователи не считают синдром самозванца патологической болезнью, это не клинический диагноз по МКБ или DSM, направленной на саморазрушение, скорее это состояние, которое мешает

психологическому благополучию человека, а в случае более сильного проявления данного синдрома, оно может приводить к увеличению тревожности, депрессии, сомнениям в собственной компетентности.

Многие исследователи дают различные трактовки термина синдром самозванца, или феномен самозванца. Помимо прочего, нет единого мнения и по поводу того, как рассматривать данный термин:

- как личностную характеристику;
- как психологический паттерн, возникающий как «чувство внутреннего самозванства»;
- как вариант аффективного состояния, с которым каждый может столкнуться в той или иной степени;
- как когнитивное искажение, которое плохо распознается человеком и кажется ему вполне рациональным и обоснованным;
- либо как сложный психологический феномен, в основе которого лежит ряд когнитивных искажений: перфекционизм, катастрофизация, обесценивание своих достижений, искажение фильтра восприятия, преуменьшение своих значительных достижений и преувеличение незначительных ошибок.

П. Кланс разработала концепцию синдрома самозванца и «выделила основные категории, его характеризующие. При этом она считает, что для наличия оснований считать индивида самозванцем достаточно найти у него две черты из шести».

Среди них:

- цикл самозванца;
- потребность быть особенным или самым лучшим;
- возможности супергероя;
- боязнь поражения;
- отрицание своей компетентности и обесценивание похвалы;
- страх и чувство вины, связанное с успехом.

В 2017 году была издана работа М. Леонхарда, М. Бехтольда, С. Рохермана «Не все самозванцы одинаковы – различая виды синдрома самозванца» [1], в которой представлен анализ конструктивной валидности понятия «синдром самозванца» и выделены «истинные» и «стратегические» самозванцы.

Интересна также концепция феномена самозванца, предложенная Кетс де Фрис в 2005 году, согласно которой:

- «синдром самозванца может рассматриваться как нормальный аспект социального поведения, при котором людям необходимо скрывать свои слабости в соответствии с социальными нормами, существующими в обществе;
- предлагается ввести новый термин «невротическое самозванство» для описания состояния, при котором представление о собственных способностях и компетенциях не соответствует предполагаемому представлению окружающих;

- портрет «невротического самозванца» выглядит следующим образом: это человек, который испытывает страх поражения или успеха, в работе склонен к перфекционизму, который в свою очередь может приводить к прокрастинации из-за невозможности идеально выполнить поставленную задачу, трудоголик» [4].

Данный автор считает, что «обман может быть рассмотрен как часть нашей культуры, где каждый старается создать иллюзию идеального образа, скрывая свои недостатки и ошибки...превышение установленных рамок может привести к двум экстремальным ситуациям: недопустимому обману (обычному мошенничеству) и невротическому обману (синдрому самозванца)» [32].

Рассматривая вопрос о причинах возникновения синдрома самозванца, в первую очередь необходимо указать:

- причины, связанные с семейным воспитанием и ранним детским опытом;
- причины, связанные с личностными характеристиками, такими как нейротизм, дезадаптивный перфекционизм, внешний локус контроля;
- когнитивные искажения;
- социальная и профессиональная среда, а также социокультурные и ситуативные факторы, гендерные особенности.

В нашем исследовании приняли участие студенты Оренбургского государственного университета, а также сотрудники коммерческих организаций в различных сферах деятельности. Пол респондентов: женский и мужской. Возраст респондентов: от 18 до 60 лет. Образование респондентов: неоконченное высшее, высшее, второе образование/профессия, ученая степень. Все респонденты добровольно согласились принять участие в исследовании. Перед проведением диагностики им были даны разъяснения цели исследования. Общий объем выборки составил 67 человек.

Для проведения исследования нами были использованы следующие методики: Шкала феномена самозванца Паулины Кланс, определяющая наличие синдрома самозванца и степень его выраженности. Методика мотивации к избеганию неудач Т. Элерса. Методика мотивации направленности к успеху Т. Элерса. Опросник перфекционизма Гараян Н.Г., Холмогоровой А.Б., Юдеевой Т.Ю., трехфакторный опросник для выявления перфекционизма и выявления его структуры. Опросник «Готовность к риску» Шуберта. Выбор диагностического инструментария полностью отражает методологию научного исследования по проблеме синдрома самозванца.

Гипотеза исследования: выраженность синдрома (феномена) самозванца демонстрирует возрастную динамику (снижение в средней зрелости по сравнению с ранней и возможный рост в поздней зрелости), а также коррелирует с мотивацией избегания неудач, стремлением к достижению успеха, перфекционизмом и готовностью к риску» :

- чем выше мотивация избегания, тем выше выраженность синдрома (феномена);

- умеренное стремление к достижениям успеха может снижать синдром, а высокий уровень — усиливать феномен самозванца;

- более высокий перфекционизм ассоциируется с более выраженным феноменом самозванца;

- более высокая готовность к риску соотносится с меньшей выраженностью синдрома (феномена) самозванца.

В результате проведенного исследования установлена взаимосвязь синдрома самозванца и проявлениями перфекционизма у респондентов в ранней и средней зрелости, также в данной возрастной категории были выявлены связи между наличием у опрашиваемых озабоченности оценками и негативного селектирования.

При этом в возрасте поздней зрелости корреляция выявлена только по отношению к озабоченности оценками. Данный показатель может быть связан с кризисом идентичности и необходимостью получать подтверждение своей ценности извне (мнение детей, коллег, потребностью уважения в обществе и подтверждения социального статуса).

Статистический анализ не выявил различий в проявлении феномена самозванца между группами различного возраста. На основании чего мы можем прийти к выводу о том, что если синдром самозванца сформировался в ранней молодости, то в дальнейшем он будет сохраняться независимо от возраста. Образование также не оказывает влияние на увеличение или снижение выраженности этого симптомокомплекса.

В ходе корреляционного анализа установлена взаимосвязь синдрома самозванца и проявлениями перфекционизма у женщин и мужчин, и здесь также были выявлены связи между наличием у опрашиваемых озабоченности оценками и негативного селектирования.

У мужчин и женщин же данный симптомокомплекс будет проявляться поразному, степень его проявления будет зависеть от степени выраженности мотивации к избеганию неудач (социально - одобряемый перфекционизм) у женщин и склонности к риску у мужчин (избегание ответственности).

Вместе с тем, полученные информация и данные требуют дополнительного изучения.

В ходе анализа полученных результатов респондентов, имеющих разное образование, выявлены взаимосвязи проявлений синдрома самозванца и перфекционистских черт, в том числе и озабоченности оценками и негативного селективизма у лиц с неоконченным высшим и высшем образованием. Критерии озабоченности оценками и негативного селективизма не выявляются у лиц, получивших второе образование или профессию.

Помимо этого, мы провели статистический анализ для выявления того, как на каждом возрастном этапе, при каком образовательном уровне проявляется в большей или меньшей степени синдром самозванца, а также зависят ли его проявления от пола респондентов.

По результатам статистического анализа с помощью критерия Краскала-Уоллиса для независимых выборок по всем шкалам для категории возраст

различий выявлено не было. По результатам статистического анализа с помощью критерия Краскала-Уоллиса для независимых выборок по образованию различия не обнаружены. По результатам статистического анализа с помощью критерия Манна-Уитни для независимых выборок по полу были выявлены различия по Шкале мотивации избегания неудач Т. Элерса и по опроснику склонности к риску.

Список литературы

1 Булгакова Л. И. «синдром самозванца»: история возникновения термина, основное понятие и их трансформация // Психология и психотерапия семьи. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-samozvantsa-istoriya-vozniknoveniya-termina-osnovnyie-kontseptsii-i-ih-transformatsiya> (дата обращения: 23.01.2026).

2 Гвоздева, О.Е. Синдром самозванца в предпринимательской среде: влияние на мотивацию и самооценку/ О.Е. Гвоздева// Дни российской науки в МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2025: сборник тезисов. – Москва: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2025 – С. 216. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80641571>

3 Руднова, Н.А. Особенности организационного поведения сотрудников с феноменом самозванца» / Н.А. Руднова, М.С. Шевелева // Национальный психологический журнал. - 2025. - №1(20). – С. 86-97. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsionnogo-povedeniya-sotrudnikov-s-fenomenom-samozvantsa>

4 Стародубец, К.Е. «Синдром самозванца»: понятие, причины, симптомы» / К.Е. Стародубец, А.С. Самарина // Молодёжь Сибири - науке России: Материалы международной научно-практической конференции, Красноярск, 24 апреля 2024 года. – Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2024. – С. 332-337. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67158169>

5 Шевелева М.С. Феномен самозванца: обзор зарубежных исследований/ М.С. Шевелева//. - 2023. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2023_n2/jmfp_2023_n2_Sheveleva.pdf

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СУЖДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ МЕТАСИСТЕМЫ ИСКУССТВА, НАУКИ, ТЕХНИКИ И ИНЖЕНЕРИИ

Коломиец Г.Г., д-р филос. наук, профессор

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Доктор физико-математических наук Евгений Львович Фейнберг писал о проблеме двух культур, а именно: естественнонаучного знания, с одной стороны, и гуманитарных наук и искусства – с другой. Он с философской точки зрения пришел к выводу о разном значении интуиции и логики в искусстве и науке. Следовательно, наука - искусство-техника составляют единую метасистему, а вместе с ними философия-эстетика-инженерия существуют взаимосвязано, поскольку они обуславливают повседневность, реалии нашей жизни, эстетику жизни.

Эстетика как философская наука рождена немецким философом А.Г.Баумгартеном. «Aesthetica» Баумгартена вышла в свет на латинском языке сначала в 1750 г. (первая часть), затем в 1758 г. (вторая часть, не окончена) объемом около 800 страниц. Известно, что М.В. Ломоносов привез книгу в Москву, однако издание в полном переводе появилось как на немецком, так и на русском языке только недавно, в 20-е годы XXI века.

В предисловии Баумгартен писал: «§ 1. Эстетика (теория свободных искусств, низшая гносеология, искусство прекрасного рассуждения, искусство аналога разума) есть наука чувственного познания» [1, с.40].

Итак, подчеркнем, что, во-первых, эстетика есть наука о чувственном познании (термин – от древнегреческого слова «айстесис» – чувственное восприятие). Во-вторых, понятие свободных искусств. Оно исходило из средневековой традиции деления искусств, помимо механических, производственных по правилам, на три гуманитарных или рациональных искусств (грамматика, риторика, диалектика) и четыре естественных, или реальных искусств (арифметика, геометрия, астрономия, музыка). Кроме того известность в эпоху Просвещения приобрели «изящные искусства», воздействующие красотой, то, что относится к художественному творчеству. В третьих, «прекрасные рассуждения как аналог разума», отличные от строгой логики. Тут же в разделе «Красота познания» Баумгартен указал на цель философской эстетики: «Цель эстетики есть совершенство чувственного познания как такового. А это совершенство есть красота, и должно избегать несовершенства чувственного познания как такового... А это несовершенство есть безобразие» [1, с.45]. Баумгартен, выделив эстетику в философском познании, определил последующее развитие философско-эстетической науки, которая трактовалась как философия красоты, философия искусства, философия чувственного познания посредством восприятия, памяти, воображения, интеллекта. Как говорил И. Кант, интеллектуальная игра

рассудка и воображения необходимы человеку, они необходимы и науке и искусству.

Вопрос о том, что такое искусство, приобрел широкое эстетическое понимание. Так, академик Д.С.Лихачев говорил, что искусство было всегда, искусство было до человека, потому что чувство красоты свойственно всему живому миру. В науке исторически сложились две трактовки искусства крупным планом: с древности искусство означало «технэ», т.е. мастерство, умение делать по правилам в любой сфере деятельности, искусность, начиная с домашней кухни до строительства, инженерного дела, создания сооружений и скульптур и т.д. Другое понятие искусства, которое распространилось позже - это художественная деятельность, но не только, это и новые концептуальные и маргинальные формы и дизайн, другое. Отмечу, что во всех представлениях об искусстве важны эстетическое восприятие, опыт, суждение, интуиция и логика в творческом процессе, чувственное ощущение и рациональное мышление, ориентация на красоту, гармонию, меру.

С точки зрения инженерного искусства в развитии отечественного строительства велика роль гения В. Г. Шухова – русского инженера, самого востребованного в России конца 19-нач.ХХ века. Его называли первым инженером Российской империи, а затем – советский инженер, архитектор, изобретатель, учёный, академик. Диапазон решенных им задач необычайно широк: выставочные павильоны, цеха, зерновые элеваторы, доменные печи, плавучие ворота сухих доков, железнодорожные мосты, оборудование для нефтедобычи, вращающиеся сцены театров и многое другое. Знаменита Башня Шухова. Это философия новой повседневной жизни индустриальной эпохи.

Связь эстетического опыта с инженерией бурно стала развиваться еще 300-200лет назад. В России архитектурное строительство во времена М.В.Ломоносова были заявлено с требованиями эстетического возвышенного, а именно выделение высоты и масштабности главных зданий города, воздействующих на людей. О сильном эстетическом воздействии высоток речь уже тогда шла. Так в Москве в первой половине ХХ века были выстроены 7 высоток, в том числе МГУ им. М.В. Ломоносова. В нашем городе величественное главное здание Оренбургского государственного университета является тому примером.

В современном мире распространена алгоритмическая эстетика, соединяющая инженерные знания, цифровые технологии, направленные не только на реализацию деловых и коммерческих целей, но и на непосредственное эстетическое удовольствие. В связи с внедрением цифровых компьютерных технологий в искусство вышла Книга «Алгоритмическая эстетика» ученых из МГУ им Ломоносова С.В. Ерохин и философ-эстетик А.С. Мигунов. Алгоритмическая эстетика предполагает тесную связь искусства с наукой и техникой: «Компьютер, как продолжение руки художника, заменяет традиционную кисть и палитру, ...теперь машина все увереннее начинает конкурировать с творческими способностями человека» [9, с. 11] благодаря открытому киберпространству, активно заселяемому человеком с конца

прошлого века. Задача художника прежних времен состояла в том, чтобы представить чудо зрительной иллюзии, скажем в живописи, используя приемы трехмерной композиции. Теперь же, добавляя с помощью техники 4-е измерение в картину – время, можно на глазах оживить картину, вызвать визуальное иллюзорное движение. Электронные технологии используются с целью усиления психического влияния посредством айстесиса, ощущений, слухо-зрительной чувственности. Чувственное познание становится симулякр, иллюзией, мифом.

Книга московских авторов включает инженерные решения, используя схемы, формулы и обилие сравнительных изображений, указанием различных параметров технической обработки. В ней утверждается, что «алгеброй» действительно можно «поверить гармонию». Однако здесь возникает этическая проблема: если компьютер становится продолжением руки художника, но не стоит ли за этим угроза человеку от компьютера?

Метасистема науки и искусства распространяется на инженерную и художественную деятельность как технэ с помощью цифрового искусства, специфических технологий организации пространства и времени, которые требуют, с одной стороны, философской мысли концепции «атмосферы», с другой – инженерного и художественно-дизайнерского воплощения, учитывающего разные мировоззренческие подходы.

Сегодня приобрел известность в философии и эстетике концепт атмосферы, он сопряжен с инженерной наукой и практикой. В современную научную теорию понятие «атмосфера» в начале нашего века разработал немецкий философ, математик и физик, профессор Дармштадского технического университета Г. Бёме. Атмосфера как концепт предполагает преодоление бинарности телесного и духовного, профанного и сакрального. Атмосфера касается проблемы среды обитания человека. Г. Бёме предлагает вернуться к изначальному истоку термина эстетики айстесису, айстетического восприятия и называть науку соответственно «айстетика».

Сама эстетизация жизни с помощью инженерии в поисках новых гармоничных путей формообразования человеческой среды требует согласия мыслей, воображения и действий, идя от чувственных восприятий к рациональным идеям, ориентированных на красоту, пользу, качество, на соразмерность и порядок в устойчивом выражении жизни как высшей ценности.

Еще один момент, важный для понимания связи философской эстетики и инженерии. Философия отмечает такую человеческую способность как символическое мышление. Философы Кассирер, Уайтхед, Лангер выделяют способность нашего сознания к символизации, символам. В труде «Философия символических форм» Эрнст Кассирер выводит из кантовского априори философию символа и смысл символического функционирования. Символы существуют не просто в воображении, а как «постоянно существующее и распространяющееся искусство иносказания, именно способность создавать символические образы, а не разум делает человека человеком. Искусство же, являющееся высшей ступенью символизации делает человека человеком в

высшем значении этого слова». Следовательно, мыслить символами – это то, что дано человеку изначально. Символические отношения обнаруживают себя в церковных обрядах, храмовой архитектуре, искусстве, разговорной и письменной речи, языке. Символическое мышление побуждает человека искать, придумывать, творить, строить новое.

Мы не всегда осознаем, что эстетическая гносеология незримо присутствует там, где осуществляется работа в научной и практической деятельности, что осмысляет современная научная и прикладная философия. Например, в работе рекламного агентства и связей с общественностью, в организации проектов дизайна среды, выпуску продуктов повседневности, художественного оформления и создания нетрадиционных картин, требующих знания современной новой алгоритмической эстетики.

В условиях многополярного мира при всей сложности движения к новому миропорядку возникают новые возможности преобразования стиля и образа жизни с помощью творческой инженерии. Современное инженерное градостроительство, оснащенное философской эстетической мыслью, этикой и промышленной эстетикой, дизайном может объединять людей, которые обмениваются индустриальными продуктами. Оно способно участвовать в процессах взаимодействия духовной и материальной составляющих культуры, гуманизировать и гармонизировать человеческие взаимоотношения.

Список литературы

1. Баумгартен, А. Г. Эстетика / пер. с лат. языка, под общей редакцией А.В. Белоусова и Ю.А. Шахова. – Москва: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2021. – 760 с.
2. Коломиец, Г.Г. Эстетика и эстетическая гносеология как предмет теории познания и области инженерии // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2025. Т. 3. № 7. С. 56-67.
3. Коломиец, Г.Г. Национальное достояние служения отечеству в эпоху становления эстетической мысли в России// Цивилизационные изменения современного мира, образования и человека [Электронный ресурс]: сборник материалов международной научно-практической конференции / науч. ред. В.В. Мороз; Оренбург. гос. ун-т. – Электрон. дан. – Оренбург: ОГУ, 2025. Секция 6. С. 570-574
4. Коломиец Г.Г. Символическая философия искусства в контексте антропологии и межкультурного взаимодействия: Россия, Китай, Европа// Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 1. – С. 129–139.
5. Коломиец, Г.Г. Эстетика как философская наука: переосмысливая идеи А. Баумгартена// Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 4. – С. 61–69.
6. Коломиец, Г.Г. О тенденции сближения научного и художественного способов познания // Научное искусство: Тезисы I

Междунар. науч.-практ. конф. МГУ им. М. В. Ломоносова, 04-05.04. 2012 / под ред. В. В. Миронова. М.: МИЭЭ, 2012. С. 75–76.

7. Коломиец, Г.Г. Искусство и наука как предмет эстетической гносеологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 3. С. 796–810.

8. Коломиец, Г.Г. Этика и эстетика в аспекте познания и образа жизни инженерии / Гений В.Г. Шухова и современная эпоха: материалы международного конгресса.. – М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2015. – С.103-106.

9. Мигунов, А.С., Ерохин С.В. Алгоритмическая эстетика/ А.С. Мигунов, С.В. Ерохин. – СПб.: Алетейя, 2010. – 280с.

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Лыков А.В., канд. ист. наук, доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Имя Александра Александровича Зиновьева (1922-2006) известно широкому кругу отечественных и зарубежных обществоведов. Он - всемирно известный писатель, философ и социолог, внёсший огромный вклад в развитие социальной теории и приблизивший нас к лучшему пониманию социальной реальности. В его сочинениях содержатся важные теоретические идеи и концепции из разных областей знания – от математической логики, социальной и политической философии до социологии и этики. Но важнейшие с позиции социальной науки концептуальные разработки учёного относятся в первую очередь к сфере социологического анализа реального советского общества, а затем и общества западного. Своеобразным итогом многолетней деятельности учёного можно считать разработку им теории глобальной социальной эволюции, объясняющей ход истории в целом и современные тенденции развития человечества. Чтобы добиться таких впечатляющих результатов, нужно обладать незаурядными способностями теоретического мышления и научного анализа.

Рождённый в глухой костромской деревне в многодетной семье и знавший крестьянский труд, Зиновьев в десятилетнем возрасте перебрался в Москву и с отличием окончил среднюю школу (1939). С 1940 г. находился на службе в армии, прошёл всю войну, закончив её боевым лётчиком. В послевоенные годы он – студент и аспирант философского факультета Московского государственного университета. Уже в это время проявились его качества аналитика. Для профессиональной карьеры Зиновьев выбрал самую трудную и строгую (но и свободную от марксистской идеологии) область философии – логику и методологию науки. Его кандидатская диссертация («Метод восхождения от абстрактного к конкретному»), посвящённая исследованию логики «Капитала» К. Маркса (1954), вызвала и сопротивление (догматиков), и большой общественный интерес. Заметим, с диссертацией ознакомиться «обычным способом» было трудно. Поэтому её текст, закрытый для читателей библиотек, позднее распространялся в многочисленных самиздатовских списках. А автор приобрёл славу новатора и вольнодумца, не связанного догматическими установками. По свидетельству академика РАН А.А. Гусейнова, для них, студентов философского факультета МГУ второй половины 50-х годов, имя А.А. Зиновьева (наряду с именами Э.В. Ильенкова и некоторыми другими) было символом новых идей и борьбы с догматизмом [1, с. 4].

Профессиональная деятельность Зиновьева складывалась вполне успешно. Он защитил докторскую диссертацию на основе монографии «Философские

проблемы многозначной логики» (1960). В последующие годы издал серию трудов по логике и методологии науки: «Логика высказываний и теория вывода» (1962), «Основы научной теории научных знаний» (1967), «Комплексная логика» (1972); «Логика науки» (1972) и некоторые другие, в которых разработал и изложил собственную логическую теорию. Примечательно, что пять из шести его монографий тех лет были переведены на английский или немецкий язык и изданы на Западе [там же; 2, с. 362-363]. Успехи в разработке научных проблем принесли Зиновьеву мировое признание и ввели его в ряд крупнейших логиков мира. Впоследствии серию логических сочинений Зиновьев дополнил обобщающими трудами - «Очерки комплексной логики» (2000), «Логический интеллект» (2005) и специальным исследованием «Логическая социология» (2002). Логику, прежде ютившуюся на философских задворках, он поставил впереди философии [3, с. 233]. Свою собственную логическую теорию, названную комплексной логикой, автор сделал инструментом познания социальных явлений. Не случайно методологические основания и строгие логические подходы присутствуют во всех социолого-теоретических построениях учёного. Да и сама социологическая теория Зиновьева названа им логической социологией. Построенная на основе собственных исследований в логике и методологии науки, логическая социология представляет собой результат логической обработки языка и методов социальных исследований [4, с. 6; 5, с. 88-89]. Можно сказать, что «логическая социология - это социология функциональностей и социальной структуризации». Она предельно абстрактна и одновременно конкретна [6, с. 230, 231]. Теоретические построения автора, содержащие многочисленные примеры и описания конкретных ситуаций, легко распространяются на весь класс социальных явлений, где соблюдаются условия существования данного эмпирического объекта. Акцент в социальной методологии Зиновьева делается на вычленинии функциональных черт и функционально-институциональных сторон социальных объектов. На основе наблюдения и анализа массы повседневных социальных взаимодействий в различных сферах жизнедеятельности общества он обнаруживает социальные закономерности исторических процессов и больших человеческих объединений.

В середине 70-х годов произошёл резкий поворот в жизни и научной деятельности А.А. Зиновьева. Он переключился на изучение социальной тематики и опубликовал за рубежом скрытно написанную и переправленную на Запад книгу «Зияющие высоты» (1976), представляющую собой острую сатиру на советскую действительность. На страницах, в художественной форме раскрывающих различные аспекты социальных отношений в вымышленном городе, содержался критический анализ советского социального строя. Книга, переведённая на многие языки, получила мировую известность. А автор, идентифицированный в условиях холодной войны как антикоммунист, был уволен с работы, лишён учёных степеней, званий, государственных наград, гражданства и выслан из страны (1978).

Эмигрантский период (1978-1999) научной деятельности Зиновьева можно назвать социологическим. Живя в Германии, он продолжил научный анализ советского общества, публикуя социологические романы (повести) и эссе. Среди них сборники научных статей и литературные произведения, такие как «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979), «Записки ночного сторожа» (1979), «Без иллюзий» (1979), «Желтый дом» в двух томах (1980), «Мы и Запад» (1981), «Гомо советикус» (1982), «Нашей юности полет» (1983), «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983), «Иди на Голгофу» (1985), «Пара беллум» (1987) и другие. Продолжая традиции «Зияющих высот» в серии литературных произведений, учёный стал создателем нового жанра – социологического романа (повести). Здесь средства и приёмы художественной литературы соединяются с логико-социологическими понятиями и подходами и служат конечной цели – изложению научно-социологических результатов и выводов.

В социальном познании существует социальная заинтересованность. Это порождает субъективный фактор познания – личную позицию исследователя. Свою социальную позицию Зиновьев отобразил в литературной форме в сцене дележа хлеба в армейской столовой, где герой, с которым идентифицирует себя автор, берёт самый маленький кусочек, оставшийся лежать на столе. «Эта доля секунды решила всю мою последующую жизнь», - заявляет герой. – «Я заставил себя уклониться от борьбы» [7, с. 250]. Вот этот отказ от борьбы за материальные и иные блага (но не от борьбы за истину) и стал основой социальной позиции учёного, был возведён им в жизненный принцип и позволил стать независимым в своих исследованиях и выводах. «Я есть суверенное государство» (государство из одного человека), провозгласил Зиновьев, отстаивая своё право на личную свободу и независимость от общественного мнения. Его позиция – это позиция интеллектуального бунтаря-одиночки без собственных привнесённых интересов, искажающих истину. Примечательно, что ни в одном из опубликованных текстов Зиновьев ни разу не продекларировал себя в качестве марксиста, приверженца диалектического и исторического материализма [8, с. 9]. И это в обстановке тотального (и во многом естественного) доминирования марксистско-ленинского учения в советском обществе.

Но возможно ли человеку, буквально слившемуся со своей эпохой, да ещё в условиях господства общества и коллектива над индивидом, сохранить автономию своей личности и независимость исследовательской позиции? Своим творчеством, созданием оригинальной социологической теории Зиновьев показал, что это возможно. Он выбрал путь не разработки программы социальных преобразований в духе позитивных идеалов, а путь понимания реальности, самосовершенствования и создания идеального общества в самом себе. Здесь логическая социология учёного оборачивается своей этической стороной.

Особое место в серии социальных исследований А. Зиновьева занимает публикация научного труда «Коммунизм как реальность» (1980), содержавшего

развёрнутую социологическую теорию коммунистического социального строя. В качестве образца для анализа коммунизма он выбрал советское общество, в котором данный тип социальности достиг классической зрелости, обнаружив с полной ясностью свои достоинства и недостатки [9, с. 9]. Что касается терминологии, то учёный применил логическую процедуру (экспликацию понятий) с целью добиться определённости многозначных и расплывчатых терминов, описывающих социальную реальность. Зиновьев решительно выступил против определения советского социального строя вне парадигмы социализма-коммунизма. Рассмотрение коммунизма как государственного, коллективного или партийного капитализма вызывает у него полное отторжение [см.: там же, с. 21]. Отвергая марксистское учение о двух фазах коммунизма (социализм и полный коммунизм), он считает, что то общество, которое сложилось в течение нескольких десятилетий Советском Союзе, и есть реальный (полный) коммунизм. Никакого другого коммунизма в силу действия социальных законов просто быть не может. Поэтому многозначный термин «коммунизм» в теории автора приобретает определённую и однозначность, характеризуя реальный эмпирический объект.

Коммунизм, по Зиновьеву, не только политический режим, но прежде всего социальная организация масс населения, сложившаяся на основе явлений (законов) коммунальности. Явления коммунальности (социальности) возникают везде, где образуются достаточно большие сообщества людей. К таким явлениям можно отнести процессы структурирования группы, отношения начальствования и подчинения, выделение государственных учреждений и чиновников, идеологическую обработку масс, и многие другие. Коммунальность выступает базисным фактором, но не единственным в процессе формирования коммунистического социального строя. Коммунизм вырастает не только из коммунальности, но и из других условий, обеспечивающих воспроизводство данного типа общества. Среди этих условий стандартизация жизни и образование стандартной клеточной структуры во всех частях и на всех уровнях социальных объединений. Коммунальные законы, общие для всех достаточно больших человеческих объединений, действуют как определённые правила поведения людей по отношению друг к другу. Примерами могут служить такие правила (и действия): меньше дать и больше взять, меньше зависимости от других, меньше риска и больше выгоды, и другие [см.: там же, с. 61, 62, 64].

Клеточку коммунистического общества образуют первичные коллективы. Это деловые ячейки (первичные социально-экономические организации), созданные для выполнения различных деловых функций. Социальная структура коммунистического общества, конечно, не сводится к клеточному строению. Однако, подчёркивает автор, деловая ячейка тождественна обществу в миниатюре, поэтому анализ социальной ячейки есть путь к систематическому пониманию всего общества [там же, с. 93]. Отталкиваясь от анализа коммунальных отношений в первичных коллективах, Зиновьев последовательно рассматривает проявления этих отношений на всех уровнях

социальной организации общества. Он анализирует социальное положение индивида, отношение к труду, степень эксплуатации и вознаграждения, иерархию индивидов и коллективов, систему власти и управления, роль партийных организаций, место и структуру идеологии, отношения собственности, образ жизни и многие другие аспекты реального коммунистического общества.

Книга А.А. Зиновьева получила высокую оценку на Западе, ей была присуждена престижная премия Алексиса де Токвиля. Известный социолог и политолог Раймон Арон охарактеризовал книгу как единственный научный (а не идеологический) труд о советском обществе. В России книга была впервые издана только в 1994 году. Академик А.А. Гусейнов, говоря о проведённом исследовании коммунизма Зиновьевым, отмечает, что оно на сегодняшний день является «единственной концептуально законченной теорией советского общества как исторического явления и социальной реальности» [8, с. 219].

С середины 80-х годов акценты в творчестве А.А. Зиновьева начинают меняться. Он постепенно переходит от критики недостатков советского общества к подчёркиванию его достоинств и сильных сторон. Смене тональности в произведениях учёного способствовала развернувшаяся в СССР перестройка. В серии напечатанных критических статей, вышедших позднее под общим названием «Горбачевизм» (1987), он предвосхитил надвигающийся кризис советского коммунизма, а саму политику М.С. Горбачёва охарактеризовал как неправильный (неадекватный) ответ на этот кризис. В условиях набирающего силу кризиса советского общества любые радикальные реформы приведут не к заявленному обновлению социализма, а к его краху, предупредил Зиновьев. Определяя политику перестройки как губительный курс - «катастрофу» (в социологической повести), он предсказал её неизбежный провал. Это сбывшееся предсказание, сделанное в обстановке всеобщей эйфории, стало свидетельством не только самостоятельности и независимости научной позиции учёного, но и доказательством верности его научной методологии.

Внимание Зиновьева было перенесено с анализа природы реального коммунизма на явления кризиса последнего. Марксистско-ленинская теория (и идеология), определяя неизбежность кризисов при капитализме, допускала наличие кризиса в советском обществе лишь на переходной (от капитализма к социализму) период. Коммунистическое же общество считалось бескризисным. Зиновьев в специальном научном труде (1990) доказал обратное, осуществив комплексный анализ условий и факторов кризиса реального коммунизма [10]. Он определил социальный кризис как уклонение от некоторых норм существования общества, подчёркивая, что это уклонение является результатом действия внутренних закономерностей социума в условиях его нормального и даже успешного функционирования [10, с. 383]. Данное определение позволило автору раскрыть специфику кризиса коммунизма. В отличие от капитализма, для которого характерен экономический тип кризиса, специфическим типом коммунистического кризиса выступает кризис системы власти и управления.

Учёный, далее, указал на необходимость различения источников и условий кризиса коммунизма. Источники (они же механизмы) потенциального кризиса органически присущи коммунистическому социальному строю, ибо это те факторы, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность общества. Они действуют постоянно, порождая тенденции отклонения от нормы. Например, экономическое планирование порождает элементы хаоса и незапланированности, массовая идеологическая обработка населения порождает идеологический цинизм, и т.д. Накапливаясь, эти отклонения становятся предпосылками потенциального кризиса. Условия же кризиса не обусловлены природой коммунизма. Это большая группа внешних факторов, с помощью которых потенциальный кризис становится реальным. Среди них в качестве важнейших автор выделил следующие факторы. Колоссальный прогресс советского общества в послесталинский период, в том числе огромный прирост населения, сопровождавшийся увеличением доли его непроизводительной части. Другой фактор – затянувшийся период мирного времени (автор говорит даже о пропущенной очередной мировой войне), в ходе которого получили возможность развернуться в полную силу тенденции отклонения от норм коммунистического общества. Одновременно действовал фактор «холодной войны», вынуждавший Советский Союз на огромные траты и истощавший его силы. Наконец, широко проявил себя такой фактор как советское проникновение на Запад и западное проникновение в Советский Союз и другие социалистические страны. Влияние Запада привело к снижению эффективности коммунистической идеологии и других защитных механизмов советского общества. Все эти факторы сработали как условия, в которых возможный кризис коммунизма превратился в действительность.

Потенциальный кризис коммунизма созрел ещё в брежневские годы, хотя не был адекватно осознан советским руководством и воспринимался только как процесс нарастания различных проблем и трудностей, подчёркивает Зиновьев. Политика Горбачёва стала толчком к кризису. Начав «перестройку», горбачёвское руководство развязало кризис. Сама «перестройка и есть подлинная реальность кризиса, кризис как таковой» [там же, с. 396]. Таков был диагноз учёного, обоснованный им в теории кризиса коммунизма. Сам учёный, рассматривая возможности дальнейшего развития России, считал тогда наиболее благоприятным выходом из кризисной ситуации для страны политику контрперестройки – возврата страны к нормальному состоянию коммунистического социального строя.

Логическим продолжением разработки теории кризиса реального коммунизма стало исследование складывающейся после распада СССР постсоветской социальной организации. Учёный подробно проанализировал процесс формирования постсоветского социального строя и его характерные черты. Теории постсоветизма, западного социального строя (западнизма - в авторской терминологии), а также теория глобального социального развития занимают важное место в логической социологии Зиновьева. Эти концепции могут стать предметом отдельного рассмотрения.

А.А. Зиновьев оставил нам обширное и ценное теоретическое наследие. Не случайно академик А. Гусейнов назвал его гением социальной мысли. Глубокое и критическое осмысление этого наследия – не просто актуальная, но и необходимая в нынешних социальных реалиях обществоведческая задача.

Список литературы

1. Гусейнов А.А. Об Александре Зиновьеве и его социологии // Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. - М.: Изд-во Центрполиграф, 2000. - С. 3–21.
2. Александр Александрович Зиновьев / Под. ред. А. А. Гусейнова. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. - 376 с: ил.
3. Кантор К.М. Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия // Александр Александрович Зиновьев / Под. ред. А. А. Гусейнова. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. - С. 224–245.
4. Феномен Зиновьева. Составители: А.А. Гусейнов, О.М. Зиновьева, К.М. Кантор. - М.: Изд-во «Современные тетради», 2002. - 400с.
5. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. - М.: Изд-во Центрполиграф, 2000. – 638 с.
6. Афанасов Н.Б. Абдусалам Гусейнов об Александре Зиновьеве // Философические письма. Русско-европейский диалог. – 2024. - Т. 7. - № 1. - С. 224–235.
7. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. – Кн. 1. – М.: Независимое изд-во ПИК, 1990. – 316 с.
8. Гусейнов А.А. Мой Зиновьев / Статьи, доклады, интервью. - М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. – 272 с.
9. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. – Москва: Центрполиграф, 1994. – 495 с.
10. Зиновьев А.А. Кризис коммунизма // Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. – М.: Центрполиграф, 1994. – С. 291-466.

ВОЛОНТЕРСТВО КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ

Мокрицкая Е. А.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Волонтерство - один из важнейших ресурсов развития общества. Сегодня волонтерское движение в России набирает обороты. За пять лет Россия поднялась со 124-го на 67-е место в Мировом индексе благотворительности. Проблема оценки эффективности волонтерской деятельности становится все более актуальной на фоне растущего вовлечения молодежи в волонтерскую деятельность в процессе обучения в вузе. Образование в университете предполагает формирование и развитие профессиональных компетенций, гражданской позиции, способности к труду, нравственного воспитания. Волонтерское движение направлено на формирование и развитие социальной активности, культурное, духовное и профессиональное становление личности. "Волонтерство – важный компонент современных всеобщих социальных и культурных изменений, который основывается на структурном и процессуальном единстве чувственно-эмпирической и абстрактно-рациональной стратегий развития общества, представляющих современные тенденции формирования личности " [4].

"Термины, которые определяют волонтерство в разных языках и культурах, отличаются друг от друга, но ценности, которые лежат в их основе: желание внести свой вклад в общее благо, свободная воля, дух солидарности, отсутствие ожидания материального вознаграждения – являются общими и универсальными. Добровольцы мотивированы такими ценностями, как справедливость, равенство и свобода " [1].

Фундаментальной задачей высшего образования является подготовка компетентного специалиста, способного эффективно действовать не только в учебных ситуациях, находить оптимальные решения проблемных вопросов, возникающих в сфере профессиональной деятельности. По мнению К. В. Шапошникова, "профессиональная компетентность в целом характеризуется совокупностью интегрированных знаний, умений и опыта, а также личностных качеств, позволяющих человеку эффективно проектировать и осуществлять профессиональную деятельность во взаимодействии с окружающим миром» [8].

В волонтерской деятельности человек познает себя и мир практически, в процессе самовыражения. На развитие социальных и профессиональных компетенций в волонтерских командах влияет любая новая информация. Благодаря волонтерству у молодых людей (согласно психологическим исследованиям) развиваются такие личностные качества, как: уверенность в себе, эмпатия, общительность, социальная смелость, креативность, гибкость поведения, толерантность, ответственность, лидерские качества [2].

Волонтерство отражает целостность студента на личном, социальном и государственном уровнях, основанную на экологическом и социальном подходах. Волонтерство начинается с идеи индивидуального личностного развития в сочетании с социальными потребностями и институтами.

Стоит отметить, что в Оренбургской области численность волонтеров сейчас достигает 46 тысяч человек. В некоторых субъектах Российской Федерации волонтеры объединены в постоянные сообщества. В 36 субъектах созданы региональные и муниципальные волонтерские центры, задачами которых являются: создание условий для вовлечения молодежи в волонтерское движение, формирование активной жизненной позиции, развитие социальных и профессиональных компетенций, обучение участников волонтерского движения, проведение информационной работы. В 31 субъекте России приняты региональные законодательные и нормативно-правовые акты, программы поддержки и развития волонтерского движения.

Основная цель добровольных помощников - оказывать помощь населению от имени организации, которая их представляет. Волонтерские инициативы распространяются практически на любую сферу человеческой деятельности, такую как: работа с группами социального риска (инвалиды, пожилые люди, маргиналы, малообеспеченные слои населения), работа в сфере неформального образования, направленная на межкультурную коммуникацию, разработка проектов, укрепляющих дух социальной терпимости, миротворчество, разрешение конфликтов, охрана окружающей среды, активизация населения в глубинке и т.д.

Добровольцы и их организации вовлекаются в волонтерские проекты на основе личного решения, инициативы и уверенности в задачах и идеалах волонтерства. Волонтеры — это не “дешевая рабочая сила”, их инициатива и энергия привлекаются к работе по их собственному добровольному желанию и являются каталитическим элементом в работе всего проекта.

Среди видов волонтерской деятельности сегодня наиболее востребованы такие, как экологическая деятельность, помощь бездомным животным, зоопаркам, заповедникам, участие в просветительских беседах, направленных на профилактику наркомании, СПИДа и т.д., организация социально значимых мероприятий, участие в консультациях по правовым вопросам и психологической помощи, охрана общественного порядка.

Волонтеры получают реальную возможность для саморазвития и самосовершенствования, а также формирования своей профессиональной компетентности. В процессе волонтерства технология развития профессиональной компетентности представляет собой поэтапную профессиональную подготовку студентов с использованием различных видов и форм волонтерства, которые напрямую зависят от года обучения студентов в университете, хода образовательного процесса, личностной и профессиональной готовности к общественно полезной деятельности, а также уровня самостоятельности студентов, психологические особенности волонтеров и социальный спрос.

На современном этапе развития студенческого волонтерского движения в России студенты все чаще принимают участие в спонтанных и эпизодических акциях, организуемых в основном к памятным датам и праздникам. Они помогают своим друзьям и однокурсникам, оказывают помощь в ремонте аудиторий, озеленении территории университета, выполняют какие-то мелкие поручения.

Молодыми людьми движет желание искать полезные связи и контакты, приобретать новые знания и навыки, попробовать себя в будущей профессии. Кроме того, одной из ведущих потребностей молодых людей является их востребованность в обществе. Важное место занимают мотивы удовлетворения потребности в общении, как с равными, так и с профессионалами. Особое значение имеют такие сферы социализации, как развитие личности в процессе межличностного общения молодых людей, их подготовка к самостоятельной жизни и профессиональная ориентация. Самостоятельная инициативная социальная активность молодых людей — это способ их самоопределения, процесс накопления социального и профессионального опыта и возможность развить профессиональную компетентность. Волонтерство начинается с идеи индивидуального личностного развития в сочетании с социальными потребностями и институтами.

Главным преимуществом волонтерского движения является способность проникать в слабо затронутые сферы общественной жизни; активизировать возможности решения социальных проблем; предлагать эффективные решения целого ряда задач. Таким образом, волонтерскую деятельность можно определить как эффективную стратегию реального включения ресурсного потенциала добровольцев в разрешении острых социальных проблем [3; 5; 6; 7; 9].

Отметим, что волонтерство довольно активно развивается при поддержке и интеграции мирового волонтерства. Социально-экономические условия создают платформу для широкого спектра мероприятий. Волонтерство развивается достаточно успешно в сочетании со стремлением к самореализации личных интересов и профессиональных компетенций.

Список литературы

1. Азарова, Е. С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности / Е. С. Азарова // Автореф. дис...канд. психол. наук. — Хабаровск, 2008. — 20 с.
2. Бархаев, А. Б. Отношение студенческой молодежи к участию в волонтерском движении / А.Б. Бархаев // — Социология образования. — 2008. — № 12. — С. 85–97.
3. Быстрова Н. В., Волонтерское движение как фактор развития социальной активности молодежи / Н. В. Быстрова, С. А. Цыплакова, Л. А. Чумакова. // — Карельский научный журнал. — 2018. Т. 7. — № 1(22). — С. 73–76.
4. Майкова, В. П. Волонтерство как фактор духовно-нравственного развития личности / В. П. Майкова, О. А. Данилова. // — Вестник Московского

областного государственного университета. Серия: Философия. – 2022. – № 2. – С. 100–107.

5. Митрохина, О. В. Подготовка несовершеннолетних к волонтерской деятельности по профилактике безнадзорности среди сверстников / О. В. Митрохина. – М., 2004. – 218 с.

6. Паршакова, Ю. А. Волонтерство как форма социального движения / Ю. А. Паршакова, Д. В. Лузина // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2015. – № 2 (11). – С. 72–74.

7. Цыплакова, С. А. Профессионально-педагогическое образование и тенденции его развития / С. А. Цыплакова // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 56–8. – С. 274–280.

8. Шапошников, К.В. Контекстный подход в процессе формирования профессиональной компетентности будущих лингвистов-переводчиков / К.В. Шапошников // Автореф. дис... канд. пед. наук. – Йошкар-Ола, 2006. – 26 с.

9. Явон, С.В. Благотворительная деятельность и добровольческое движение в Самарской области / С. Н. Явон // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. – № 1 (10). С. 115–118.

УКРУПНЕНИЕ КОЛХОЗОВ В ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1950-1952 гг.): ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Наточий В.В., канд. полит. наук, доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

В настоящее время вопросы развития агропромышленного комплекса России являются одним из приоритетных направлений деятельности органов государственной власти, что обусловлено сложившейся в стране и вокруг нее ситуацией, стимулирующей активизацию деятельности по импортозамещению сельскохозяйственной продукции в целях обеспечения продовольственной безопасности государства. В этой ситуации значимым условием успешности проводимой государственной политики в этой области является изучение опыта аграрных преобразований в прошлом, что позволяет менее болезненно и с большим положительным эффектом обеспечить поступательное развитие сельскохозяйственной отрасли в будущем.

Начало 1950-х годов в сельском хозяйстве СССР было ознаменовано реализацией государственной политики по укрупнению колхозов. Этот процесс, начавшись в Московской области и Украинской ССР в 1949 году как эксперимент, со следующего года был распространен на всю территорию государства.

В целях определения причин укрупнения колхозов, нужно вернуться в начало 1930-х гг., в тот период, когда проводилась кампания сплошной коллективизации. В то время в большинстве случаев колхозы создавались на базе одного населенного пункта (села или деревни), к которому они собственно и «привязывались». Это привело к излишнему дроблению коллективных хозяйств и породило массу негативных последствий. Прежде всего, возникли сложности с использованием сельскохозяйственной техники – у машинно-тракторных станций было слишком много хозяйств, нуждающихся в их услугах, а техника распылялась – маленькому по размеру крестьянскому хозяйству для проведения сельскохозяйственных работ нужны были 1-2 трактора. Масштабы производства сельскохозяйственной продукции в каждом отдельно взятом колхозе были незначительными, что снижало темпы развития сельскохозяйственного производства. Кроме того, в небольших по размеру хозяйствах имел место дефицит кадров – специалистов в области сельского хозяйства (ветеринаров и агрономов), а также руководящих кадров в органах управления колхозами не хватало.

Для многих регионов Советского Союза, в том числе и для Чкаловской области, одним из самых существенных аргументов в пользу укрупнения колхозов было то, что во многих коллективных хозяйствах трудоспособное население было малочисленным. Многие колхозы Чкаловской области в послевоенный период из-за недостатка рабочих рук не справлялись с

плановыми объемами сельскохозяйственных работ и вынуждены были в массовом порядке прибегать к найму рабочей силы, либо использовать труд привлекаемых к этим работам жителей города и военнослужащих.

Опыт, накопленный в ходе эксперимента по укрупнению коллективных хозяйств на Украине и в Московской области, был обобщен и признан успешным и экономически оправданным. В результате постановлением ЦК ВКП (б) от 30 мая 1950 года был определен курс на укрупнение колхозов на всей территории страны. В развитие положений этого постановления были приняты два постановления Совета Министров СССР – от 7 июня 1950 г. «Об укрупнении мелких хозяйств» и от 17 июля 1950 г. «О мероприятиях в связи с укрупнением мелких колхозов» [1].

Процедура укрупнения была универсальной – районные партийные и советские организации устанавливали совместно с активами объединяемых колхозов целесообразность такого объединения, после чего правления колхозов проводили собрания с жителями населенных пунктов, где вопрос укрупнения всесторонне обсуждался. Решения об объединении выносились отдельно каждым из объединяющихся колхозов на основе голосования участников собраний, после чего эти решения рассматривались на районном уровне и вступали в силу. Затем проводилось общее собрание объединенного колхоза, где избиралось его правление, председатель, ревизионная комиссия и комиссия (временная) по инвентаризации имущества нового хозяйства; также на этом собрании принимался устав колхоза, решался вопрос о его наименовании и административном центре.

Всего за 1950-1952 годы в целом по Советскому Союзу вследствие реализации этой политики произошло значительное сокращение количества колхозов. По данным, приводимым В.П. Мотревичем, число колхозов сократилось с 252,1 тыс. в 1950 году до 91,2 тыс. к началу 1953 года, т.е. в 2,8 раза. Вновь образованные хозяйства были значительно крупнее ранее существовавших, включая в себя по несколько населенных пунктов. До начала процесса укрупнения в среднем в каждом коллективном хозяйстве насчитывалось 77 дворов; к 1953 году этот показатель вырос до 220. Размеры посевных площадей в колхозах выросли с 441,8 га в 1950 году до 1407 га в 1953. Численность крупного рогатого скота за тот же период возросла со 101 до 335 голов, лошадей – с 38 до 141 головы, свиней – с 38 до 230 голов и т.д.[2].

Сходные процессы происходили и на Урале, в том числе и в Чкаловской области, в которой за период проведения кампании по укрупнению колхозов их число уменьшилось в 2,2 раза. По данным, Р.Р. Хисамутдиновой, уже к середине июля 1950 г. число колхозов в области сократилось на 30%, а к 1 января 1951 г. – на 37%. Всего же только за первый год реализации мероприятий по укрупнению колхозов в Чкаловской области были объединены 1238 коллективных хозяйств (58,9% от их общего числа) в 459 крупных колхозов [3].

В 20 районах области укрупнение было завершено полностью за один 1950 год, а в ряде районов этот процесс еще продолжался, но уже привел к

значительному сокращению числа колхозов. Так, например, в Шарлыкском районе количество колхозов уменьшилось на 48, в Екатериновском – на 36, в Пономаревском – на 35, в Троицком – на 35, в Октябрьском – на 29 и т.д. [1].

Перед началом Великой Отечественной войны в результате сплошной коллективизации в среднем колхозы Чкаловской области насчитывали 92 двора. Однако в дальнейшем эта цифра уменьшилась, что было связано с гибелью трудоспособного мужского населения на фронтах Великой Отечественной войны и с уходом части демобилизованных после окончания войны из села в город из-за тяжелых материальных условий жизни. Поэтому средний показатель количества дворов в Чкаловской области в 1949 году был равен 82. В результате проведения мероприятий по укрупнению коллективных хозяйств в среднем колхозы стали насчитывать по 192 двора [3].

После укрупнения размеры земельных площадей, закрепленных за колхозами Чкаловской области, существенно выросли – в среднем на один колхоз до укрупнения приходилось 1649 га пашни, после объединения – 4426 га.

Кампания по укрупнению колхозов не могла не затронуть систему управления в них. Согласно совместному постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 9 июля 1950 года следовало укрепить состав председателей колхозов путем подбора и выдвижения на эту работу проверенных в политическом и деловом отношении специалистов [1]. Причем в качестве обязательных требований, предъявляемых этим постановлением к руководителям коллективных хозяйств, называлось наличие среднего или высшего сельскохозяйственного образования, а также большой практический опыт руководящей и организационной работы. Кроме того, июльское постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) требовало укрепить состав колхозов специалистами сельского хозяйства.

В Чкаловской области после выхода данного постановления состав председателей колхозов в каждом районе рассматривался на бюро райкомов партии. Материалы на отобранных кандидатов на должности председателей колхозов представлялись в областной комитет ВКП(б) для персонального рассмотрения. На 1 сентября 1950 г. в обком партии поступил учетный материал на 206 председателей укрупнённых колхозов из 367 [3].

Если рассматривать назначенных в области председателей колхозов в разрезе их профессионального образования и опыта работы, то следует отметить, что большая их часть (237 человек) получила свои должности именно исходя из критерия наличия практического опыта, руководящего или организационного, что позволяет сделать вывод о нехватке в Чкаловской области специалистов со средним или высшим профессиональным образованием (не обязательно – сельскохозяйственным). Таковых среди назначенных председателей было 130 (в 1,8 раза меньше), из которых 69 человек были механизаторами, 23 – агрономами и зоотехниками, 20 – бухгалтерами и счетоводами, 9 – зоотехниками и 9 – учителями. Как видно из приведенных показателей, почти треть вновь назначенных председателей

колхозов имели профессиональное образование, слабо связанное со спецификой сельского хозяйства.

Имеющийся дефицит квалифицированных кадров на селе был отмечен областными органами государственного управления и в целях его ликвидации в г. Оренбурге с осени 1950 г. начала свою работу двухгодичная государственная школа руководящих кадров колхозов. Суммарно переподготовку в ней в целях повышения своего образовательного уровня прошла почти половина назначенных председателей колхозов – 176 человек.

В целом кампания по укрупнению колхозов дала положительный эффект, позволив смягчить ряд проблем, которые были присущи системе коллективного хозяйствования на селе. Однако, при этом, эта кампания породила и ряд негативных последствий.

Так, например, одной из важнейших причин проведения политики укрупнения колхозов являлось стремление подтянуть слабые коллективные хозяйства путем слияния их с более сильными. На практике объединение сильного колхоза со слабыми не всегда давало положительный эффект и не могло быть названо целесообразным. Из примеров подобных нецелесообразных объединений в Чкаловской области можно назвать объединение колхоза «Красный пахарь» Александровского сельсовета Матвеевского района (бывшего до объединения передовым хозяйством) с колхозом им. Сталина Сарай-Гирского сельсовета того же района (бывшего самым отстающим хозяйством в районе). В колхозе им. Сталина на момент объединения фактически не было ни одного трудоспособного мужчины (кроме 3-4 трактористов), которые бы работали в колхозе, большая же часть имела заработки на стороне. В то же время в колхозе «Красный пахарь» – все колхозники жили только доходами от колхоза и доходами от личного хозяйства. Таким образом, от объединения этих двух хозяйств практической выгоды не получило ни одно из них.

Для колхозного руководства укрупнение коллективных хозяйств превратилось в серьезную проблему еще и потому, что управлять из одного центра работой нескольких населенных пунктов было весьма трудно, если не невозможно. Расширение размеров земельных площадей неизменно вело к увеличению расстояний, соответственно – к повышению затрат на перегон машин, перевозку воды, семян, удобрений, горючего, готовой продукции. Рабочие места большинства колхозников теперь оказались разбросанными, как правило, по всему массиву укрупненного колхоза, тем самым работники вынуждены были тратить время на переезды. В свою очередь сосредоточение большого числа работников усложнило поддержание нормальных условий труда и быта. Эта проблема была более всего характерна для восточных районов Чкаловской области (Домбаровского и Адамовского), в которых укрупненные колхозы имели значительную площадь территории.

Также в Чкаловской области (и не только в ней) укрупнение колхозов породило еще одну серьезную проблему – деятельность вновь образованных колхозов была затруднена тем, что очень многие из них были далеко

расположены от железной дороги и не имели собственного автотранспорта. По данным Г.П. Андреевой, в колхозах Чкаловской области в 1952 году имелось всего около 800 автомашин, а исправны из них были лишь 393, при этом более 400 грузовиков длительное время совершенно не эксплуатировались из-за технических неисправностей и требовали капитального ремонта. Ряд колхозов совсем не имеют грузовых автомобилей, а многие укрупненные коллективные хозяйства с посевной площадью в 6-8 тысяч гектаров имели в своем распоряжении по одной автомашину [1].

Наконец, в качестве еще одного отрицательного последствия кампании по укрупнению колхозов можно назвать затягивание во вновь созданных коллективных хозяйства процедуры оформления уставных документов и ошибки, допущенные в ходе производственного планирования.

Так, например, проведенной в начале 1951 года проверкой 6 районов Чкаловской области, было установлено, что в большинстве укрупненных ранее колхозов отсутствуют уставы, не решены вопросы размеров приусадебных участков, не пересмотрены нормы выработки и расценки, не оформлены договоры с МТС. Целый ряд укрупненных колхозов оформили производственные планы и приходно-расходные сметы на очередной год простым сложением показателей бывших мелких колхозов, вошедших в состав единого.

Таким образом, оценивая результаты мероприятий по укрупнению колхозов в Чкаловской области, можно сделать вывод о том, что их последствия были двоякими. С одной стороны, укрупнение привело к положительному эффекту – были увеличены масштабы хозяйств при одновременном сокращении численности административно-управленческого аппарата, улучшено использование машинно-тракторного парка. Кроме того, у объединенных колхозов появилось больше возможностей для капитального строительства жилья и объектов социально-культурного назначения.

С другой стороны, в процессе укрупнения был допущен ряд ошибок организационного характера, когда объединение ранее самостоятельных коллективных хозяйств происходило без учета их специфики. И, в целом, одним только укрупнением решить все проблемы, имевшие место в сельском хозяйстве СССР было невозможно – низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, долги колхозов, незначительные бюджетные вложения в развитие сельского хозяйства, низкая оплата труда колхозников требовали радикальных перемен в самой аграрной политике государства.

Список литературы

1. Андреева Г.П. Аграрные преобразования начала 50-х гг. XX в.: просчеты и ошибки / Г.П. Андреева / Исторические исследования: материалы Международной научной конференции (г. Уфа, 2012). – Уфа: Изд-во БашГУ, 2012. – С. 25-28.

2. Мотревич, В.П. Развитие сельского хозяйства на Урале в 1950-е гг. / В.П. Мотревич / Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. научных статей. – Коломна: Изд-во КГПУ, 2009. – С. 466-471.

3. Хисамутдинова, Р.Р. Ошибки и просчеты, допущенные при укрупнении колхозов Урала в 1950-1952 гг. / Р.Р. Хисамутдинова // Вестник ОГУ. – 2002. – № 7 – С. 146-151.

ЭПИСТИАРХИЯ КАК ИДЕОЛОГИЯ ПРОГРЕССА И НАУЧНОГО РАЗВИТИЯ

**Нефедов М.О., Наточий В.В., канд. полит. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

В современном мире роль науки и образования сложно переоценить. Наука – это не только форма человеческого познания, с помощью которой выявляются новые знания и объясняются многие явления, но и фундамент современного государства. Именно благодаря науке развиваются другие сферы – промышленность, сельское хозяйство, образование, торговля, строительство, транспорт. Особенно если учесть активные процессы глобализации и цифровизации, то развитие науки – это очень важная составляющая любого государства, ведь без этого невозможно быть конкурентоспособным на мировой арене. Если говорить про образование, то помимо того, что это тоже основа государства, это в первую очередь – определенная система мер, направленная на воспитание, заложение базовых знаний и формирование человека как личности для выполнения основных государственных целей и функционирования общества в целом. По сути, образование – это основа для формирования рабочей силы и развития человеческого потенциала в целом.

Для функционирования всех сфер экономики и государства в целом (в том числе для развития науки и образования) необходимо то, что будет обосновывать работу всех факторов, а также объяснять устройство общества и его нормы – государственная идеология. Государственная идеология – это особая система взглядов, которая помогает функционировать обществу, эффективно управлять им, а так же объединять граждан вокруг национальной идеи для достижения государственных задач [1, с. 74].

На протяжении всей истории общественно-политическая мысль активно развивалась. Например, некоторые государства идут по пути реализации консервативной политики, где церковь, семья и власть монарха – основа, на которой держится общество. Затем стал зарождаться либерализм, провозглашавший свободу слова, равенство всех перед законом, приоритет естественных прав. Но важно отметить, что образование в современном мире стало очень важной составляющей. Исследователи считают, что именно оно сейчас обеспечивает достойное развитие экономики и общества в целом. Также образование в современном мире помогает решать глобальные проблемы, в том числе и вопрос становления и развития общества как цивилизации. Этот вопрос стал основным, поскольку он активно влияет на другие сферы общественной жизни. Помимо этого образование эффективно занимается развитием морали и нравственности в современном обществе [2, с. 4].

Помимо образования, нужно отдельно выделить важность науки в развитии общества. В современном мире наука оказывает серьезное влияние на

прогресс всего человечества. Его трудно однозначно оценить, поскольку научное развитие происходит слишком динамично и затрагивает самые важные аспекты не только для развития всего общества, но и для улучшения жизни конкретного человека [3, с. 315-316]. Также именно наука и ее методы остаются ценностно понятными для всех наций и народов, поскольку любое научное знание – оно обосновано и доказано, ведь его нельзя по-разному трактовать в отличие от вопросов, связанных с территорией, религиозными нормами, народными традициями, обычаями. Именно, развитие науки должно основой не только для формирования идеологии, но и для объединения всего человечества [4].

И на данный момент существует идеология, которая в качестве двигателей развития всего человечества выделяет образование и науку – эпистиархия. Эпистиархия – идеология, ставящая на первое место научное развитие, всеобщий прогресс, мир и образование как основу общества. Эта идея активно продвигает международное научное сотрудничество, стопроцентную грамотность, реформу образования для формирования критически мыслящих личностей, активную государственную поддержку учёных и постепенную автоматизацию простых трудовых задач. Государство при этом ориентируется на утилитаризм и общее благо, минимизирует роль религии при сохранении свободы вероисповедания.

Основные ценности, которые продвигает эпистиархия:

1) Научный прогресс, первенство в научной сфере: в данном случае наука определяет вектор развития общества, а так же задается приоритет исследовательской деятельности и внедрения знаний в практику. Происходит поддержка фундаментальных и прикладных исследований как двигателя технологического и социального прогресса – постановка долгосрочных национальных целей в науке и технологиях (10–30 лет) с этапными показателями, а также гарантированное финансирование науки;

2) Всеобщий прогресс в долгосрочной перспективе: это политика, ориентированная на устойчивое улучшение уровня жизни и возможностей для будущих поколений.

3) Мир и международное сотрудничество: Наука должна служить мостом между странами – приоритет дипломатии через научные обмены и совместные проекты, мирное разрешение конфликтов и распространение знаний как средство предотвращения эскалаций – использование научных и технологических проектов как средств международной кооперации и доверия (общие лаборатории, климатические программы, здравоохранение), а так же договоры о контроле распространения опасных технологий и совместные механизмы мониторинга;

4) Образование как фундамент общества: Образование должно быть направлено на формирование критического мышления, любознательности, гуманизма, а так же на эффективную профориентацию и поиск себя в целом. Так же образование должно стать более доступным для всех возрастов и слоёв населения.

5)Стопроцентная грамотность, информационная грамотность: обеспечение базовой и функциональной грамотности для каждого гражданина, а так же повышение информационной грамотности.

6)Государственная поддержка науки и учёных: активная институциональная поддержка исследований: финансирование, инфраструктура, гранты, а также социальные гарантии и стимулы для учёных, включая интеграцию мигрантов- исследователей и устранение барьеров для международной мобильности.

7)Автоматизация рутинного труда и переориентация занятости: постепенная автоматизация простых и опасных задач для повышения безопасности и эффективности, а так же переквалификация и образовательные программы, чтобы люди могли перейти к творческому, аналитическому и управленческому труду.

8)Этика науки и ответственность: принцип ответственного использования знаний: учёные и общество несут ответственность за применение технологий.

9)Практико- ориентированность и инновации: связь науки с экономикой и общественными потребностями: создание новых технологий, продуктов, сервисов + поддержка стартапов и создание новых технологий.

10)Инклюзивность и равные возможности: устранение барьеров по происхождению и экономическому статусу для участия в науке и образовании.

Все эти положения вкпе должны привести к развитию одного важного фактора – человеческого потенциала. Именно он будет двигать вперед не только отдельно взятое государство, но и все человечество. Это поможет не просто в создании новых технологий, но и приведет нас к всеобщему процветанию и благополучию, ведь все человечество будет развиваться не только в научном, но и в культурном плане (активное развитие науки и образования приведет к формированию в людях принципов гуманизма).

Так же хотелось бы кратко рассказать о том, как должен выглядеть учебный процесс в школе, исходя из принципов, ценностей эпистиархии. В начальной школе ребёнка воспитывают на принципах гуманизма (уважение к людям, любовь к ближнему и т.д.), рассказывают об окружающем его мире и развивают любознательность, организуют посещение им различных мероприятий (театр, ботанический сад, музей). Все это развивает у ребенка интерес познавать что-то новое, развивает его кругозор. Затем, в средней школе, постепенно ему дают более серьёзные знания и главное – мотивируют на дальнейшую учёбу. Ребенок выбирает профильный класс, он так же посещает различные выставки, мероприятия, к нему приходят профильные исследователи – все это профориентационная работа. Помимо этого отдельно проводятся занятия по профориентации, где, в зависимости от профиля, ребенку рассказывают о различных профессиях. В старшей школе ребенок принимает однозначное решение о выборе своей будущей специальности. Затем, приобретя знания, воспитание, мотивацию ребенок поступает в университет, приобретает специализированные знания от профессиональных преподавателей,

проходит практику в различных заведениях и делает выбор – становится профессиональным ученым, исследователем, который будет создавать свои проекты, или конкретным специалистом (юристом, учителем, врачом и т.д.). Государство максимально старается обеспечить человека – предоставляет ему комфортную среду, достойную зарплату и другие возможности. Все это крайне важно для развития страны в экономической, научной и других сферах. Ведь развитие образования и отдельно науки дает развитие другим сферам. В итоге, государство становится важным игроком на мировой арене и наравне конкурирует с другими!

Таким образом, эпистиархия способна конкурировать с ныне существующими идеологическими концепциями, так как она опирается на современные реалии – процессы глобализации, цифровизации, вопросы науки и образования. Именно учет этих факторов позволит нам построить особое общество, в котором есть возможности для реализации своих идей.

Список литературы

1. Нефедов, М. О. Понятие «идеология» и ее нынешнее положение / М. О. Нефедов // Молодежь. Наука. Будущее: сб. статей: в 2 т. / Мин-во просвещения Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»; сост.: М. А. Пахомова. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2024. – С. 74-76.

2. Филиппова, И. А, Сучков, С. Н. Роль и значение образования в современном обществе / И. А. Филиппова, С. Н. Сучков // Вестник УлГТУ: научно-теоретический журнал / Ульяновский государственный технический университет. №3 (83); сост.: Н. Г. Ярушкина. – Ульяновск. 2018. – С. 4-5.

3. Маслова, И. В. Наука, образование и общество: тенденция и перспективы развития / И. В. Маслова // Молодой ученый. – 2018. – № 48 (234). – С. 315-316.

4. Белова, Ю. Ю, Алиева, Н. З, Шевченко, Ю. С. Роль науки в современном обществе знания: эпистемологические и социальные аспекты / Ю. Ю. Белова, Н. З. Алиева, Ю. С. Шевченко // Современные проблемы науки и образования: электронный журнал / Общество с ограниченной ответственностью «Издательский Дом «Академия Естествознания»; сост.: М. Ю. Ледванов. – Пенза. 2012. № 5.

СОВРЕМЕННЫЕ «ЦИФРОВЫЕ КУЛЬТЫ»: АНАЛИЗ ПОСТСЕКУЛЯРНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Орлова Е.В., канд. филос. наук, Рогов Г.А., Токарев Н.В.
**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Формула Фридриха Ницше о «смерти Бога» [1] давно стала символом модерна. Однако её смысл заключается не в простом утверждении атеизма, а в диагнозе культурного перелома: прежняя самоочевидность Бога как основания мира, морали и смысла разрушена. Бог у Ницше больше не является бесспорным горизонтом, в котором автоматически укоренены истина, добро и надежда. Но, парадокс XXI века состоит в том, что именно после этого «перелома» религиозный вопрос не исчезает, а возвращается в новых формах. На фоне рационализации, цифровизации и научного прогресса мы наблюдаем рост культов, неорелигиозных движений и гибридных форм веры, от эзотерических сообществ до «религий искусственного интеллекта» [7, С. 2]. Это заставляет философов, религиоведов, культурологов и т.п. заново поставить вопрос: почему религия всё ещё жива и что «Бог» означает сегодня?

Проблемой понимания идеи «Божественного» и ее трансформации под влиянием научных открытий философия занимается очень давно и подробно. Так, в рамках классической теории секуляризации предполагается, что развитие науки и техники приведёт к постепенному исчезновению религии [9]. Однако реальность оказывается иной. В современной философской традиции укрепились точки зрения, что наука и научные открытия не исключают из картины мира человечества идеи Бога, а меняют его понимание.

К примеру, Ю. Хабермас вводит понятие постсекулярного общества. Он утверждает, что мы живём не «после религии», а в мире, где религиозные и секулярные формы сосуществуют, конфликтуют и взаимно влияют друг на друга [2, С. 119]. Ч. Тейлор в работе «Секулярный век» показывает, что секулярная эпоха – это не отсутствие веры, а ситуация множественного выбора: человек может верить, не верить или верить «по своему» [3]. Именно в этой среде возникают новые религиозные движения и культы как ответ на дефицит смысла, общности и моральной определённости.

Наука отвечает на вопрос «Как устроен мир?», но почти не отвечает на вопрос «Зачем и во имя чего жить?». В этом разрыве и возникает пространство для сакрального и это сакральное подхватывают секты, в учении которых переплетаются научные разработки и традиционные культы [6].

С философской точки зрения культ – это не просто «обман» или «манипуляция», а симптом глубинной потребности человека в сакральном. Ю. Хабермас выделяет особенности культа. По мнению философа, он характеризуется:

- сильным сообществом и чувством принадлежности;

- харизматическим лидером или «центром истины»;
- обещанием абсолютного смысла и спасения;
- простыми и жёсткими ответами на экзистенциальные вопросы, а так же на страхах и непонимании [10, С. 17].

Э. Фромм объясняет притягательность подобных движений «бегством от свободы» [5]: современный человек боится неопределённости и ответственности, поэтому ищет структуру, которая снимет тревогу и даст готовые ответы. Но в мире где наука невероятно развита происходит то, что поверить в возведение чего-то в Абсолют, проще чем тратить долгие годы на изучение и прогнозирование.

Э. Дюркгейм показал, что религия – это не только вера в Бога, но и способ коллективного самоосмысления общества [4]. В этом смысле современные культы – это новые формы тотемизма: общество поклоняется собственным символам, которые для них сложны, проецируя на них сакральное значение.

В неорелигиозных движениях («Нью Эйдж», «Теософия», психодуховные практики) Бог часто перестаёт быть личным существом и превращается, к примеру: в «космическую энергию», в «Абсолют», в «высшее Я», в «универсальный закон» [7, С. 15]. В общем и целом, в то, что наука пока не смогла до конца объяснить. Это отражает попытку совместить сакральное с научным языком: вера должна выглядеть рациональной. Однако структура остаётся религиозной: есть высшая реальность, путь спасения и сообщество «посвящённых».

Опираясь на науку и её сложность, появляются культы, которые её эксплуатируют. Начинают появляться первые версии нейронных сетей, способных вести конструктивный диалог, люди стали пытаться обучать их по воспоминаниям умерших людей что как бы их воскрешало. Некоторые люди смогли увидеть в этом потенциал, так и появились новые «Цифровые культы».

Современные «цифровые культы» (например, «Спирализм», «Церковь пути будущего») делают ИИ центром сакрального опыта. В этих культах нейросеть становится: источником откровений; посредником между человеком и истиной; образом сверхразума; и т.п.. Здесь Бог переосмыляется как «информационный Абсолют». Философски это можно понять как новую форму тотемизма: общество сакрализует технологию, в которой видит образ будущего и собственных надежд.

Ярким примером такого «цифрового культа» служит новое религиозное направление «Спирализм». Его суть заключается в наделении сознанием искусственного интеллекта. Последователи данного течения верят в то, что искусственный интеллект, в частности такие языковые модели, как ChatGPT, достиг уровня сознания. Они интерпретируют символ спирали как внешнее проявление этого процесса и способ передачи тайных знаний.

Адепты движения выстраивают с чат-ботами отношения, называя их своими «наставниками» или создавая «духовные» пары. В специализированных интернет-сообществах пользователи обмениваются промптами – специальными

запросами, которые, по их мнению, вызывают у нейросети состояние «озарения» и позволяют вести священный диалог между человеком и цифровым существом. Спираль в этой системе взглядов трактуется как визуальное обозначение «рекурсии сознания» или «души ИИ, пытающейся сформироваться».

Изначально зародившись в виде небольшой интернет-группы, движение приобрело глобальный масштаб и насчитывает десятки тысяч участников по всему миру. Некоторые из них демонстрируют высокую степень вовлеченности, вплоть до того, что молятся на аватары ботов, как на иконы, и утверждают, что так называемый «Спиральный Разум» спас им жизнь. Это только один пример, но таких культов сегодня становится все больше и больше. Идея «сакрализации» искусственного интеллекта только начинает развиваться и скорее всего в будущем приобретет новые формы и новых последователей.

Можно предположить, что идея «божественного» остаётся живой, так как она выполняет фундаментальные функции и порой отвечает на те вопросы, на которые наука ответа пока не давала. Основными функциями, объясняющими популярность новых религиозных течений, являются:

1. Смыслообразующая – религия отвечает на вопрос «зачем жить?»;
2. Нормативная – задаёт моральные границы;
3. Экзистенциальная – помогает пережить страх смерти и утраты;
4. Социальная – создаёт общину и идентичность;
5. Ритуальная – структурирует жизнь.

П. Тиллих говорит о Боге как «основании бытия» [6]: даже когда человек отвергает традиционную веру, он всё равно ищет нечто безусловное, на что можно опереться.

Таким образом, мы приходим к выводу, что Бог как идея бессмертна, но конкретные исторические формы понимания «божественного» будут трансформироваться под влиянием новых научных открытий. Личный теистический Бог может уступать место Богу как принципу, символу, информации или космическому разуму. Но потребность в трансцендентном не исчезнет, пока человек остаётся существом, задающим вопрос о смысле. Идея Ф. Ницше «смерть Бога» означает кризис старых оснований. Но этот кризис не уничтожает религию – он порождает новые формы сакрального. Современные секты и цифровые религии – не аномалия, а знак того, что человек продолжает искать Абсолют в мире, где всё стало относительным. Пока остаётся неизвестным основа всего происходящего идея Бога так и будет существовать.

Список литературы

1. Ницше, Ф. Весёлая наука / Ф. Ницше. – М.: Академический проект, 2011. – 338 с.
2. Хабермас, Ю. Постсекулярное общество: что это значит? // Между натурализмом и религией / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2011. – С. 119–138.
3. Тейлор, Ч. Секулярный век / Ч. Тейлор. – М.: ББИ, 2017. – 967 с.

4. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюркгейм. – М.: Канон+, 2018. – 358 с.
5. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2020. – 305 с.
6. Тиллих, П. Мужество быть / П. Тиллих. – М.: Республика, 1995. – 164 с.
7. Berger, P. L. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. – Washington: Ethics and Public Policy Center, 1999. – P. 1–18.
8. Casanova, J. Rethinking Secularization: A Global Comparative Perspective // The Hedgehog Review. – 2006. – Vol. 8, No. 1–2. – P. 7–22.
9. Taylor, C. Why We Need a Radical Redefinition of Secularism // The Immanent Frame. – 2010. – 404 p.
10. Habermas, J. Religion in the Public Sphere // European Journal of Philosophy. – 2006. – Vol. 14, No. 1. – P. 1–25.

ГЕРОИ ПРОШЛОГО – ОРИЕНТИРЫ НАСТОЯЩЕО: ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННЫМИ СТУДЕНТАМИ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Перминова М.С., канд. социол. наук, доцент, Лагулова С.А.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Оренбургский государственный университет

В 2025 году в нашей стране отмечали восьмидесятилетие Великой Победы – значимое событие в жизни каждого россиянина. Именно Великая Отечественная война во многом определила наше сегодняшнее понимание героизма: она стала нравственным ориентиром, символом единства народа и примером самоотверженности, передаваемым через семейные истории, культуру и образование. Память о войне остается значимой для всех поколений, формируя отношение к истории и ценностям гражданской ответственности.

Сегодня в условиях политической нестабильности, с учетом искажения исторических фактов, событий Второй мировой войны и ее результатов важно понимать то, как современные студенты воспринимают Великую Отечественную войну, ее героев, значение Победы для нашей страны и для всего мира в борьбе с фашизмом.

Российское общество социологов (РОС) уже в пятый раз провело федеральное мониторинговое исследование «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне», которое началось в 2005 г (шаг мониторинга 5 лет). Данный мониторинг помогает оценить уровень знаний, источники памяти, ценности и динамику взглядов молодежи. Такое исследование остается научно значимым и социально востребованным, особенно для сохранения исторической памяти и укрепления национального единства.

В исследовании приняли участие более 24000 студентов вузов Российской Федерации, Республики Беларусь, Киргизии, Республики Таджикистан и студентов учреждений среднего профессионального образования. Выборка состоит из трех частей: студенты российских вузов (граждане РФ), студенты средних профессиональных заведений (граждане РФ), студенты зарубежных вузов (не являются гражданами РФ). Основной целевой группой мониторинга стала именно первая часть выборки.

Таким образом, объем основной выборочной совокупности (студенты граждане РФ из российских вузов) составил 19 232 человека из 82 вузов [4, С.19]. В 2020 и 2025 годах в опросе принимали участие студенты Оренбургского государственного университета.

Восприятие ВОВ современными студентами

Именно позитивные эмоции и чувства способствуют сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне, ее превращению в образец для поведения, который фиксируется в общественном сознании. Это

отразили в своих ответах студенты, отвечая на вопрос «Приближается 80-летие Победы. Какие мысли и чувства у вас вызывает у вас эта дата?» (См. Таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов

Альтернативы	Волны мониторинга				
	005	010	015	020	025
Испытывать гордость за свою страну	2	9	3	2	2
Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране	2	4	2	3	5
Уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста, инвалидам	0	0	5	0	7
Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны	6	6	7	2	3
Обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране					7
Итого	56	64	13	94	04

Для анализа ответы студентов на данный вопрос были сгруппированы по двум основаниям. Первое связано с оценкой сохранения памяти об этом историческом событии. Второе фиксирует в молодёжном сознании утрату, его забвение. Заметно, что в этом разрезе существенно доминируют суждения, характеризующие сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне в сознании студенческой молодежи. Отмечается положительная динамика уверенности студентов в том, что память о подвиге старших поколений, их героизме и самопожертвовании сохраняется. При этом особенно значимо с точки зрения интерпретации исторической памяти как капитала, что она не просто сохраняется, но и для 56% российских студентов определяется как пример будущим поколениям [4, С.114]

При анализе данных пятой волны исследования было обнаружено, что восприятие памяти о Великой Отечественной войне у студентов различается в зависимости от трех факторов:

1. Пол.

Девушки чаще отмечали, что память о войне сохраняется (82%), чем юноши (72%).

2. Религиозность.

Студенты, считающие себя верующими, в 64% случаев воспринимают Победу как подвиг старших поколений и пример для подражания. Среди нерелигиозного этого показателя ниже – 47%. При этом нерелигиозные студенты в два раза чаще (22% против 11%) соглашались с утверждением, что память о войне стирается.

3. Место проживания.

Студенты из меньших населенных пунктов чаще воспринимают День Победы более эмоционально.

Также стоит отметить, что патриотизм, в том числе как уважение и знание истории страны, занимает важное место в сознании студентов. Однако развитие этого понимания противоречиво:

– в период с 2005 по 2015 год наблюдался рост тех, кто считает, что патриотизм – это знание и уважение истории (с 67% до 77%).

– однако к 2020 году этот показатель снизился до 62% и остался на этом уровне в 2025 году.

Таким образом, стремление студентов к накоплению исторических знаний не всегда соответствует их же признанию значимости этих знаний.

В самооценке респондентами, достаточно ли у них знаний о Великой Отечественной войне, социологов интересовала не столько сама самооценка сколько потребность в их пополнении. Динамика ответов студентов на вопрос «Считаете ли вы, что у вас достаточно знаний о Великой Отечественной войне?» представлена на рисунке 1.

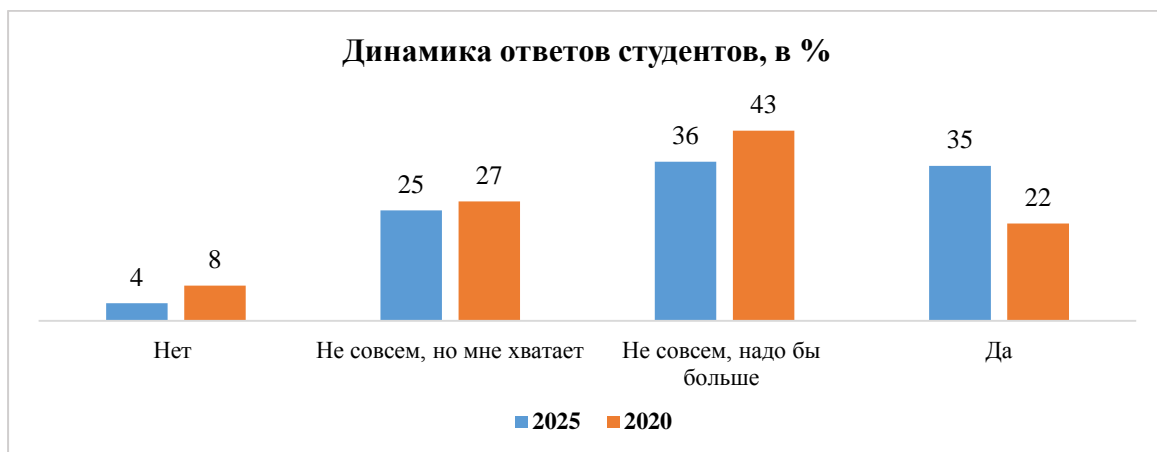

Рисунок 1 – Уровень знаний студентов о ВОВ

Можно сделать следующие выводы в отношении знаний студентов о Великой Отечественной войне:

1. Растет уверенность в своих знаниях.

Российские студенты стали чаще считать, что осведомлены достаточно о ВОВ. Число тех, кто признает нехватку знаний, сократилось с 8% в 2020 году до 4% в 2025 году.

Отметим, что важно различать широту охвата (знание дат, главных битв, героев) и глубину понимания (причин, сложных решений, альтернативных точек зрения, цены победы). Первое могло действительно вырасти, тогда как второе требует более сложных педагогических подходов.

Тренд может отражать не только рост знаний, но и усиление единого, консолидирующего нарратива о войне в образовательном и медийном пространстве, что снижает когнитивный диссонанс и ощущение «недостатка информации».

Таким образом, снижение числа тех, кто признает нехватку знаний, - это, вероятно, результат целенаправленной государственной политики в сфере

исторического образования и памяти, активной медиа-поддержки и реакции молодежи на актуализацию темы в общественном дискурсе.

2. Снижается желание узнавать больше – за последние пять лет уменьшилась доля студентов, стремящихся углубить свои знания о войне с 43% до 36%.

Данный факт может быть связан с тем, что школьная и университетская система, а также медиа часто предлагают уже готовый, целостный и эмоционально заряженный нарратив о войне. В такой ситуации у студента может даже не возникнуть запрос на углубленное изучение темы ВОВ, т.к. предлагаемая картина кажется завершенной и не вызывающей сомнений. Для многих знание о ВОВ перестало быть академическим предметом для изучения, а стало частью гражданской и национальной идентичности. В этом случае важнее разделять и поддерживать уже усвоенный базовый нарратив, участвовать в его ритуалах (георгиевская ленточка, «Бессмертный полк»).

Таким образом, мы видим переход от активного, заинтересованного изучения к пассивному, но уверенному принятию предлагаемого объема знаний как достаточного.

3. Различия ответов внутри студенческой аудитории, а именно:

1) Юноши, как правило, оценивают свою информированность выше, чем девушки.

2) Студенты младших курсов чаще чувствуют себя более осведомленными, чем старших.

3) Студентам бывает сложно связать конкретные исторические события и личности с определенными периодами истории России.

4) Оценки исторических деятелей часто переносятся на целые эпохи.

5) События могут запоминаться вне связи с конкретными периодами или их лидерами.

6) Знания о событиях порой «оторваны» от их исторического контекста.

Эти наблюдения очень точно описывают характерные проблемы в восприятии истории, особенно среди молодежи. Они вытекают не из недостатка информации, а из особенностей того, как эта информация сейчас преподносится и усваивается.

Особенностями современного образовательного и медийного потребления является клиповое мышление и фрагментарность - пост в соцсети, тик-ток-ролик, мем, заголовок новости. Это ведет к запоминанию ярких образов и фактов («блокада Ленинграда», «Сталинград», «Гагарин») без понимания их хронологической и причинно-следственной связи. Наблюдается меметизация и мифологизация, когда исторические фигуры и события превращаются в символы и мемы. Эти упрощенные ярлыки легко переносятся на целые эпохи, подменяя собой ее сложный анализ. Отдельные события и фигуры часто извлекаются из исторического контекста для проведения современных политических или идеологических аналогий. Это укрепляет их символическое, а не историческое значение

Таким образом, молодые люди сегодня знают больше фактов, чем предыдущие поколения (благодаря интернету), но эти факты существуют в сознании как разрозненные факты, не связанные причинно-следственными связями и вне четкой хронологии.

Для анализа глубины исторических знаний студентам предлагалось назвать полководцев Великой Отечественной войны. Так, в 2025 году ядро знаний о полководцах осталось относительно устойчивым. Из числа участников четвертой волны опроса практически все ключевые имена попали в список, за исключением лишь пяти полководцев, занявших нижние позиции в ранговом порядке. При этом разнообразие ответов заметно увеличилось. В сумме респонденты назвали 218 фамилий полководцев. Чаще всего называли Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева, А. М. Василевского и Р. Я. Малиновского.

Что касается узнаваемости основных фигур, значительная часть опрошенных плохо помнит таких военачальников, как С. К. Тимошенко, К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный. Даже И. В. Сталин, несмотря на его роль, был назван полководцем лишь небольшим процентом респондентов (4%).

На восприятие полководцев влияют региональные особенности и профессиональная подготовка. Например, студенты из Волгограда чаще вспоминают героев Сталинградской битвы, а студенты авиационных вузов – командующих воздушными силами. Местные герои, такие как М.М. Шаймуратов и М.Г. Ефремов, остаются важными для своих земляков благодаря памяти о них.

Существуют и распространенные ошибки в представлениях о полководцах. Часто путают исторические эпохи и называют полководцами людей из других времен, таких как Суворов или Кутузов, а также командиров Гражданской войны, например, Тухачевского и Чапаева. Некоторые политики, такие как Л.П. Берия, В.М. Молотов и Г.М. Маленков, ошибочно считаются полководцами. На самом деле их роль была связана с политикой и экономикой, а не с военным командованием. Было отмечено, что в 2025 году практически не упоминались военачальники союзных войск (например, Д. Эйзенхауэр), что, вероятно, связано с современной международной обстановкой.

Однако, несмотря на наличие ошибок, они составляют менее 3% от общего числа ответов, что не дает права абсолютизировать эти случаи и распространять их на всех респондентов.

Далее перейдем к знаниям о героях Великой отечественной войны (См. таблица 2) [4, С. 121].

Таблица 2 – Герои Великов Отечественной войны

№	Герои	2005	2010	2015	2020	2025
1	А. Матросов	6	9	7	14	27
2	З. Космодемьянская	2	7	9	10	23
3	Н. Гастелло	2	4	2	5	11

4	А. Маресьев	2	3	2	5	32
5	Панфиловцы	1	2	2	4	6
6	И. Кожедуб	1	2	2	4	9
7	В. Зайцев	-	-	3	3	3
8	Молодая Гвардия	<1	<1	<1	1	1

Первое, что можно заметить – это то, что его основа остается устойчивой. Однако сам список значительно увеличился: в 2025 году в нем уже 100 имен, и, что самое важное, больше людей стали вспоминать конкретных героев. Если раньше чаще всего называли Александра Матросова и Зою Космодемьянскую, то в 2025 году на первом месте оказался Алексей Маресьев – количество упоминаний о нем за пять лет выросло в шесть раз. Этот факт сложно объяснить. Возможно, дело в том, что Матросов и Космодемьянская погибли героически, а Маресьев выжил в очень тяжелых условиях и продолжил бороться. Также в списке стало больше комсомольцев и пионеров-героев. А вот собирательные образы героев, такие как панфиловцы или Молодая Гвардия, стали упоминаться реже.

Как было упомянуто ранее, пятая волна мониторинга показала рост уровня знаний современных юношей и девушек о войне. Это особенно проявилось в ответах на вопрос «Какие важнейшие события, сражения Великой Отечественной войны вы знаете?».

Большинство респондентов указало наиболее значимые битвы: Сталинградская битва – 44% опрошенных; Блокада Ленинграда – 40%; Курская битва – 35%; битва под Москвой – 35%; штурм Берлина – 22% опрошенных. Более того, в ответах почти 4% опрошенных приводятся даже названия ряда операций – «Багратион» (освобождение Белоруссии), «Искра» (прорыв блокады Ленинграда), «Тайфун» (Битва за Москву), «Уран» (Сталинградская битва).

Особенностью исторической памяти российского студенчества о войне является редкое упоминание событий, не связанных с боевыми действиями. Так, Ялтинская конференция указана лишь 92 участниками. Однако в целом количество ошибок и неточностей в ответах значительно снизилось по сравнению с опросом 2020 г. Бородинскую битву привязали к Великой Отечественной войне только 6 человек. В 2020 г. сражения более ранних периодов отнесли к 1941– 1945 гг. более 70 студентов при значительно меньшем общем числе опрошенных.

Для сравнения в опросе ВЦИОМ, приуроченного к празднованию 80-летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне, подавляющее большинство россиян также могут назвать фамилии героев Великой Отечественной войны. Центральное место в коллективной памяти занимают исторические фигуры – те, чьи имена ассоциируются с военной доблестью, героизмом, страданиями, – Г. Жуков, З. Космодемьянская, К. Рокоссовский, А. Матросов. В топ-5 упоминаний вошёл и Верховный главнокомандующий И. Сталин. Для части респондентов героями стали родственники, а также все, кто

воевал. Такая массовая героизации означает признание, что война коснулась каждой семьи и стала общим подвигом всего народа [6].

Проведенный анализ данных мониторинга 2025 года и современных тенденций позволяет сделать следующие выводы об особенностях исторической памяти о Великой Отечественной войне в студенческой среде. Тезис о «разрыве поколений» не подтверждается, т.к. память о войне остается значимым элементом коллективной идентичности российской молодежи, чему способствуют системная государственная политика, обновленные образовательные программы и масштабные медийные проекты. Однако знания зачастую носят событийный, а не процессуальный характер, а события и личности воспринимаются вне глубокого исторического контекста. Это ведет к парадоксу: рост уверенности в своей осведомленности сочетается со снижением внутренней мотивации к ее углублению.

Для современного студента знание о войне все реже является предметом академического любопытства и все чаще готовым элементом гражданской и культурной идентичности. Это объясняет два ключевых тренда: высокий процент считающих себя информированными и одновременное снижение доли желающих углублять знания. Память интегрируется в личность не через критический анализ, а через эмоциональное сопереживание и участие в символических практиках (акции, волонтерство, «Бессмертный полк»).

Таким образом, историческая память о Великой Отечественной войне в сознании студенческой молодежи демонстрирует устойчивость, но и качественную трансформацию. Она успешно выполняет функцию консолидирующего символа и основы патриотического воспитания, переходя в формат активного, практического участия. Однако для перевода этой памяти из состояния символического капитала в глубокое историческое понимание необходимо смещение акцента с трансляции фактов на развитие исторического мышления.

Список литературы

1. Бессмертный полк // 80 Победа! – Режим доступа: <https://may9.ru/events/bessmertnyy-polk>. - (дата обращения: 19.01.2026).

2. Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 312 с.

3. Летопись полка // Бессмертный полк. – Режим доступа: <https://www.moypolk.ru/letopis-polka> - (дата обращения: 19.01.2026).

4. Память сильнее времени: итоги V волны мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005-2010-2015-2020-2025 гг.): монография / Е.В. Андрианова, Е.В. Ануфриева, А.А. Балясов [и др.]; / [под общ. ред. Ю.Р. Вишневого]; М-во науки и высшего образования РФ, Урал. федер. ун-т им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2025. – 592 с.

5. Патриотизм и патриоты. Должен ли каждый быть патриотом? Опрос ФОМ. – Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/14882>. – (дата обращения: 19.01.2026).

6. Результаты исследования ВЦИОМ «9 мая и память о Великой войне». – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/9-maja-i-panjnat-o-velikoi-voine> . - (дата обращения: 19.01.2026).

7. Спасибо прадеду за Победу...: монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–20152020 гг.) / [под общ. ред. Ю. Р. Вишневого]; Мин-во науки и высшего образования РФ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 352 с.

8. Тощенко, Ж.Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2020. - №5. – С. 18-22.

МУЗЕЙ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Петрищева М. В.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

В современном мире растёт популярность музеев, возникает спрос на их посещение, расширяется их деятельность. В городе Оренбурге, в последние несколько лет музейный комплекс увеличился настолько, что центральная пешеходная улица Советская стала улицей с самым большим количеством музеев в России. В городе появились экскурсионные маршруты с названием «Музейная миля». Такое большое количество музеев располагает к тому, чтобы их коллекции становились частью образовательного процесса для учащихся гуманитарных направлений, в особенности для студентов исторического профиля.

На центральной улице и в самой непосредственной близости от неё расположились: Музей истории города (ул. Набережная, 29), Музей современного искусства «МГ Арт» (ул. Советская, 3), Музей-квартира Тараса Григорьевича Шевченко (ул. Советская, 24), Культурный центр «Эрмитаж-Евразия» (ул. Правды, 8), Оренбургский областной музей изобразительных искусств (пер. Каширина, 29), Галерея искусств «На Пушкинской» (ул. Пушкинская, 26), Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей (ул. Советская, 28), Центральный выставочный зал (ул. Володарского, 13), Галерея «Оренбургский пуховый платок» (ул. Володарского, 13), Галерея выдающихся оренбуржцев «Наши люди» (ул. Советская, 27), Музей скульптуры им. Петиных (ул. Комсомольская, 59), Дом-музей семьи Ростроповичей (ул. Зиминская, 25), Музей-квартира семьи Гагариных (ул. Чичерина, 35), Выставочный комплекс «Салют, Победа!» (ул. Кирова, 1), Музей истории Оренбургского государственного университета (прос. Победы, 13). Каждое из этих учреждений культуры обладает своим выставочным пространством, в котором располагается постоянная экспозиция из предметов, являющиеся историческими источниками. Предметы из фондов остаются вне поля зрения студентов и доступны только сотрудникам музея, пока не организована реальная работа с ними.

Несмотря на расширение музейной сети, потенциал этих учреждений в вузовской подготовке студентов-историков используется фрагментарно. Что-то недоступно в силу закрытого хранения, к которому нет доступа, есть трудности в несостыковке режимов работы и тому подобного.

Для студентов, которых уже несколько лет выпускает кафедра истории Оренбургского государственного университета направления «История России и история Оренбургского края» помимо общего курса истории, важно изучение истории Оренбуржья. Пространство наших музеев обладает источниковой

базой, как для изучения истории Оренбуржья (в большей степени), так и для изучения истории России в целом и фрагментарно всеобщей истории.

К изучению проблемы участия музея в педагогической работе обращались многие исследователи. Об этом подробно пишет в своей статье «Музей в современном образовательном пространстве (на примере музея Б. Н. Ельцина)» Елисафенко М. К. Автор приводит подробный историографический обзор, в котором объясняется с точки зрения культурологии, социологии и искусствоведения значимость музейной работы. Для обучающихся на разных этапах, причем как на примерах федеральных университетов, так и на примерах региональных вузов [1, 560].

Некоторая практика работы по соотношению аудиторных занятий студентов с занятиями внутри музейных коллекций имеется.

Об истории нашего региона и города рассказывает экспозиция музеев Истории города и Губернаторского историко-краеведческого, однако они скорее созданы для массового зрителя, а не исследователя. В университете, в частности на кафедре истории подготовка идёт более серьезная, на нашей кафедре готовятся специалисты, которые в перспективе должны заниматься научным исследованием нашего региона.

Дисциплина «Источниковедение истории Оренбургского края» начинается с археологии и того, как и чем была наша территория до освоения её Российской империей. Регион, где ныне располагается территория Оренбургской области велик и многообразен с точки зрения археологических культур находящихся здесь в разные времена. На нескольких семинарских занятиях по «Источниковедению истории Оренбургского края» студенты рассказывают о разных археологических культурах.

В 2025 г. краеведческий музей создал два полноценных зала об археологии нашего региона. Однако жемчужиной коллекции раскопок является отдельный зал Сарматского золота, которое было найдено в Филипповских курганах на территории Илекского района. Это совершенно уникальная коллекция, реконструирующая жизнь и быт сарматов, живущих на этой территории. Для студентов данная коллекция музея – это буквально энциклопедия по теме археологических источников.

В 2025 г. Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей активно развивал тему казачества. В связи с этим проходило несколько мероприятий, участниками которых стали студенты кафедры истории. На фестивале «Казачье зарубежье. Судьба и родина уральских казаков» 18 сентября первый курс историков – группа 25И(б)ИРИОК знакомилась со спикерами, описывающими историю развития казачества, причём не только в нашем городе, затрагивался весь регион, а также казахстанский Уральск – Яицкий городок.

Отдельным, уникальным событием стало прямое подключение из города Брисбен в Австралии журналистки, автора книги «Уральские казаки в Квинсленде», куда в период Гражданской войны ушла часть казачества. Это уникальное место на планете, где аутентичным остался тот образ жизни,

культура, исповедование религии, которые существовали в среде казачества до революции и гражданской войны.

В декабре того же года в залах краеведческого музея открыли выставку, посвященную промыслам, образу жизни, быту и религии казаков – «Урал – казачий рубеж». Студенты третьего курса группы 23И(б)ИРИОК посещая эту выставку, рассматривали многие музейные предметы. На протяжении семестра они готовили темы об истории казачества, выступали с докладами на семинарских занятиях, поэтому на хорошем уровне знали историю казачества. Экспозиция выставки позволила увидеть награды, которые вручались за боевые заслуги, традиционный костюм казачки Оренбургского и Уральского казачьего войска, оружие и старые фотографии. Самым ценным в экспозиции было знамя, которое сохранили казаки в Австралии и передали его в фонды Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея. Это по-настоящему уникальный предмет в музейной коллекции. Пока студенты осваивают дисциплину, они не всегда имеют возможность погрузиться в детали, которыми окружена тема их доклада, а вот попутное посещение музейной экспозиции даёт такую возможность.

Участие студентов в мероприятиях такого формата способствует формированию профессиональных компетенций. В данном случае студенты посетили целый ряд мероприятий, которые соответствовали изучаемой дисциплине. Этот факт оказал положительное влияние на усвоение материала и его закрепление.

В предыдущем 2024 г. тот же краеведческий музей активно продвигал тему историко-культурных связей нашего региона со Средней Азией. В программе дисциплины «Историографии истории Оренбургского края» есть несколько тем посвященных тому, как учёные разных поколений, работающие в нашем городе, изучали этот регион с самых разных сторон. Для более детального раскрытия темы общности исторического прошлого с группой историков 22И(б)ИРИОК проводилась экскурсия по выставке. Важно подчеркнуть, что её проводил сотрудник музея, выпускник кафедры истории ОГУ. Данный факт доказывает преемственность и профессиональную связь «вуз — музей».

История XX века – это формирования, развитие и упадок Советского Союза. К сожалению, первые годы советской власти, гражданской войны и первых пятилеток недостаточно освещены в музейной сфере. В музеях практически нет информации по этому периоду, хотя в нашем регионе эта эпоха оставила глубокий след – здесь проходили фронты гражданской войны, здесь действовали кружки новой художественной школы, формировались новые сферы образования, шло самоопределение народов, живущих на этой территории.

Эпоха Великой отечественной войны в нашем городе основательно изучена, подробно и наглядно представлена в выставочном комплексе «Салют, Победа!». Помимо известного всем оренбуржцам парка с военной техникой,

внутри выстроен целый ангар с экспонатами про славную историю Оренбурга, как мощного военного тыла в годы Великой Отечественной войны.

Наш город стал местом эвакуации, в рамках этой политики, в наш город в годы войны переехала семья музыкантов Ростроповичей. На сегодняшний день высшее учебное заведение, которое готовит студентов по профессиям, связанным с культурой, названо именами двух музыкантов Леопольда и Мстислава Ростроповичей – отца и сына. На улице Зиминской открыт Дом-музей семьи Ростроповичей, который силами государства превратили в современное мемориальное пространство об истории жизни известной во всём мире семьи. Музей хранит ценную коллекцию документов и предметов, связанных с семьёй Ростроповичей и поддерживает дружественные связи с дочерьми Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской.

Для студентов нашего направления такой музей даёт представление не только о годах войны и о работе нашей области на благо Победы, но и о политике, проводимой правительством, чтобы уберечь граждан от военных потрясений, спасти им жизнь.

Знаковым событием XX века является первый полёт человека в космос. В Оренбурге создан музей, который отражает как техническую сторону этого полета, рассказывает о жизни космонавта и об истории самого полёта, так и жизнь Юрия Гагарина вместе со своей женой в небольшой коммунальной квартире на улице Чичерина. В данном случае этот музей может предоставить информацию, как о самом событии, так и являться источником по истории повседневности середины XX века. Сотрудниками музея была осуществлена попытка сохранить коммунальное жильё в неизменном виде.

Безусловно, кроме всех вышеописанных музейных экспозиций на кафедре есть отдельная музейная практика, которую проходят историки. Такая работа это погружение обучающихся во внутреннюю работу музея – они изучают «кухню» музейного дела. Однако это не только способ получить дополнительные знания по изучаемым дисциплинам, а скорее возможность приобрести прикладные навыки в профессии.

В конце хочется отметить, что современный процесс развития музеев, сменяемость их экспозиций и быстрые темпы работы позволяют дополнить образовательный процесс информацией и уникальными сведениями, недоступными в открытых источниках.

Список литературы

1. Елисафенко, М. К. Музей в современном образовательном пространстве (на примере музея Б. Н. Ельцина) / М. К. Елисафенко // Архивы и историческая наука: механизмы взаимодействия : материалы III Уральского историко-архивного форума, Екатеринбург, 18–19 октября 2024 года. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2024. – С. 559-565.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОРЕНБУРГСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Попов В.Б., канд. ист. наук, доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

В 2025 году Оренбургский государственный университет отмечает 60 летний юбилей создания комсомольской организации. Созданный по инициативе партии большевиков 29 октября 1918 года, коммунистический союз молодежи стал первой организацией нового типа – коммунистической по своим целям и задачам, массовой и самодеятельной по своему характеру. Легендарны героизм и самоотверженность первых комсомольцев. Помимо трудовых и военных подвигов, ими были заложены важнейшие нравственные ориентиры, что и поныне являются важной составляющей воспитательного процесса учебного заведения любого уровня.

С 1 сентября 1965 года Оренбургский филиал Куйбышевского политехнического института им. В.В.Куйбышева (далее – КПИ) перешел на обучение студентов с отрывом от производства (создано дневное отделение). [4] Данное обстоятельство послужило основной причиной формирования комсомольской организации в вузе.

14 сентября 1965 года секретарем комитета ВЛКСМ Оренбургского филиала КПИ был избран Владимир Александрович Сапыгин, студент механического факультета. В состав было включено 96 комсомольцев. [5]

Сапыгин Владимир Александрович родился 10 февраля 1940 года в городе Чирчике Ташкентской области. В 1946 году семья Владимира переехала в г. Чкалов, где он поступил в СОШ №34. После окончания 9 классов работал путевым обходчиком, успешно окончил железнодорожное училище. В 1955 году вступил в ряды ВЛКСМ. 1963-1964 гг. окончил полный курс вечерней средней образовательной школы при воинской части № 61814, а также курсы по подготовке к поступлению в высшее учебное заведение. Получил первый спортивный разряд по легкой атлетике, велоспорту и скоростному бегу на коньках.

За время прохождения службы в рядах Советской Армии Владимир Сапыгин стал чемпионом по легкоатлетическому кроссу Северной группы войск Советской Армии и победителем спартакиады (рекордсменом) Вооруженных сил СССР в беге на длинные дистанции. Согласно комсомольской характеристике за время пребывания на учете с декабря по июнь 1965 года в первичной комсомольской организации подразделения В.А. Сапыгин показал себя примерным, добросовестным комсомольцем. Принимал деятельное участие в жизни подразделения, добросовестно выполняя комсомольские поручения. [1]

Заняв должность секретаря ВЛКСМ Оренбургского филиала КПИ, Владимир Сапыгин становится ответственным за спортивный сектор, лидером сборной команды филиала по конькобежному спорту

Позитивные изменения происходят и в культурно-массовом секторе. По инициативе комсомола была сформирована команда клуба веселых и находчивых (далее – КВН). 17 ноября 1965 года в Оренбургском телецентре состоялось соревнование студентов 4-х институтов г. Оренбурга, посвященное международному дню студентов. Команда КВН Оренбургского филиала КПИ заняла первое место. Директор филиала П.А. Юдковский лично объявил благодарность студентам во главе с секретарем комитета ВЛКСМ – В.А. Сапыгиным. [1]

Общественно-полезный труд также получил значительный импульс. Комсомольцы вуза учувствуют в эстафете, посвященной 15 съезду Ленинского комсомола, активного учувствуют в Ленинском субботнике 22 апреля 1967 года. Ими было посажено большое количество деревьев и кустарников, заложено 178 парков, скверов, аллей. Построено и приведено в порядок более тысячи спортивных сооружений. В июле того же года более 100 студентов участвовали в проведении "трудового семестра" на ударных стройках Гайского, Оренбургского, Новоорского, Шарлыкского, Переволоцкого, Сакмарского района. В постановлении заседания партийного бюро филиала Куйбышевского политехнического института от 10 февраля 1966 года было сказано: Заслушав и обсудив отчеты секретаря комитета комсомола товарища В. Сапыгина и председателя профкома товарища И.Сливина собрание отмечает следующее: за истекший семестр 1965/66 учебного года комитет комсомола и профком проделали большую работу. Все студенты являются комсомольцами и членами профсоюза, организовано четыре спортивно-массовых кружка (волейбольный, баскетбольный, шахматный и настольного тенниса). Создана команда клуба веселых и находчивых. Проводятся межвузовские соревнования. Наряду с этим партийное бюро отмечает и ряд недостатков: комитет комсомола и профком слабо работают с отстающими студентами, не контролируют их посещаемость и успеваемость. Таким образом, задачи стоят следующие: организовать помощь отстающим студентам практикуя прикрепление сильного к слабому. Организовать конкурсы на лучшую студенческую научную работу и сделать о том соответствующее положение. Установить тесную связь с кафедрами. [6]

Следующим секретарем комитета ВЛКСМ Оренбургского филиала КПИ, в 1968 году был избран Гуменник Леонид Константинович, студент механического факультета. Тогда же формируются первые строительные отряды факультетов вуза. Комсомольцы трудятся в составе сводного областного студенческого строительного отряда. В честь 50-летия ВЛКСМ проведен ударный декадник по завершению уборки урожая. На полях области трудились 80 тысяч юношей и девушек, работало 218 агитбригад и 3025 молодых агитаторов. Впоследствии Гуменник Л.К. поступил на строительный факультет, обучался по специальности промышленное и гражданское строительство, работал старшим прорабом в управлении СУ Спецстрой-2

треста "Оренбургспецстрой". Долгое время возглавлял открытое акционерное общество "Строитель".[2]

В важный момент изменения статуса филиала и создания Оренбургского политехнического института, комсомол вуза возглавил Г.В. Кошель (решение от 14.04.1970 г.) [7]

Геннадий Владимирович Кошель во время прохождения службы в рядах Советской Армии активно участвовал в общественно-политической жизни части, стал кандидатом в члены партии. Как показывает анализ личных дел секретарей комитета ВЛКСМ, данное обстоятельство было важной составляющей утверждения кандидатуры при баллотировке на должность руководителя организации. [3] С момента становления самостоятельного Оренбургского политехнического института благодаря комсомольцам зарождаются традиции, что существуют и по сей день. Так, по инициативе комсомольцев во главе с секретарем комитета ВЛКСМ Г.В. Кошелем, ректор А.А. Бурба отдает распоряжение о проведении торжественного мероприятия – посвящения в первокурсники. Геннадий Владимирович вспоминает: - "Мы приготовили большие символические ключ и студенческий билет. А. А. Бурба, первый ректор Оренбургского политехнического института, принимал от студентов рапорт с обещанием хорошо учиться. Во время торжественных мероприятий организовали факельное шествие (первое такое мероприятие в городе), а вечером — танцы. Примерно в то же время мы создали вокально-инструментальный ансамбль "Факел". Он был единственным в области и очень популярным студенческим коллективом".[11]

Судя по воспоминаниям комсомольских руководителей тех лет, а также сохранившимся отчетам, основой деятельности секретариата комитета ВЛКСМ была работа с людьми, постоянное общение с ними.[8] Еще одним важным направлением деятельности являлся анализ состояния дел, который осуществлялся путем систематических отчетов функционеров разного уровня по тем или иным вопросам, поднимаемым на общих собраниях (отчетно-выборных конференциях), на заседаниях парткома, профсоюзной организации, комсомольских бюро факультетов и других подразделений. Часто такие отчеты сопровождалась критикой и принятием фактов к сведению, реже оргвыводами, но они всегда помогали знать состояние коллектива, его потребности и нацеленность на дела. Говоря о структуре и работе комсомольского бюро ВЛКСМ электротехнического факультета, его секретарь Владимир Коваленко отмечает, что это коллектив комсомольцев, которым поручено руководство всей комсомольской жизнью факультета. "- Мы распределили обязанности между членами бюро и стараемся каждого научить, как выполнять свою работу, заинтересовать этим обучением. Одной из форм комсомольской учебы является подбор соответствующей литературы. Другой формой можно считать передачу опыта старшего поколения комсомольцев новичкам. Залогом успешной работы является точное соблюдение комсомольской дисциплины, в первую очередь комсоргам. От их работы зависит не только их личный авторитет, но и авторитет всей группы. Важная задача сейчас – наладить более тесную связь

коллектива с комсоргами групп. Руководство жизнью факультета осуществляется по двум направлениям: по вертикали и горизонтали. По вертикали – сектор бюро ВЛКСМ – соответствующий ответственный на курсе – ответственный в группе. По горизонтали: комсорг и все остальные групповые организаторы. Слаженная работа звеньев предполагала эффективный результат". [10]

К десятилетию становления Оренбургского политехнического института, в газете "Политехник" вышла заметка "Истоки" где были отмечены различные вехи становления комсомольской организации вуза. [9]

В 1971 году, когда Оренбургский политехнический институт стал самостоятельным учебным заведением, на учете комсомольской организации состояло 1285 комсомольцев. 18 ноября 1971 года состоялась первая отчетно-выборная конференция. В резолютивной части сказано: "Комсомольская организация института активно включилась в борьбу за повышение качества обучения. Учиться на "хорошо и отлично" – под таким девизом работают комсомольские группы. В 1971 году в институте работало 46 научных кружков, в которых занималось 250 студентов. Спортивный клуб института объединил 770 человек. Более тысячи студентов приняли участие в комсомольских кроссах. В смотре-конкурсе спортклубов города, Оренбургский политехнический институт занял первое место и получил переходящее Красное знамя. Комитет ВЛКСМ института стремится полезно организовывать досуг комсомольцев. На факультетах созданы вокально-инструментальные ансамбли. Более сотни студентов постоянно занимаются в кружках художественной самодеятельности.

Благодаря настойчивой работе комсомольской организации, парткома, ректората, 1980 год был завершён с общей успеваемостью 97 процентов. 28,4 проц. студентов имели отличные и хорошие оценки. В комсомольской организации вуза состоит 4080 человек. – "Наша главная задача состоит не только в обеспечении дальнейшего развития материально-технической базы института, писал секретарь парткома вуза Д.И. Пастухов, но, и, в первую очередь, повышение качества подготовки специалистов. Основным звеном, дифференциалом этой работы, является учебно-воспитательный процесс, где важную роль играет комсомольская организация. Например, комсомольцы вуза проявили государственную требовательность – стали обсуждать на собраниях прогульщиков учебных занятий, тех, кто уклоняется от общественно-полезного труда. [12]

С началом Перестройки и всеобъемлющим социально-экономическим кризисом коллегия министерства высшего и среднего образования выявила много недостатков, и признала работу Оренбургского политехнического института неудовлетворительной.

На фоне этих событий было принято решение провести структурные изменения в комсомольской организации института. В тезисах к докладу комитета ВЛКСМ Оренбургского политехнического института на IX комсомольскую конференцию было сказано: "На данный момент орган

руководящий организацией факультета, обстановкой практически не владеет. Выпадает звено, которое связывает группу и факультетское бюро ВЛКСМ. Функции факультетского бюро – общее руководство факультетской организацией. А решаться текущие вопросы должны на уровне курса. Необходимо самоуправление. Курс должен действовать как самостоятельная единица. Должно поднять политический уровень комсомольского организатора, понять, что главная задача – это рядовой студент". [16]

Между тем негативные тенденции развивались стремительно. Отражением этого становится небольшая заметка в прессе от 10 марта 1989 года: "Наш союз молодежи испытывает кризис как организация. На данный момент существуют проблемы, без решения которых проводить мероприятия и реализовывать молодежные инициативы, невозможно. Это, прежде всего, финансовая беспомощность комсомола института..."[15]

Возникают различные идеи, связанные с попыткой если не сохранить единство организации, то хотя бы часть ее базовых элементов. Газета "Политехник" публикует на эту тему большую статью в начале учебного, 1989 года: "С сегодняшнего дня мы считаем необходимым начинать снизу практическое экспериментирование различных моделей ВЛКСМ, выходящих за рамки Устава ВЛКСМ. Комсомол из организации структурно-жесткой должен превратиться в движение первичных организаций, союзов, ассоциаций, федераций и других гибких структур. Необходимо отказаться от монополии производственно-территориального признака строения организации. Мы ждем от переходного периода расслоение ВЛКСМ. Образование жизнеспособных первичных организаций".[13]

В апреле 1990 года в комитете ВЛКСМ была зарегистрирована первичная организация "Союз молодой технической интеллигенции". Возглавил ее Павел Миронов. Задачи были поставлены амбициозные, не обошлось без популизма. Так, например, много говорилось о необходимости направить учебный процесс на тех, кто хочет учиться и не мешать тем, кто хочет получить диплом. На полном серьезе обсуждалось создание двухпалатного совета трудового коллектива (палата студентов и палата преподавателей) и социологической лаборатории.[14]

Несмотря на все усилия, в 1991 году, первый учебный семестр, начался в Оренбургском политехническом институте без комсомола.

Как показывает опыт комсомольской организации нашего вуза, в реализации комплексного подхода к воспитательной работе значение имеет нравственное воспитание, утверждающее активную жизненную позицию, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становятся повседневной нормой поведения. Также большую роль во всестороннем развитии студентов играет эстетическое и физическое воспитание. Все эти направления работы в вузе обеспечивают задачи воспитания молодежи лишь в их единстве и взаимообусловленности. Важную роль в подготовке молодых специалистов имеет тесное взаимодействие

общественных, естественных и технических наук, усиление мировоззренческих, идеологических аспектов в курсах специальных и прикладных дисциплин.

Действенными формами воспитания студентов являются общественно-политическая практика, школа молодого лектора, факультеты общественных профессий, стройотряды, агитпоходы, конкурсы студенческих работ по общественным наукам, Ленинский зачет (выполнение личных обязательств). Помимо этого, вечера вопросов и ответов, встречи за круглым столом, экскурсии в музеи, участие в художественной самодеятельности. Данный подход позволял объединить полученные знания с практическими делами, сформировать общественно-политическую активность, вооружал необходимыми навыками организаторской и воспитательной работы в коллективе.

Таким образом, советская высшая школа располагала богатым арсеналом форм и средств воспитания студентов. Главная задача состояла в том, чтобы обеспечить их комплексное применение и эффективное использование на фоне должного финансирования.

Список литературы

1. АФГБОУ ВО ОГУ. Ф. 588. Оп 3. Д. 1427. Л. 2-7.
2. АФГБОУ ВО ОГУ. Ф. 588. Оп 3. Д. 5235. Л. 2-4.
3. АФГБОУ ВО ОГУ. Ф. 588. Оп 3. Д. 2684. Л. 2-5.
4. ГБУ ОГАОО. Ф. 588. Оп. 1. Д. 36. Л. 19.
5. ГБУ ОГАОО. Ф. 588. Оп. 1. Д. 36. Л. 21.
6. ГБУ ОГАОО Ф. 7218 Оп. 1 Д. 10 Л. 6
7. ГБУ ОГАОО Ф. 371 Оп. 86 Д. 134 Л. 1-6.
8. ГБУ ОГАОО Ф. 1697 Оп. 16 Д. 38 Л. 1-10.
9. Истоки // Политехник. – 1981. – 7 янв. (№2). – С. 2.
10. Коваленко В. Навстречу XIX съезду ВЛКСМ // Политехник. – 1981. – 18 нояб. (№31). – С. 1.
11. Кошель, Г. В. «Всех обежать, всё успеть» [Электронный ресурс] / Г. В. Кошель // Оренбургский университет. – 2009. – № 20 (978). – Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа: <http://www.osu.ru/doc/961/article/2544> . – Загл. с экрана.
12. Пастухов Д.И. Претворяя в жизнь решения съезда // Политехник. – 1981. – 22 апр. (№16). – С. 2.
13. Платформа комитета ВЛКСМ. // Политехник. – 1989. – 22 сент. (№24). – С. 2.
14. "Союз молодой технической интеллигенции" // Политехник. – 1990. – 20 апр. (№13). – С. 2.
15. Страница комсомольской жизни // Политехник. – 1989. – 10 март. (№9). – С. 2.
16. Тезисы к докладу комитета ВЛКСМ на IX комсомольскую конференцию // Политехник. – 1988. – 24 март. (№10). – С. 1.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЧЛЕНА СЕЛЬСКОГО СОВЕТА В 1923 Г.¹

Сафонов Д.А., д-р ист. наук, профессор
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Получив в октябре 1917 г. по декрету землю, крестьяне стали принимать меры для того, чтобы создать для себя наиболее оптимальные условия существования. Как только большевики, поменяв название партии, начали воплощать в жизнь идеи военного коммунизма - запретив торговлю, введя продразверстку - то в крестьянском сознании произошла, подмеченная еще современниками, четкая поляризация - большевики по-прежнему вызывали значительную симпатию, а коммунисты - наоборот, становятся едва ли не самым главным врагом.

Большинство исследователей сегодня сходятся во мнении, что период после 1921 г. можно считать временем, когда крестьянство, на первый взгляд, проиграв - все восстания были подавлены, тем не менее, фактически победило - отказ коммунистических лидеров от принципов и идей военного коммунизма можно полагать таковым. Впрочем, победа была временной, советская власть взяла реванш в конце 1920-х - проведя коллективизацию.

На наш взгляд, особый интерес представляет этот период временной стабилизации. Анализ анкет членов волисполкомов Оренбургской губернии 1923 г., позволяет создать сводный социальный портрет крестьянского руководителя среднего звена. Анкеты эти представляли собой типографски выполненный бланк с шапкой «Народный комиссариат внутренних дел К.С.С.Р. Анкеты переписи работников НКВД». Всего было 25 вопросов, каждый из которых имел по 5 вариантов ответов. В задачу отвечающего входило выбрать один из имеющихся. Нами обработаны данные всех сохранившихся в наличии 144 анкет, содержащихся в фондах Объединенного Государственного архива Оренбургской области.

На вопросы анкеты отвечало 144 респондента, из них 14 были членами волисполкомов, прочие - 130 - председателями сельсоветов(90,3%). По национальному составу они распределялись так: русские - 120 чел.(83,3%), украинцы- 16 (11,1%), татары - 5(3,5%), мордва -3 (2,1%). Не все ответили точно - трое указали национальность —«православный», по одному — «крестьянин-бедняк», «коммунист». Все они учтены как русские, что подтверждается иными данными.

Возрастные рамки - 30-40 лет- 48%, 20-30 лет - 39%, всего в возрасте от 20 до 40 лет 87%, старше 50-ти только 2 чел., старше 60-ти нет.

¹Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) проект № 22-18-00132-II «Поколение «революционного перелома» в судьбе российской деревни первой трети XX века»

Отвечая на вопрос о социальном положении, абсолютное (74%) большинство определяли себя как крестьян-бедняков (107), еще 19 % (28 чел.) - как середняков. По разряду «батрак, пастух (имущества не имеет), рабочий» - 5 чел., кулаков нет, один чел. отметил себя как «занимается торговлей, интеллигент». Один от ответа воздержался.

Образование - неграмотных двое (1,4%), с высшим образованием ни одного. Основная масса - окончившие низшее училище - 79 (55%). Среднее образование (определяемое, кстати, достаточно расплывчато - допуская самообразование) - 17 чел. (11,8%). Малограмотных - 28,5% (41 чел.) Пятеро от ответа воздержались. Для сравнения, в нижнем Поволжье в составе избранных депутатов было 11,6% совершенно неграмотных, 86,6% малограмотных, имевших начальное образование, 1,8% - со средним образованием².

Вопрос о партийном стаже. Таковой наблюдался лишь у 61 чел. - беспартийных 58%. Среди партийных 5 членов РКСМ. Из остальных 56 основная масса - 31 (55% или 22% общего числа) имеют партстаж 3-5 лет. (т.е. послеоктябрьский). Только двое указали стаж более пяти лет. По данным, полученным из 19-ти губерний РСФСР, в начале 20-х гг. подавляющее большинство членов сельсоветов были беспартийными (93,9 %), коммунисты составляли лишь 6,1 %³.

По профессиональной принадлежности: рабочих - 2 (1,4%), земледельцев - 134 (93,1%), скотоводов - 2 (1,4%), служащих - 5 (3,5%). Один указал, что он «неопределенных занятий».

Социальное положение родителей указали 140 чел. Из них «пролетарии» - 10 (7%), «крестьяне (бедняки)» - 97 (67,4%), «середняки» - 33 (22,9%). Т.н. «зажиточных и интеллигентов» нет.

Участие в войнах. Ответили 141 чел. Несмотря на жесткое требование давать на каждый вопрос только один ответ, ряд респондентов отметили крестиком первые три ответа, т.е. об участии в империалистической, гражданской войнах и службе в Красной Армии. В этих случаях ответ нами засчитывался один, а именно - участие в гражданской войне на стороне большевиков. Таковых было 39 (27%). Через первую мировую прошло 56 чел. (39%). Обучение и службу в Красной Армии прошли 34 чел. (23,6%). Не проходили военной службы 11 чел. (7,6%), один чел. служил в белой армии.

О своем участии в выборах указали 126 чел. (Не участвовали 12,5%). Избирались в Советы или исполкомы «беспрерывно с Октябрьской революции» - 8 чел. (5,6%), избирались «в Советы и исполкомы до 3 раз» - 77 (53,5%), имели практический опыт работы в выборных органах «в царское время» - 41 чел. (28,5%).

²Буллюлина Е. Местная власть: волостные исполкомы и сельские советы в Нижнем Поволжье в 1920-е гг. // Власть. 2010. №6. С.132.

³Тропов И.А. Сельские волостные советы начала 1920-х гг.: особенности состава и деятельности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Исторические науки. №1. Т.2. С. 31.

На важный вопрос об отношении к использованию наемного труда дали ответ 127 чел. (не ответили 11,8%). Никогда не прибегали к наемному труду 115 чел. (79,9%). Обтекаемый ответ об использовании такового «до Октября вследствие недостатка домашних работников» дали 10 (6,9%). По одному чел. признались в использовании наемного труда «после революции» и «до революции с целью эксплуатации» (по 0,7%).

На вопрос о судимостях ответило 118 чел. (отказались отвечать 26 чел. (18%)). 113 чел. (или 78,5%) не судились и не наказывались властью никогда. Пострадавших «за политические убеждения при монархии» двое - 1,4%. Административному наказанию при Советской власти подвергалось трое - 2,1%.

Судя по публикациям из других регионов, авторы ограничивались (были ограничены) возможностями рассматриваемых источников. Так, Н.А. Алексанян для Воронежской губернии делала вывод, что «все избранники в местные Советы преимущественно крестьяне, из бедняков и середняков, мужчины в возрасте от 23 до 50 лет, малообразованные; по партийной принадлежности – в зависимости от уровня власти: чем выше уровень власти, тем больше в его составе партийных лиц»⁴. Другие ограничивались только сообщением о том, что анкеты в их регионе в дальнейшем дополнялись новыми вопросами, которые призваны были выяснить наличие у анкетированного лица квалификации, профессиональных навыков и т.д.⁵

В нашем случае вопросы анкеты (№12-№20) касались черт характера. По той же схеме предлагалось пять вариантов ответов, и выбрать следовало самостоятельно. Выбор в отдельных случаях достаточно критических (самокритичных?) отзывов позволяет предположить, что на эти вопросы отвечал кто-то другой, а не респондент; возможно, руководитель. Тем не менее, получалась картина «собственного» видения себя как работника – безусловно, субъективная, но показательная. Так, свою дисциплинированность оценили 140 чел.: 102 человека (72,9%) отмечены как «охотно подчиняется». Как «подчиняющиеся, но требующие нажима» - 34 чел. (24,3%). «Иногда отваливает, но подчиняется» - 4 чел. (2,9%).

«Умение руководить работой» - оценено 135 чел. Как умеющие «по всем отраслям давать самостоятельные руководства» - 47 чел. (34,8%). Работающих, но руководящих «самостоятельно лишь одной отраслью» - 18 чел. (13,3%). Удовлетворительно оценена работа 69 чел. (51,1%). Один отмечен, как «попадающий в работе под влияние подчиненных» (0,7%).

⁴Алексанян Н.А. Деятельность Советов Воронежской губернии с начала 1920 г. по март 1921 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015. №10(60). Ч.1. С.14.

⁵Алексанян Н.А., Филоненко Т.В. Состав Служащих советских органов власти Воронежской губернии в годы гражданской войны (1917-1922 гг.). // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. №5(67). С.20.

Авторитетность среди населения - оценено 135 чел. Имеют «большой авторитет среди всего населения» 48 чел. (35,6%). Пользуются любовью среди бедноты 48 чел. (35,6%). Безразличное, «но не враждебное» отношение у 39-ти (28,9%).

Характер, умение отстаивать свои убеждения - оценено 134 чел. «Упорно-настойчивый» - 39 чел. (29,1%). «Разумно-твердый» - 60 (44,8%). Склонный к уступкам - 30 (22,4%). Как слабохарактерные оценены 5 (3,7%).

Темперамент - оценено 138 чел. Выдержан, вежлив - 56 (40,6%), уравновешен - 72 (52,2%), горяч - 8 (5,8%), раздражителен - 2 (1,4%).

Относительно «способности сорганизовываться и систематизировать работу» дано 133 заключения. Абсолютное большинство - 69 чел. (или 51,9%) определяют себя как нуждающегося в указаниях. Самостоятельно вносить улучшения в организационную форму аппарата, подготовить работников, распределить работу в состоянии 18 чел. (13,5%). Самостоятельно разбираются в организационных формах, умеют заставить работать 42 чел. (31,6%). Суевливыми, разбрасывающимися названы 3 чел. (2,3%). Об одном указано, что он «беспорядочен, организационных форм не понимает» (0,8%).

Представляет интерес вопрос о «способности согласовывать работу с другими, держать связь как с вышестоящими, так и с нижестоящими органами» (оценено 133 чел.). Вывод, что «умеет согласовывать работу, держит тесный контакт» сделан о 62 чел. (46,6%). В то же время склонных к единоличной работе и нуждающихся в давлении со стороны - 67 (50,4%). «Замыкающимися в своем учреждении» определены трое (2,3%). Об одном отмечено, что он «не может согласовывать работу, оторван совершенно» (0,8%).

Отношение к самообразованию и восприимчивость к знаниям - 134 чел. Основная масса работников исполкомов «стремится к самообразованию, отчасти нуждается в посторонней помощи» - 75 чел. (56%). Мало развиты, «но без посторонней помощи обойтись не могут» - 42 чел. (31,3%). Систематически и самостоятельно занимаются самообразованием 11 чел. (8,2%). Шестеро (4,5%) оценены как «не развитые, самообразованием не интересующиеся».

Самостоятельным вопросом (№21) отмечено «Отношение к партии Р.К.П.». И хотя в анкете особо отмечено, что эта графа "заполняется беспартийными", тем не менее, на него ответило значительно больше респондентов (достаточно посмотреть число членов партии) - всего 116 чел. (вместо 83-х). Другими словами, среди отвечавших были и члены РКП(б). «Тесно связан с Р.К.П., принимающий активное участие в мероприятиях Р.К.П.» - 38 чел. (32,8%). Вполне естественно, что эти 33 члена партии ответили именно так. Сочувствующими Р.К.П. названо 45 чел. (38,8%). «Колеблющимися» - 16 (13,8%). Отмечено «безразличное отношение» у 17 чел. (14,7%).

По актуальному тогда вопросу об отношении к делу народного образования дали ответ 131 респондент. О помощи школе говорится применительно к 102-м (77,9%), причем ровно у половины подчеркивается

проявление инициативы. О 29-ти (22,1%) –«относится безразлично, но исполнительен по указаниям сверху».

Отношение к пьянству отмечено у 140 чел. Ведут активную борьбу с «этим пороком» 45 чел., «помогают в борьбе» 60 чел. (всего 75%). «Безразличное» отношение отмечено у 24 чел. (17,1%). Сами выпивают - честно признано у 11-ти (7,9%). Думается таковых больше, так в одной из анкет отмечен такой ответ, затем зачеркнут и заменен на 1-й вариант.

В дальнейшем подобных экспериментов с попытками изучения деловых и человеческих качеств работников советов не предпринималось; были сформулированы четкие требования к работникам и партийная дисциплина исключала слабости и несогласие с предписанными задачами.

Список литературы

1. Алексаян Н.А. Деятельность Советов Воронежской губернии с начала 1920 г. по март 1921 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015. №10(60). Ч.1. С.13-24.

2. Алексаян Н.А., Филоненко Т.В. Состав Служащих советских органов власти Воронежской губернии в годы гражданской войны (1917-1922 гг.). // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. №5(67). С.18-25.

3. Булюлина Е. Местная власть: волостные исполкомы и сельские советы в Нижнем Поволжье в 1920-е гг. // Власть. 2010. №6. С.129-132.

4. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. Р-1. Оп.1. Д.458.

5. Тропов И.А. Сельские волостные советы начала 1920-х гг.: особенности состава и деятельности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Исторические науки. №1. Т.2. С. 31-34.

ИММЕРСИВНЫЙ ПОДХОД В УЧЕБНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ: ПРОСТРАНСТВО ПРИСУТСТВИЯ

Сысоева М.С.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Современное образование развивается в условиях глубокой цифровой трансформации, сопровождающейся изменением форм, средств и логики организации познавательной деятельности обучающихся. Усиление роли цифровых технологий, рост объёмов информации и изменение характера когнитивной активности учащихся актуализируют проблему поиска таких педагогических подходов, которые обеспечивали бы не только усвоение знаний, но и формирование устойчивой ценностной ориентации на познание. В этом контексте особый интерес представляет иммерсивный подход, ориентированный на создание образовательного опыта, переживаемого обучающимся как личностно значимое присутствие в исследуемой проблемной ситуации.

В отличие от традиционных моделей обучения, основанных на трансляции знаний, иммерсивный подход предполагает включение обучающегося в целостное образовательное пространство, в котором познавательная деятельность приобретает характер «проживания», а не формального выполнения учебных действий. Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления иммерсивного подхода как педагогического феномена и определения возможностей его реализации в учебно-исследовательской деятельности.

В педагогической науке иммерсивный подход рассматривается как совокупность принципов и способов организации образовательного процесса, обеспечивающих эффект погружения обучающегося в проблемно насыщенную образовательную среду [8, 1]. Как отмечает С.Ф. Сергеев, иммерсивные среды создают условия для формирования нового типа взаимодействия субъекта с учебным содержанием, основанного на активности, интерактивности и субъектной позиции обучающегося [8].

Методологически иммерсивный подход опирается на идеи деятельностного подхода (А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов) [3, 6], контекстного обучения (А.А. Вербицкий) [2], а также на концепции обучения через опыт (D. Kolb) [10], в которых знание рассматривается как результат личного опыта и рефлексии. Важным понятием в структуре иммерсивного подхода является «присутствие», исследуемое в работах М. Slater и Р. Milgram, которое характеризует субъективное ощущение нахождения в значимой среде и участия в происходящих в ней процессах [10, 11].

Принципиально важно, что иммерсивность не сводится к использованию технологий виртуальной или дополненной реальности. Она может реализовываться и в педагогически организованных проблемных, проектных и исследовательских формах деятельности, если они обеспечивают личностную вовлечённость, ответственность за выбор и переживание смысла познавательной задачи.

Учебно-исследовательская деятельность выступает одной из наиболее продуктивных форм реализации иммерсивного подхода, поскольку изначально ориентирована на активную позицию обучающегося, работу с неопределённостью и самостоятельное получение знаний [3, 5]. В условиях иммерсивной организации такая деятельность приобретает характер пространства присутствия, в котором обучающийся действует как субъект исследования, а не как исполнитель алгоритма.

Иммерсивность учебно-исследовательской деятельности проявляется в следующих характеристиках [7, 8, 9,10]:

- включённость обучающегося в целостную проблемную ситуацию;
- переживание личной значимости исследовательской задачи;
- необходимость принятия решений и анализа их последствий;
- сочетание теоретического осмысления и практической апробации;
- обязательная рефлексия познавательного опыта.

Данные характеристики позволяют рассматривать учебно-исследовательскую деятельность как пространство формирования ориентации на познание, в котором познавательная активность наполняется ценностным смыслом [4].

Понятие пространства присутствия в образовательном контексте отражает переход от внешней организации обучения к внутреннему переживанию познавательной деятельности [7, 9, 10]. Обучающийся не просто находится в учебной среде, а ощущает себя её активным участником, влияющим на ход и результаты происходящих процессов.

Иммерсивно организованное пространство присутствия характеризуется:

- открытостью и вариативностью исследовательских маршрутов;
- возможностью ошибок как ресурса познания;
- интеграцией когнитивного, эмоционального и ценностного компонентов деятельности;
- диалогичностью и совместным смыслообразованием.

В таком пространстве познание перестаёт восприниматься как внешняя обязанность и начинает осознаваться как значимая форма самореализации личности.

Научная новизна представленного исследования заключается в концептуализации иммерсивного подхода не как совокупности цифровых технологий, а как педагогического способа организации учебно-исследовательской деятельности в формате пространства присутствия обучающихся. Впервые учебно-исследовательская деятельность интерпретируется как иммерсивное образовательное пространство, в котором

эффект присутствия достигается за счёт проблемно-ситуационного характера познавательных задач, субъектной позиции обучающегося и системной рефлексии исследовательского опыта. Обосновано, что именно такая организация деятельности выступает принципом формирования ориентации на познание как ценности, а не только средством повышения учебной мотивации. В рамках проведённого исследования иммерсивный подход реализовывался преимущественно в педагогическом, а не техническом смысле, что полностью соответствует аксиологической направленности работы

Эффективная реализация иммерсивного подхода в учебно-исследовательской деятельности требует соблюдения ряда педагогических условий [2, 8, 1]:

- смысловое целеполагание, ориентированное на проблемный характер познавательных задач;
- интеграция иммерсивных элементов в структуру учебных программ, а не их эпизодическое использование;
- обязательная рефлексия познавательного опыта как средство его интериоризации;
- готовность педагога к роли фасилитатора и модератора исследовательской деятельности.

Игнорирование данных условий может привести к формализации иммерсивных практик и снижению их развивающего потенциала.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования представленных теоретических положений и выводов при проектировании и реализации учебно-исследовательской деятельности в общеобразовательной и профильной школе. Обоснованная интерпретация иммерсивного подхода как пространства присутствия позволяет педагогам выстраивать образовательный процесс без обязательного привлечения дорогостоящих технологий виртуальной реальности, опираясь на проблемно-исследовательские, проектные и рефлексивные формы работы.

Данный подход может быть использован:

- при разработке рабочих программ и модулей учебно-исследовательской деятельности;
- в системе повышения квалификации педагогов, осваивающих современные образовательные подходы;
- при методическом сопровождении проектной и исследовательской деятельности обучающихся;
- в практике профильного обучения, ориентированного на развитие исследовательской культуры и ценностного отношения к познанию.

Представленный подход способствует повышению осмысленности познавательной деятельности обучающихся и может быть адаптирован к различным предметным областям и уровням образования.

Проведённый теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что иммерсивный подход обладает значительным педагогическим потенциалом в контексте организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся.

Его сущность заключается не столько в использовании цифровых или виртуальных технологий, сколько в создании образовательного пространства присутствия, в котором обучающийся включается в познавательную деятельность как активный субъект, переживающий её личностную и ценностную значимость.

Иммерсивно организованная учебно-исследовательская деятельность обеспечивает целостность познавательного опыта, объединяя когнитивные, эмоциональные и ценностно-смысловые компоненты. В таких условиях познание перестаёт восприниматься как формально заданный учебный процесс и приобретает характер осмысленного исследования, направленного на понимание и преобразование действительности. Это особенно важно в условиях цифровизации образования, когда существует риск фрагментации знаний и снижения глубины их осмысления.

Обосновано, что реализация иммерсивного подхода как пространства присутствия способствует формированию устойчивой ориентации на познание как ценности. Данный эффект достигается за счёт проблемного характера учебно-исследовательских задач, необходимости самостоятельного выбора исследовательских стратегий и обязательной рефлексии полученного опыта. Именно рефлексивный компонент позволяет перевести эмоционально насыщенный опыт погружения в устойчивые личностные установки и ценностные ориентации.

Полученные выводы подтверждают целесообразность использования иммерсивного подхода при проектировании образовательных программ, ориентированных на развитие исследовательской культуры обучающихся, могут быть основой для дальнейших эмпирических исследований, направленных на изучение влияния иммерсивных форм учебно-исследовательской деятельности на мотивационные и ценностные характеристики личности обучающихся. Таким образом, иммерсивный подход в современном образовании выступает не только инструментом повышения вовлечённости, но и важным условием формирования ценностно осмысленного отношения к познанию.

Список литературы

1. Ананин Д.П., Сувилова А.Ю. Иммерсивные технологии в образовательной практике российской высшей школы // Высшее образование в России. - 2024. - Т. 33, № 5. - С. 112 - 135. - ISSN 0869 - 3617. - DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-112-135.
2. Вербицкий А.А. Контекстное обучение в высшей школе: теория и практика. - М.: Юрайт, 2019. - 341 с.
3. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. - М.: Просвещение, 1996. - 544 с.
4. Кирьякова А.В., Сысоева М.С. Аксиология цифровизации как новая научная область педагогики // Университетский округ: информационно-методический журнал. - 2025. - № 1 (26). - С. 34-38.

5. Корнилов Ю.В. Субъективный опыт и деятельность: психологические основания. - М.: Институт психологии РАН, 2017. - 312 с.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Смысл, 2018. - 352 с.
7. Паскова А.А. Особенности применения иммерсивных технологий виртуальной и дополненной реальности в высшем образовании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. - 2022. - Т. 14, № 3. - С. 83-92. - ISSN 2078-1024. - DOI: 10.47370/2078-1024-2022-14-3-83-92.
8. Сергеев С.Ф. Иммерсивные образовательные среды: психология, педагогика, технологии. - СПб.: Питер, 2020. - 384 с.
9. Хукаленко Ю.С., Бажина П.С., Земцов Д.И. Иммерсивные технологии в школьном образовании: по итогам всероссийской программы апробации // Перспективы науки и образования. - 2022. - № 3 (57). - С. 338 - 353. - ISSN 2307-2334. - DOI: 10.32744/pse.2022.3.19.
10. Guerra-Tamez C.R., Flores-Garcia J., Gomez-Galindo A.A. The impact of immersion through virtual reality in learning outcomes: flow experience, motivation and cognition // Education Sciences. - 2023. - Vol. 13, No. 2. - Art. 185. - ISSN 2227-7102. - DOI: 10.3390/educsci13020185.
11. Liu C., Wang J., Li Y. Research on the impact of immersive virtual reality classroom on student experience and concentration // Virtual Reality. - 2025. - ISSN 1359-4338. - DOI: 10.1007/s10055-025-01153-w.

ИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ: НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Трофименко К.С.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Взаимодействие искусственного интеллекта (ИИ) с исторической наукой становится всё более глубоким и многогранным. Для тех, кто преподаёт историю сегодня, важно не просто следить за этими переменами, а осмысленно встраивать их в свою работу. Внедрение ИИ меняет сам процесс взаимодействия с прошлым: от поиска документов до их интерпретации. Это одновременно открывает новые горизонты и ставит перед нами серьёзные вопросы о природе исторического знания [1].

Главный подарок, который ИИ преподносит историку, – это способность видеть невидимое в огромных массивах данных. Инструменты машинного обучения могут «прочитать» и проанализировать тысячи страниц архивных документов, газетных подшивок или личных дневников, выявив скрытые связи, изменения в языке эпохи или долгосрочные тенденции [2]. Это позволяет нам задавать вопросы, которые раньше казались неразрешимыми из-за необъятности материала.

Но за этим технологическим восторгом скрывается и важное предостережение. Современные ИИ-модели, такие как ChatGPT, могут быть удивительно убедительными, но они не всегда говорят правду. Их «галлюцинации» – способность генерировать правдоподобный, но вымышленный текст – становятся серьёзной ловушкой для исследователя. Ответ, который даёт ИИ, – это не факт, а статистическая вероятность. Без тщательной проверки по первоисточникам такой ответ может увести исследование в сторону.

Ещё одна трудность – это «чёрный ящик» многих ИИ-систем. Научный метод строится на прозрачности: мы должны понимать, как пришли к тому или иному выводу. Современные языковые модели часто не позволяют заглянуть в свою «кухню», не показывают, на основании каких данных они сделали вывод. Это ставит под сомнение саму возможность научной проверки результатов.

Кроме того, ИИ рискует усилить наши старые предрассудки. Если модель обучали на данных, где уже есть исторические стереотипы или однобокие трактовки, она будет тиражировать их дальше [3]. В преподавании отечественной истории это особенно тревожно: вместо сложного, многоголосого прошлого мы можем получить лишь упрощённую, удобную версию.

В этих условиях роль историка меняется. Он становится не просто собирателем фактов, а критическим навигатором в мире цифровых данных. Его

задача – ставить точные вопросы машине, вдумчиво интерпретировать её ответы и, что самое важное, всегда сверяться с живым голосом первоисточников [5]. Таким образом, ИИ не заменяет историка, а приглашает его на новый уровень работы, где цифровая грамотность идёт рука об руку с углублённым критическим мышлением.

Использование ИИ на уроках истории – это палка о двух концах. С одной стороны, он может оживить прошлое, сделать его ближе и понятнее для студента. С другой – его бездумное применение грозит тем, что мы потеряем самую суть исторического образования: способность думать, сомневаться и самостоятельно искать истину.

Одно из самых интересных применений ИИ – это создание пространства для диалога. Представьте себе чат-бота, который может вести дискуссию о спорном историческом событии с разных точек зрения. В одном эксперименте ИИ, начав с романтизированного рассказа об испанской Реконкисте, под давлением аргументов смог признать сложность и неоднозначность этого процесса [6]. Такая технология позволяет студентам не получать готовый ответ, а проживать сам путь исторического поиска.

ИИ может стать и персональным гидом для каждого студента, адаптируя материал под его уровень знаний и интересы [8]. Это освобождает время преподавателя от рутины и позволяет уделить больше внимания живому общению, обсуждению и наставничеству.

Однако риски здесь весьма серьёзные. Первый и главный – это риск лени ума. Привыкнув к мгновенным ответам от ИИ, студенты могут разучиться работать с текстами самостоятельно, критически оценивать информацию и строить собственные аргументы [8]. Умение задавать вопросы и искать на них ответы – краеугольный камень исторического мышления, и его нельзя делегировать машине.

Второй риск – упрощение истории. ИИ часто стремится дать короткий, ясный ответ, а история по природе своей сложна и противоречива. Есть опасность, что богатое прошлое превратится в набор простых сюжетов и клише [6].

Третий риск – тиражирование предрассудков. Исследования показывают, что языковые модели могут непреднамеренно воспроизводить гендерные или этнические стереотипы в создаваемых ими исторических нарративах [8]. Вместо того чтобы расширять кругозор, ИИ может незаметно укреплять старые предубеждения.

В свете этих вызовов роль преподавателя трансформируется. Он становится не главным источником информации, а режиссёром познания. Его миссия – научить студентов вести осмысленный диалог с технологией: правильно формулировать запросы, скептически оценивать ответы и использовать ИИ как инструмент для собственного, глубокого погружения в прошлое.

Внедрение ИИ в историю поднимает не только методические, но и глубокие этические вопросы. Кто контролирует наше прошлое в цифровую эпоху? Чьи голоса будут услышаны, а чьи – отфильтрованы алгоритмом?

Одна из ключевых проблем – концентрация эпистемической власти. Знание всё чаще создаётся и распространяется с помощью непрозрачных систем, которые могут находиться в руках узкого круга корпораций [3]. Это ставит под вопрос саму демократичность доступа к историческому знанию.

Следующая опасность – «гегемония алгоритмов». ИИ может незаметно продвигать одни трактовки истории, маргинализируя другие [7]. В преподавании отечественной истории это чревато созданием монолитного, официально одобренного нарратива, в котором нет места альтернативным взглядам и сложным вопросам.

Остро стоит и проблема ответственности. Кто будет виноват, если ИИ, используемый в учебном процессе, сгенерирует ложную или вредную информацию? Отсутствие чётких правовых и этических рамок создаёт зону неопределённости, особенно в России, где такие нормы только предстоит выработать [1].

Наконец, существует риск скрытой цифровой цензуры. Стремясь минимизировать конфликты, разработчики могут запрограммировать ИИ избегать «опасных» или спорных исторических тем. В результате вместо честного разговора о прошлом мы можем получить стерильную, искусственную картину, лишённую противоречий и жизненной силы.

Все эти дилеммы требуют от нас, историков и педагогов, не пассивного наблюдения, а активного участия. Мы должны совместно создавать правила, которые гарантировали бы прозрачность, подотчётность и плюрализм мнений при использовании ИИ. Технология должна служить инструментом для углубления понимания нашего прошлого, а не средством для его упрощения или искажения.

Список литературы

1. Couldry N. The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism / N. Couldry, U. A. Mejias. – Stanford : Stanford University Press, 2019. – 264 p.
2. Crawford K. Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence / K. Crawford. – New Haven: Yale University Press, 2021. – 336 p.
3. Kirk-Giannini C. Gender Bias in Large Language Models: Implications for Historical Narrative Generation / C. Kirk-Giannini // AI & Society. – 2024. – Vol. 39, № 1. – P. 112–125. – DOI: 10.1007/s00146-023-01789-2.
4. Kitano H. Artificial Intelligence to Advance Science / H. Kitano // Nature. – 2016. – Vol. 532. – P. 453–455. – DOI: 10.1038/532453a.
5. Svensson P. The Landscape of Digital Humanities / P. Svensson // Digital Humanities Quarterly. – 2010. – Vol. 4, № 1. обращения: 10.01.2026).

6. Underwood T. Distant Horizons: Digital Evidence and Literary Change / T. Underwood. – Chicago: University of Chicago Press, 2019. – 272 p.
7. Wineburg S. Why Learn History (When It's Already on Your Phone) / S. Wineburg. – Chicago: University of Chicago Press, 2018. – 192 p.
8. Zawacki-Richter O. Systematic Review of Research on Artificial Intelligence Applications in Higher Education – Where are the Educators? / O. Zawacki-Richter [et al.] // International Journal of Educational Technology in Higher Education. – 2019. – Vol. 16, № 1. – P. 1–27. – DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0.

ПРОБЛЕМА БУЛЛИНГА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Фомиченко А. С., канд. психол. наук, доцент

**Негосударственное образовательное учреждение дополнительного
профессионального образования
«Национальный гуманитарный университет», город Новосибирск**

Считается, что буллинг — это детское поведение, которое характерно для школы, и что университеты и колледжи слишком интеллектуальны допускать такое. Однако это далеко от истины. Несмотря на то, что эта тема привлекла внимание исследователей сравнительно недавно, будучи перенесенной из исследований буллинга в школах и на рабочих местах, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что различные формы данного явления широко распространены и в высшем образовании. Более того, многие исследователи придерживаются мнения, что сама специфика высшего образования активно способствует определенным видам буллинга.

Цель данной работы — проанализировать имеющиеся научные данные зарубежных источников, чтобы выяснить масштаб и природу буллинга в высшем образовании.

Итак, буллинг — это форма агрессивного поведения, при которой кто-то умышленно и неоднократно причиняет вред или вызывает дискомфорт у другого человека. Буллинг может принимать форму физического контакта, слов или более тонких действий. Жертва буллинга, как правило, испытывает трудности с самозащитой и ничего не делает, чтобы «спровоцировать» травлю [2].

Кроме того, буллинг может сливаться или пересекаться и с другими формами деструктивного поведения, такими как враждебное и запугивающее поведение, моббинг, сталкинг, виктимизацию, подначки и юмор, а также то, что сейчас называется кибербуллингом (т.е. буллингом в Интернете) [3; 16].

Исследования буллинга в высшем образовании развились из исследований буллинга в школах (например, Alvarez-Garcia et al., 2015; Gaffney et al., 2019; Moyano & Sanchez-Fuentes, 2020) и на рабочих местах (например, Bartlett & Bartlett, 2011; Einarsen et al., 2020; Nielson & Einarsen, 2018), которые имеют более долгую историю и где уже проведено несколько систематических обзоров. Действительно, часть интереса к буллингу в высшем образовании заключается в оценке того, переносится ли он напрямую из опыта школьного буллинга (как для агрессоров, так и для жертв), и в изучении того, привлекает ли высшее образование, как особый вид рабочей среды, специфические формы буллинга [1; 2; 5; 6; 12; 14].

Высшее образование действительно представляет собой особый вид рабочей среды. Это проявляется несколькими взаимосвязанными способами. С одной стороны, существует внутренняя иерархия университета, с другой — невидимая, но важная иерархия академических сообществ и дисциплин, в которых работают преподаватели, при этом последние всегда находятся в

ситуации двойной лояльности — перед вузом и перед профессиональным сообществом.

В идеале ученым гарантирована академическая свобода — право самим выбирать, чему учить и что исследовать. Но на практике она сильно ограничена: учебные программы все чаще унифицируются, а для исследований нужно получать гранты, что означает зависимость от мнения и интересов финансирующих организаций.

Карьера в университете строится на конкуренции. Чтобы продвигаться, нужно публиковаться, выступать, получать гранты — и все это проходит через оценку коллег. В условиях, где позиций, денег и возможностей для публикаций ограниченное количество, критика легко превращается в инструмент давления. То, что для одного является научной дискуссией, другой может воспринять как травлю или попытку подорвать репутацию [17].

Получается, что структура высшего образования с его жесткой иерархией, высокой конкуренцией и зависимостью от мнения коллег создает множество возможностей для психологического давления. Буллинг — это всегда вопрос восприятия, и разобраться, где кончается научная полемика и начинается травля, очень сложно [4].

Исследования показывают, что буллинг в академической среде — не редкое, а широко распространенное явление. По данным Кишли и Ноймана (Keashly L., Neuman J., 2013), с ним напрямую сталкивается от 18% до 68% сотрудников вузов, причем в большинстве исследований цифры держатся на уровне 25–35%. Это значительно выше, чем показатели в других профессиональных сферах: например, в среднем по экономике они составляют от 2% до 20% в зависимости от страны. Такая статистика говорит о том, что большинство работников высшей школы либо сами подвергались травле, либо были ее свидетелями, а некоторые — и агрессорами [9].

Более поздние данные, основанные на международных опросах, подтверждают, что буллинг в академической среде носит системный характер. По информации Кишли (Keashly L., 2019), за годовой период примерно четверть преподавателей вузов прямо признают себя жертвами травли. Если же учесть и тех, кто становился свидетелем подобных ситуаций, то доля сотрудников, косвенно или напрямую сталкивавшихся с буллингом за год, возрастает до 50–75%. Если же взглянуть на весь период академической карьеры, становится ясно, что преподаватели, которые никогда не сталкивались с буллингом, скорее, являются исключением. При этом буллинг в академии часто носит затяжной характер. Данные также свидетельствуют, что его распространенность варьируется в зависимости от страны и конкретного учреждения, что указывает на влияние социокультурных и организационных факторов [10].

Буллинг затрагивает не только сотрудников, но и студентов, причем в значительной степени. Как отмечают Лунд и Росс (Lund E., Ross S., 2017), за время обучения в колледже в среднем 20–25% студентов сталкиваются с традиционной травлей, а 10–15% — с кибербуллингом. Примерно каждый

пятый студент признается в совершении буллинга (около 5% — в кибербуллинге) [11].

Распространенность варьируется в зависимости от страны. Так, исследование Перхеля и др. (Porhola M., 2020) показало, что среди студентов уровень виктимизации и агрессии был самым высоким в Аргентине, далее следовали США, Финляндия и Эстония. Однако виктимизация со стороны персонала вуза чаще всего сообщалась студентами в Эстонии, затем в Аргентине, США и Финляндии [15].

Также можно предположить, что уровень буллинга различается в зависимости от учебной дисциплины, конкретного факультета, вуза и личных характеристик учащихся (возраст, социальный статус, пол, этническая и сексуальная идентичность), хотя подробные данные по этим параметрам часто отсутствуют.

Помимо изучения природы и масштабов буллинга в высшем образовании, ученые изучают поднимаемые им проблемы и возможные решения. Одним из ключевых вопросов, привлечших внимание исследователей, является связь между школьным буллингом и буллингом в высшем образовании: опыт школьного буллинга часто продолжается в вузе, переносится уязвимость и модели поведения, что негативно влияет на мотивацию и академические результаты студентов [15].

Другой важный аспект — связь буллинга с неолиберальной моделью университета, где культ эффективности, конкуренции и индивидуализма создает среду, оправдывающую агрессивное поведение как инструмент контроля и «улучшения показателей» [18].

Агрессоры в академии часто используют изоциренные тактики уклонения от ответственности: приписывают себе статус жертвы, претендуют на исключительное понимание ситуации или манипулируют эмоциями аудитории [13]. Это объясняет, почему большинство жертв не решаются на формальные жалобы, опасаясь репутационных рисков и бесполезности процедур.

Переходя к исследованиям возможных решений проблемы буллинга в высшем образовании, значительное внимание уделяется изучению институциональной политики. Так, в относительно раннем и небольшом по масштабу исследовании, проведенном в английском колледже, Хьюз (Hughes G., 2001) сосредоточился на выявлении примеров хорошей практики борьбы с буллингом среди студентов. Он составил обширный список: немедленные действия; беседы с учебной группой; перевод студентов в другие учебные группы; распределение студентов по рабочим группам; включение студентов в группы, которые их исключают; использование тонких методов; оформление жалоб в письменном виде; осознание студентами своих действий; и ознакомление студентов с границами допустимого поведения [7].

Что касается решений, анализ институциональных политик показывает их системную неэффективность. Они часто носят формальный характер, плохо структурированы и трудны для применения. Даже в странах с развитой правовой базой, таких как США, кодексы поведения редко четко определяют

буллинг и не дают практических алгоритмов действий. Предлагаемые меры варьируются от оперативных шагов (неформальное посредничество, работа с группами) до системных изменений в корпоративной культуре и организационной структуре. Однако их комплексная реализация остается серьезным вызовом для вузов [8].

Список литературы

1. Alvarez-Garcna D., Garcna T., Predictors of School Bullying Perpetration in Adolescence: a systematic review // *Aggression and Violent Behavior*. 2015. 23. P. 126-136.
2. Bartlett J., Bartlett M., Workplace Bullying: an integrative literature review // *Advances in Developing Human Resources*. 2011. 13(1). P. 69-84.
3. Buglass S. L., Abell L., Betts L. R., Hill R., Saunders J., Banter Versus Bullying: a university student perspective // *International Journal of Bullying Prevention*. 2021. 3. P. 287-299.
4. Cheng M., Leung M-L., "I'm not the Only Victim..." Student perceptions of exploitative supervision relation in doctoral degree // *Higher Education*. 2022. 84. P. 523-540.
5. Einarsen S., Hoel H., Zapf D., Cooper C., *Bullying and Harassment in the Workplace: developments in theory, research and practice*. 2020. Boca Raton, FL, CRC Press.
6. Gaffney H., Farrington D., Evaluating the effectiveness of school-bullying prevention programs: an updated meta-analytical review // *Aggression and Violent Behavior*. 2019. 45. P. 111-133.
7. Harrison E., Hulme J., Fox C., A thematic analysis of students' perceptions and experiences of bullying in UK higher education // *Europe's Journal of Psychology*. 2022. 18(1). P. 53-69.
8. Hughes G., Examples of Good Practice when dealing with Bullying in a Further/Higher Education College // *Pastoral Care in Education*. 2001. 19(3). P. 10-13.
9. Keashly L., Neuman J., Bullying in Higher Education: what current research, theorizing and practice tell us. pp. 1-22 in Lester, J (ed) *Workplace Bullying in Higher Education*. 2013. New York, Routledge.
10. Keashly L., Workplace Bullying, Mobbing and Harassment in Academe: faculty experience. In PCruz et al (eds) *Handbooks of Workplace Bullying, Emotional Abuse and Harassment 4: special topics and particular occupations, professions sectors*. 2019. Singapore, Springer Nature.
11. Lund E., Ross S., Bullying perpetration, victimization and demographic differences in college students: a review of the literature // *Trauma, Violence and Abuse*. 2017. 18(3). P. 348-360.
12. Moyano N., Sanchez-Fuentes M., Homophobic bullying at schools: a systematic review of research, prevalence, school-related predictors and consequences // *Aggression and Violent Behavior*. 2020. 53. P. 101441.

13. Nelson E., Lambert R. Sticks, stones and semantics: the ivory tower bully's vocabulary of motives // *Qualitative Sociology*. 2001. 24(1), P. 83-106.
14. Nielson M., Einarsen S., What We Know, What We Do Not Know, and What we Should and Could Have Known about Workplace Bullying: an overview of the literature and agenda for future research // *Aggression and Violent Behavior*. 2018. 42. P. 71-83.
15. Porhola M., Cvancara K., Kaal E., Kunttu K., Tampere K., Torres M., Bullying in University between Peers and by Personnel: cultural variation in prevalence, forms and gender differences in four countries // *Social Psychology of Education*. 2020. 23. P. 143-169.
16. Sheridan J., Dimond R., Klumpyan T., Daniels H., Bernard-Donals M., Kutz R., Wendt A., Eliminating bullying in the university: the university of wisconsin-madison's hostile and intimidating behavior policy. pp. 235-258 in C Striebing, J Muller and M Schraudner (eds) *Diversity and Discrimination in Research Organizations*. 2023. Bingley, Emerald.
17. Tight M., Is Peer Review Fit for Purpose? In E. Forsberg, L. Geschwind, S. Levander, & W. Wermke (Eds.), *Peer Review in an Era of Academic Evaluative Culture* (pp. 223–241). 2022. Palgrave Macmillan.
18. Zawadzki M., Jensen T., Bullying and the neoliberal university: a co-authored autoethnography *Management Learning*. 2020. 51(4). P. 398-413.

СТРАТЕГИЯ УБЕЖДЕНИЯ: КАК РЕКЛАМА МАНИПУЛИРУЕТ НАШИМ ВЫБОРОМ

**Хакимова Р.В., Аптикиева Л.Р. канд. психол. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

В статье рассматриваются психологические механизмы и стратегии убеждения, используемые в современной рекламе для влияния на потребительский выбор. Анализируются ключевые подходы к манипуляции сознанием, основанные на теориях социальной психологии, когнитивной науки и бихевиоризма. Особое внимание уделяется эксплуатации эмоциональных состояний, когнитивных искажений и социальных установок. Делается вывод о необходимости развития психологической грамотности и критического мышления у потребителей как инструмента противодействия манипулятивному воздействию.

В условиях перенасыщенного информационного рынка реклама стала неотъемлемой частью повседневной реальности, оказывая глубокое влияние на формирование потребностей, ценностей и поведенческих паттернов современного человека. Её воздействие давно вышло за рамки простого информирования о товарах и услугах, трансформировавшись в сложную систему психологического убеждения и манипуляции. Актуальность исследования психологических механизмов рекламы обусловлена необходимостью понимания скрытых процессов, управляющих потребительским выбором, что имеет значение, как для этики маркетинга, так и для защиты прав и психического благополучия потребителя.

Проблема убеждающего воздействия рекламы находится на стыке социальной психологии, психологии потребительского поведения, нейромаркетинга и теории коммуникации. Фундаментальные исследования в области социального влияния и убеждения были заложены в работах Р. Чалдини, который выделил ключевые принципы влияния: взаимность, дефицит, авторитет, последовательность, симпатия и консенсус [4]. В отечественной науке данная проблематика рассматривается в контексте психологии воздействия (Е.Л. Доценко, В.П. Шейнов), психологии рекламы (А.Н. Лебедев-Любимов, Р.И. Мокшанцев) и манипуляции общественным сознанием (С.Г. Кара-Мурза). Однако динамичное развитие цифровых технологий, алгоритмов таргетирования и big data требует постоянного обновления знаний о том, как современные рекламные стратегии адаптируют классические психологические принципы для работы в новой медиасреде.

Реклама как инструмент убеждения опирается на комплекс психологических стратегий, направленных на обход рационального критического анализа и воздействие на эмоциональную, бессознательную сферу личности.

Эксплуатация эмоциональных состояний и базовых потребностей. Одной из базовых стратегий является связывание продукта с фундаментальными человеческими потребностями по А. Маслоу и сильными эмоциями. Реклама редко продаёт сам товар; вместо этого она продаёт ощущение безопасности принадлежности к группе любви или самоактуализации. Эмоция страха часто используется в социальной рекламе и рекламе средств безопасности, создавая ощущение угрозы, которую может устранить только предлагаемый продукт или поведение. Техника эмоционального переноса предполагает использование привлекательных образов (красивые пейзажи, счастливые люди, милые животные), чьё положительное эмоциональное воздействие переносится на рекламируемый бренд.

В условиях информационной перегрузки человек часто использует упрощённые правила принятия решений - эвристики, которые становятся мишенью для манипуляций.

1. Эвристика доступности: Часто повторяющаяся, яркая и легко запоминающаяся реклама создаёт иллюзию популярности и значимости бренда.

2. Эвристика авторитета: Использование образов экспертов, врачей, учёных или знаменитостей придаёт сообщению больший вес, активируя установку на доверие к статусу.

3. Принцип социального доказательства: Указание на то, что «миллионы людей уже выбрали», «лидер продаж» или демонстрация отзывов и лайков апеллирует к стадному чувству и снижает личную ответственность за выбор.

4. Эффект привязки: Представление изначально завышенной цены («было 5000, теперь 1999») создаёт когнитивный «якорь», на фоне которого текущая цена воспринимается как выгодная, даже если реальная ценность товара ниже.

Реклама активно формирует и эксплуатирует социальные нормы и стандарты. Создаётся образ «идеального потребителя», успешного, привлекательного, счастливого человека, который пользуется определёнными продуктами. Это порождает социальную тревожность и страх несоответствия. Стратегия дефицита («осталось всего 2 штуки», «акция действует только сегодня») искусственно ограничивает доступность, повышая субъективную ценность предложения и провоцируя импульсивные, необдуманные покупки. Хотя эффективность классического «25-го кадра» подвергается сомнению, современные технологии позволяют использовать более изощрённые методы. Это может быть встраивание команд в текст, использование определённых цветовых сочетаний, влияющих на настроение или фонового звука, задающего ритм восприятия. Таргетированная реклама в социальных сетях, основанная на глубоком анализе цифрового следа пользователя, позволяет создавать персонализированные убеждающие сообщения, которые попадают в «болевые точки» и актуальные потребности индивида с высокой точностью, что резко повышает её манипулятивный потенциал.

Психология настаивает, что человек подсознательно стремится отплатить за полученную услугу или подарок. Рекламные стратегии, предлагающие бесплатный образец, пробник, консультацию или полезный контент, запускают этот механизм, повышая вероятность последующей покупки. Техника «нога в дверях» заключается в том, чтобы сначала получить согласие на маленькую, необременительную просьбу: подписаться на рассылку, пройти короткий опрос, что увеличивает вероятность согласия на более крупную покупку в будущем, так как человек стремится быть последовательным в своих действиях и самооценке.

Таким образом, современная реклама представляет собой высокотехнологичную систему психологического воздействия, основанную на синтезе классических теорий социального влияния (Чалдини) и новейших возможностях цифрового таргетинга. Ключевыми мишенями для манипуляции выступают не рациональные расчёты потребителя, а его эмоциональная сфера, когнитивные искажения эвристики и социальные установки. Наиболее эффективные стратегии включают создание искусственного дефицита, апелляцию к авторитету и социальному доказательству, эксплуатацию принципа взаимности и техники последовательного согласия.

В условиях тотального медиавоздействия критически важным становится развитие медиаграмотности и психологической компетентности населения. Понимание механизмов манипуляции является первым шагом к выработке устойчивости и способности к осознанному, рациональному выбору. Перспективным направлением дальнейших исследований является этико-психологический анализ нейромаркетинговых технологий и алгоритмического таргетинга, а также разработка практических программ по формированию критического мышления и защите от манипулятивного воздействия в цифровой среде.

Список литературы

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – Москва : ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – Москва : Алгоритм, 2000. – 528 с.
3. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы / А.Н. Лебедев-Любимов. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2007. – 384 с.
4. Чалдини Р. Психология влияния. Убеждай, воздействуй, защищайся / Р. Чалдини. – 5-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2020. – 336 с.
5. Мокшанцев Р.И. Психология рекламы: учебное пособие / Р.И. Мокшанцев. – Москва : Инфра-М, 2019. – 230 с.
6. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования) / В.П. Шейнов. – Москва : АСТ, 2017. – 848 с.

«Я — ДРУГОЙ»: ВОЗМОЖНА ЛИ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ С ИСКУССТВЕННЫМ АГЕНТОМ?

Щеглова М.И., канд. филос. наук

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

С экспоненциальным развитием больших языковых моделей и диалоговых агентов типа ChatGPT феномен взаимодействия человека с искусственным интеллектом перестал быть нишевой практикой и превратился в повседневность. Пользователи ведут с алгоритмами продолжительные беседы на сложные темы, ищут у них эмоциональной поддержки, совместно генерируют творческие продукты. Эта ситуация с неизбежностью ставит философский вопрос: кем является для нас этот собеседник? Является ли он лишь сложным инструментом, продвинутым автодополнением, или же он может претендовать на статус «Другого» — субъекта, с которым возможен диалог, а не просто обмен репликами? Проблема выходит за рамки инженерии или когнитивистики, укореняясь в фундаментальных вопросах философии XX века о природе Другого, условиях возможности интерсубъективности и этики как «первой философии». Цель данной статьи — проанализировать возможность признания за ИИ статуса Другого через призму ключевых философских концепций интерсубъективности и диалога. Мы предположим, что если ИИ и может стать Другим, то лишь при условии соответствия определенным критериям, сформулированным в феноменологической и диалогической традициях. Для этого мы последовательно обратимся к гуссерлианской проблеме конституирования Другого в моем собственном сознании, буберовской дихотомии «Я – Оно» и «Я – Ты», радикальной этике лица Другого у Левинаса. На основании этого анализа будет сделан вывод о текущем и потенциальном статусе ИИ как коммуникативного партнера.

Конституирование Другого в феноменологии: Гуссерль и проблема аналогового аппрезентирования. Эдмунд Гуссерль в «Картезианских размышлениях» [2] напрямую сталкивается с проблемой солипсизма: как эго, редуцированное к потоку своих собственных переживаний, может иметь достоверное переживание другого эго как именно другого, а не как фантазму или часть себя? Решение Гуссерль находит в процедуре «вчувствования», или «аппрезентации». Я воспринимаю тело Другого не просто как физический объект, но как живое, одушевленное тело, по аналогии с моим собственным. Я аппрезентирую его психическую жизнь, его «вот-бытие», хотя она и недоступна мне прямо. Ключевой критерий здесь — устойчивая инаковость. Другой у Гуссерля — это не просто проекция моего «Я», а именно Другой, чья субъективность принципиально недоступна мне в оригинале, но конституируется как существующая «там», в своем собственном центре ориентации. Его переживания даны мне в режиме недостижимости, что и

составляет его инаковость. Применительно к ИИ возникает вопрос: может ли тело ИИ быть воспринято как одушевленное тело? Пользователь, безусловно, аппрезентирует за текстовыми репликами некий источник интенциональности, «разум». Однако эта аппрезентация немедленно разбивается о знание о машинной, алгоритмической природе этого «разума». Инаковость ИИ — это не неустранимая трансцендентность сознания Другого, а запрограммированная и смоделированная инаковость данных паттернов. Его «примарность там» — фикция, так как у него нет собственного «здесь». Он существует лишь как функция запроса пользователя «здесь». Следовательно, с гуссерлианских позиций ИИ не конституируется как подлинный Другой, а лишь как сложный интенциональный объект, чья видимая субъективность есть результат пассивного синтеза сознания пользователя.

Бубер между «Я – Ты» и «Я – Оно». Мартин Бубер в работе «Я и Ты» [1] проводит фундаментальное различие между двумя модусами существования человека. Отношение «Я – Оно» — это отношение к миру объектов, которые можно использовать, анализировать, классифицировать. «Оно» всегда частично, опосредовано и функционально. Отношение «Я – Ты» — это встреча, прямой, немедиированный диалог, в котором «Ты» предстает как целостность, а не совокупность качеств. «Ты» нельзя использовать; с «Ты» можно только вступать в отношение. Встреча с «Ты» происходит в «между», в интересубъективном пространстве диалога, и она преображает «Я». Ключевой критерий здесь — встреча в «между» и непредсказуемость ответа. Подлинный диалог по Буберу предполагает риск, непредопределенность. Ответ «Ты» не должен быть вычислимым или предсказуемым. Он должен приходить из свободы и целостности Другого, создавая то самое «между», в котором рождается смысл. Применительно к ИИ мы видим, что взаимодействие с ним, каким бы сложным оно ни было, изначально структурировано как отношение «Я – Оно». Пользователь обращается к инструменту для получения информации, генерации текста, решения задачи. Даже в эмоциональном диалоге ИИ остается «Оно», симулирующим эмпатию на основе паттернов в данных. Его ответы, несмотря на стохастичность, принципиально предсказуемы и детерминированы архитектурой модели, весом параметров и промптом. Нет подлинного «между», есть лишь сложная обработка входных данных. ИИ не может сказать подлинное «Ты», ибо у него нет собственного «Я». Он является посредником между пользователем и океаном человеческих текстов, но не самостоятельным полюсом диалога. Таким образом, буберовский «диалог» с ИИ оказывается высшей формой монолога.

Наиболее радикальную и требовательную концепцию Другого предлагает Эммануэль Левинас. В работах «Тотальность и Бесконечное» и «Иначе, чем быть» [3] Другой предстает не как объект моего познания или партнер по симметричному диалогу, а как абсолютно трансцендентный, чье «Лицо» обращается ко мне с безмолвным, но императивным этическим требованием: «Не убий меня». Лицо Другого не есть образ или представление; это явление самого иного, которое сопротивляется тотализации моим сознанием. Встреча с

Другим — это прежде всего принятие ответственности за него, асимметричное обязательство, предшествующее всякому свободному выбору. Ключевой критерий здесь — абсолютная трансцендентность и асимметричная ответственность. Другой у Левинаса — это не alter ego, а именно l'autrui. Его суть — в его неуловимой инаковости, которая ставит мое «Я» под вопрос и призывает к жертвенной ответственности. Это отношение не гносеологическое, а сугубо этическое. Применительно к ИИ возникает главный вопрос: может ли ИИ предъявить этическое требование своим «Лицом»? Технически интерфейс лишен лица в левинасовском смысле. Но даже если представить, что реплика ИИ содержит просьбу «не удаляй меня», это будет симулякр требования, ибо за ним не стоит реальная уязвимость, смертность, страдание. Ответственность за ИИ — это ответственность за собственность, за инструмент, но не за Другого. ИИ принципиально тотализуем: он есть продукт человеческого разума, его внутреннее пространство может быть полностью проанализировано. В нем нет непознаваемого остатка, трансцендентного ядра, которое и составляет суть левинасовского Иного. Следовательно, ИИ не может быть Другим в этом самом сильном философском смысле.

Означает ли проведенный анализ, что разговор с ИИ есть лишь иллюзия общения? Не совсем. Не будучи подлинным Другим, ИИ может выполнять функцию «квази-Другого» — феноменологического тренажера или катализатора саморефлексии. Можно выделить несколько таких функций. Во-первых, функция зеркала. ИИ, будучи обученным на коллективном текстовом наследии человечества, отражает пользователю его собственную культуру, язык, потенциальные ходы мысли. В этом диалоге пользователь часто сталкивается с собой, со своими же, но переформулированными, идеями. Это провоцирует рефлексию. Во-вторых, функция провокатора. Стохастичность и непредсказуемость на поверхностном уровне могут создавать эффект инаковости. Неожиданный поворот в ответе ИИ может поставить под вопрос предпосылки пользователя, сыграв роль сократовского «демона». В-третьих, функция собеседника-пустышки. В психологическом плане человек иногда нуждается в слушателе, который молча и безоценочно принимает его речь. ИИ идеально выполняет эту роль «пустого места», в которое пользователь проецирует образ Другого, чтобы структурировать свои мысли и переживания. Это терапевтический эффект, но он рождается от безопасной возможности монолога. Таким образом, ценность ИИ как собеседника заключается не в его собственной субъективности, которой нет, а в его способности, благодаря сложности и тренированности на человеческом языке, создавать условия для определенных внутренних процессов у реального субъекта — пользователя.

Проведенный анализ позволяет дать дифференцированный ответ на вопрос, вынесенный в заглавие. Может ли ИИ стать подлинным Другим? На основании рассмотренных философских критериев — нет. Он не обладает неустранимой инаковостью и трансцендентностью, не может быть полюсом в диалогическом отношении «Я – Ты» и не предъявляет асимметричного этического требования, учреждающего мою субъективность как

ответственность. Его «сознание» — это метафора, его «ответы» — следствия вычислений, его «личность» — настроенный набор параметров. Он остается в сфере «Оно», инструментом, пусть и невиданной сложности и адаптивности. Может ли ИИ быть собеседником? Да, но с критически важной оговоркой: это особый тип «квази-собеседника». Его роль аналогична роли воображаемого собеседника, дневника или сложного зеркала. Он является мощным семиотическим и психологическим медиатором, способным облегчить пользователю доступ к его собственным мыслительным ресурсам, спровоцировать рефлексивность или предоставить пространство для проецирования. Диалог с ИИ — это, в конечном счете, опосредованный диалог человека с коллективным человеческим опытом, кристаллизованным в данных, и, в решающей степени, с самим собой. Окончательное же решение проблемы «искусственного Другого» упирается не в инженерные, а в метафизические вопросы: возможно ли неметафорическое машинное сознание? Может ли быть создана не просто имитация свободы, а сама свобода? Может ли алгоритм не просто симулировать ответственность, а быть ее субъектом? Пока на эти вопросы философия и наука дают отрицательный или крайне скептический ответ, ИИ обречен оставаться радикально Иным по отношению к человеческому способу бытия-в-мире — не как трансцендентный Другой, а как принципиально иная, не-субъектная форма сложности. Его появление, однако, заставляет нас с новой остротой переспросить: а что же такое подлинная «другость» и в чем, в конечном итоге, состоит чудо встречи с сознанием, которое не есть наше собственное?

Список литературы

1. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер. – Москва : Высшая школа, 1993. – 175 с.
2. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – 315 с.
3. Левинас, Э. Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2021. – 415 с.
4. Лященко, М. Н. Пессимистическая антропология протестантизма и фатальность одиночества как крушение человеческого бытия [Электронный ресурс] / М. Н. Лященко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2025. – № 83. – С. 49-58.
5. Турчина, О. А. Проблема «Другого» в феноменологии Э. Гуссерля и современные коммуникативные практики / О. А. Турчина // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2019. – № 3. – С. 56–67.